

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2025

Том 9 № 4

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2025

Vol. 9 no. 4

ПРАВОО ПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 1916 году

Т. 9, № 4 • 2025

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габов – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

М.В. Сенцова (Карасева) – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы России (г. Воронеж, Россия)

В.Л. Слесарев – начальник отдела договорного права Исследовательского Центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Л.А. Терехова – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшей школы (г. Омск, Россия)

С.Ю. Чуча – главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права РАН, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в сфере трудового права и права социального обеспечения, председатель Арбитражного суда г. Москвы в отставке, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

Е.Г. Шаблова – заведующая кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия)

Т.Ф. Яцук – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарлович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронис Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сяньвань – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунань – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644099, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, каб. 704. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Сайт журнала: <https://enforcement.omsu.ru>. Включает полнотекстовые версии статей на русском и английском языках.

Правила для авторов, этика публикаций, информация об индексации журнала в международных базах цитирования и иные сведения представлены на сайте журнала.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статье; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Репечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 16.12.2025. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 337. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 9, no. 4 • 2025

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskiy – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 704, 6, Frunze ul., Omsk, Omsk Oblast, 644099, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

The journal's website: <https://enforcement.omsu.ru>. It includes full-text versions of articles in Russian and English.

The authors' guidelines, publication ethics, information about the journal's indexing in international citation databases and other information are available on the journal's website.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: December 16, 2025. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 337. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 9, № 4 • 2025

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Минбалеев А.В., Евсиков К.С.</i> Развитие нормативно-правового и нормативно-технического регулирования в сфере квантовых коммуникаций	5
<i>Степанов О.А., Степанов М.М.</i> Подходы к правовому регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в правоохране	15
<i>Залоило М.В., Власова Н.В.</i> Феномен интернет-мемов в правовом пространстве	26

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Жарова А.К.</i> Правовые аспекты искусственного интеллекта в обеспечении национальной безопасности: вызовы и угрозы	36
<i>Кравец И.А.</i> Конституирующая власть в конституционном развитии и публичной коммуникации: сравнительные аспекты конституционных изменений	47
<i>Третьяк И.А.</i> Конституционно-правовой спор о посмертной репродукции: презумпция согласия или несогласия?	58
<i>Коновальчиков Я.А.</i> Понятие политической борьбы в конституционном праве	68
<i>Турищева Н.Ю.</i> Информирование и агитация в контексте цифровой трансформации избирательного процесса	78

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

<i>Гриценко Е.В.</i> Правовые формы реализации концепций «умного» города: проблемы и перспективы	88
<i>Киреева Е.Ю.</i> Муниципальный финансовый контроль: тенденции и перспективы развития	100

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

<i>Воронков Д.В., Сосновикова А.М.</i> Модели использования следователем современных информационных источников ориентирующего и доказательственного значения	109
<i>Никулина В.А.</i> «Не навреди»: нормативная и экспертная оценка последствий неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи	119

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

<i>Сурдина А.И., Липчанская М.А.</i> Преюдициальность судебных решений при рассмотрении споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних	129

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

<i>Васеловская А.В.</i> Понятие и цели исполнительной пробации в России	139

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Зайцева Л.В., Анбрехт Т.А.</i> Межрегиональный вахтовый метод: дискриминация работников и дисбаланс «северных» гарантий	149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Костюков А.Н.</i> Современное российское государство и право. Обзор международной научно-практической конференции памяти профессора А.И. Казанника	159

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 9, no. 4 • 2025

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Minbaleev A.V., Evsikov K.S.</i> Development of legal and technical regulation in the sphere of quantum communications	5
<i>Stepanov O.A., Stepanov M.M.</i> Approaches to the legal regulation of artificial intelligence application in law enforcement	15
<i>Zaloilo M.V., Vlasova N.V.</i> The phenomenon of Internet memes in the legal space	26

THE LAW ENFORCEMENT BY THE PUBLIC AUTHORITIES

<i>Zharova A.K.</i> Legal aspects of artificial intelligence in ensuring national security: challenges and threats	36
<i>Kravets I.A.</i> Constituent power in constitutional development and public communication: comparative aspects of constitutional change	47
<i>Tretiak I.A.</i> Constitutional-legal dispute on posthumous reproduction: presumption of consent or disagreement?	58
<i>Konovalchikov Ya.A.</i> The concept of political struggle in constitutional law	68
<i>Turischeva N.Y.</i> Information and campaignment in the context of digital transformation of the electoral process	78

THE LAW ENFORCEMENT BY THE LOCAL AUTHORITIES

<i>Gritsenko E.V.</i> The legal framework for smart city concepts: challenges and opportunities	88
<i>Kireeva E.Y.</i> Municipal financial control: trends and prospects	100

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

<i>Voronkov D.V., Sosnovikova A.M.</i> Models of the investigator's use of modern information sources of orienting and evidentiary value	109
<i>Nikulina V.A.</i> "First, do no harm": a regulatory and expert assessment of the consequences of failure to provide or improper provision of medical care	119

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Surdina A.I., Lipchanskaya M.A.</i> The prejudicial force of court decisions in cases involving the rights and interests of minors	129

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

<i>Vaselovskaya A.V.</i> The concept and goals of executive probation in Russia	139

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

<i>Zaitseva L.V., Anbrekht T.A.</i> Interregional rotational method: discrimination of workers and imbalance of "northern" guarantees	149

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kostyukov A.N.</i> Contemporary Russian state and law. Review of the International scientific conference in memory of Professor Alexey I. Kazannik	159

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 34.9

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).5-14

РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО И НОРМАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ КВАНТОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ*

А.В. Минбалеев¹, К.С. Евсиков^{1,2}

¹*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

г. Москва, Россия

²*Тульский государственный университет, г. Тула, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
15 мая 2025 г.

Дата принятия в печать –
20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Квантовые коммуникации,
квантовая криптография,
квантовые технологии,
концепция регулирования
отрасли квантовой
коммуникации, меры
поддержки, нормативно-
техническое регулирование,
нормативно-правовое
регулирование, стимулирование

Исследуются последние изменения в законодательстве России, отражающие активные процессы производства и внедрения продукции отрасли квантовых коммуникаций на рынке информационной безопасности, обусловленные, в том числе, принятием Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 г. Представлен анализ состояния и направления российского правового регулирования в сфере связи, а также мер поддержки и стимулирования развития отрасли квантовых коммуникаций. Выявлены основные проблемы и перспективы развития нормативно-технического регулирования в области квантовых коммуникаций, а также направления его взаимодействия с нормативным правовым регулированием данной сферы.

DEVELOPMENT OF LEGAL AND TECHNICAL REGULATION IN THE SPHERE OF QUANTUM COMMUNICATIONS**

Alexey V. Minbaleev¹, Kirill S. Evsikov^{1,2}

¹*Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia*

²*Tula State University, Tula, Russia*

Article info

Received –
2025 May 15

Accepted –
2025 September 20

Available online –
2025 December 20

Subject. The article examines the latest changes in Russian legislation, reflecting the active processes of production and implementation of quantum communications industry products in the information security market, caused, among other things, by the adoption of the Concept of regulation of the quantum communications industry in the Russian Federation until 2030. The article presents an analysis of the state and direction of Russian legal regulation in the field of communications, as well as measures to support and stimulate the development of the quantum communications industry. The main problems and prospects for the development of technical regulation in the field of quantum

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-18-00950 «Проблемы и перспективы регулирования квантовых коммуникаций в условиях экономики данных»).

** The research was funded by the Russian Science Foundation (project № 24-18-00950 “Problems and Prospects of Regulation of Quantum Communications in a Data Economy”).

Keywords

Quantum communications, quantum cryptography, quantum technologies, concept of regulation of the quantum communications industry, support measures, technical regulation, legal regulation, stimulation

communications, as well as the directions of its interaction with the legal regulation of this area, are identified.

The purpose of the article is to identify the main directions and patterns of development of legal and technical regulation in the field of quantum communications in Russia.

Methodology. The following methods were used: a combination of the dialectical method with the methods of formal logic, formal legal and comparative legal analysis. A legal and technical method was also used, which allows identifying the main promising areas of interaction between legal and technical regulation of relations in the field of quantum communications.

Main results. It has been established that the legal regulation of quantum communications by the legislation of the Russian Federation in the field of communications should be carried out through the creation of a legal mechanism for testing, trial operation and implementation of technologies without excessive administrative procedures while ensuring the necessary level of security and controllability by government agencies. Experimental legal regimes in the field of digital innovations can become a legal means for creating such a mechanism. Measures to support the quantum communications industry and their promising areas of development have been identified and analyzed.

It has been established that regulatory and technical regulation actually determines the main vectors of development of the quantum communications industry in Russia and in the world. The main measures necessary for the development of regulatory and technical regulation of quantum communications in Russia have been analyzed.

Conclusions. To integrate quantum communications into the unified telecommunication network of the Russian Federation, the need has been substantiated and the adoption of a number of regulatory legal acts has been proposed. The development of quantum communications technologies requires special state support for the implementation and application of experimental legal regimes in the field of digital and technological innovations, including special programs, the development of public-private partnerships, regional and special sites. The experience of foreign and international standardization in the field of quantum communications shows that the quantum Internet of Things is a promising technology, the development of which in Russia is only being discussed. In the Russian Federation, there are already quantum communication lines, but there are no permanent standards, which is a significant constraint in the development of the corresponding regulatory framework. To ensure the reliability, authenticity, security and interoperability of solutions in the field of quantum communications, it is necessary to bring the regulatory and technical regulation in this area to uniformity, taking into account existing international standards, the experience of foreign countries and the level of development of domestic technologies.

1. Введение

Организацией Объединенных Наций 2025 год провозглашен Международным годом квантовой науки и технологий (*International Year of Quantum Science and Technology*). Развитие данных технологий сегодня связывается с проходящей во всем мире квантовой революцией и внедрением этих технологий будущего во все сферы общественной жизни. Но квантовые технологии уже сегодня рассматриваются как высокорисковые. Современные исследования свидетельствуют, например, что создание того же квантового компьютера может способствовать «разрушению» значительной части современных систем

защиты информации [1], поскольку его алгоритмы способны дешифровать современные методы криптографии и уже практически реализуются¹. Другой угрозой в части развития квантовых технологий является мировая технологическая конкуренция. Экономически развитые государства мира ставят одной из ключевых задач обеспечение технологического лидерства и суверенитета. Квантовые технологии в этой части рассматриваются как одна из ключевых в рамках этих целей. В России развитие квантовых технологий является одной из наиболее прорывных сфер, что позволяет уверенно быть в числе мировых лидеров. Эти и другие угрозы детерминируют необ-

¹ См.: Chinese researchers develop quantum computer-based method to crack RSA encryption // Gigazine. Oct. 15, 2024. URL:

https://gigazine.net/gsc_news/en/20241015-rsa-encryption-quantum-computer (дата обращения: 01.05.2025).

ходимость более пристального внимания российского государства к этой проблеме, в том числе в части правового обеспечения предотвращения таких рисков и угроз [2–5].

Методология исследования. В рамках исследования использовались следующие методы: сочетание диалектического метода с методами формальной логики, формально-юридического и сравнительно-правового анализа. Также использовался юридико-технический метод, позволяющий выявить основные перспективные направления взаимодействия правового и технического регулирования отношений в сфере квантовых коммуникаций.

2. Основные направления развития нормативно-правового регулирования в сфере квантовых коммуникаций

Анализ задач, которые поставлены в Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 г., свидетельствует о необходимости развития ряда направлений.

2.1. Развитие регулирования отношений в сфере квантовых коммуникаций в области связи

Здесь сегодня активно идет обсуждение распространения норм об электросвязи на сферу квантовых коммуникаций или создания специального вида связи – квантовой – и разработки специального регулирования. В частности, не закреплен понятийный аппарат, необходимо развивать правовые механизмы эффективной интеграции существующих и новых каналов квантовых коммуникаций в существующие сети связи, а также определить правила оказания квантовой связи.

Полагаем, что правовое регулирование квантовых коммуникаций законодательством Российской Федерации в области связи должно осуществляться через создание правового механизма тестирования, опытной эксплуатации и внедрения технологий без избыточных административных процедур с обеспечением необходимого уровня безопасности и контролируемости со стороны государственных органов. Правовым средством создания такого механизма могут стать экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций [6; 7]. Полагаем, что для интеграции квантовых коммуникаций в единую сеть электросвязи Российской Федерации необходимо принятие нормативных правовых актов, обеспечивающих:

– создание, эксплуатацию и соединение сетей квантовой связи, принадлежащих разным субъектам права, а также взаимодействие сетей квантовой связи с иными сетями электросвязи, входящими в единую сеть электросвязи Российской Федерации;

– развитие технологий квантовой связи и квантовой криптографии (квантовое распределение ключей);

– обеспечение доступа физических и юридических лиц к сетям квантовой связи.

При предоставлении доступа к квантовым коммуникациям для широкого круга лиц возникает проблема регулирования отношений субъекта, оказывающего услуги, и потребителя. Для регламентации данных правоотношений допустимо либо заключить договор, либо установить специальные правила оказания услуг. В связи с этим нами был разработан проект Правил оказания услуг квантовых коммуникаций.

Также в рамках данного направления правового регулирования квантовых коммуникаций в Российской Федерации утвержден Предварительный национальный стандарт Российской Федерации – ПНСТ 829–2023 «Квантовые коммуникации. Общие положения», который введен в действие Приказом Росстандарта от 11 июля 2023 г. № 22-пнст. В данном нормативном техническом документе закреплена типовая схема квантовой коммуникации. Как следует из нее, для квантовых коммуникаций требуются три канала связи: квантовый канал; канал синхронизации; служебный канал. Все вместе они составляют систему квантовых коммуникаций, обеспечивающую передачу данных между квантовым передатчиком и квантовым приемником. При этом служебный канал и канал синхронизации могут быть реализованы с помощью любых линий электросвязи, а для квантового канала нужна специальная линия связи, которая с технической точки зрения не может относиться к линиям электросвязи. В связи с этим возникает правовой парадокс: хотя с физической точки зрения канал квантовой связи не относится к линии электросвязи, но его функционирование в рамках действующего национального стандарта самостоятельно невозможно. Поэтому сеть квантовых коммуникаций следует рассматривать как сеть электросвязи, что позволяет распространить на линии квантовых коммуникаций общий правовой режим, регламентирующий создание и эксплуатацию элементов единой сети электросвязи Российской Федерации. Таким образом, происходит взаимодействие и влияние нормативно-технического регулирования квантовых коммуникаций на нормативно-правовое. В этой части сегодня основным направлением будет соответствующая адаптация законодательства о связи к формирующейся системе квантовой связи.

В рамках общего правового режима формируемые сети квантовой коммуникации могут быть отне-

сены: к выделенным сетям связи; технологическим сетям связи. Данные сети связи не имеют жесткой правовой регламентации, а их владельцы сами определяют порядок их функционирования. В связи с этим предлагается начать эксплуатацию сетей квантовой коммуникации в рамках существующего правового режима, а после апробации – инициировать внесение изменений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие взаимодействие сетей квантовой связи с иными сетями электросвязи, входящими в единую сеть электросвязи Российской Федерации.

2.2. Система правового регулирования стимулирования и поддержки отрасли квантовых коммуникаций

Одним из базовых направлений развития законодательства о квантовых коммуникациях является система стимулирования и поддержки отрасли квантовых коммуникаций. Здесь можно выделить следующие ключевые направления развития.

2.2.1. Осуществлены базовые меры в виде формирования кодов продукции по видам экономической деятельности в действующие классификаторы. Так, в Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008) добавлен ряд специальных кодов.

Данная мера во многом способствовала как непосредственно развитию рынков соответствующей продукции и услуг, увеличению их количества и качества, так и позволила развивать другое законодательство, основанное на их использовании, например законодательство о закупках, в том числе в части пределов и запретов по закупке соответствующей продукции в сфере квантовых коммуникаций российскими органами государственной власти и государственными предприятиями и организациями у иностранных производителей. Это также будет способствовать продвижению соответствующей продукции в рамках региональных и международных объединений, в которых участвует Российская Федерация, в том числе ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС и др.

Закрепление продукции квантовой сферы в классификаторах позволяет сформировать механизм оценки квантового оборудования на предмет его производства, компонентной базы именно на территории России. Это позволит поддержать отечественный рынок квантовых коммуникаций и внести вклад в развитие технологического суверенитета России [8]. Также внесение кодов продукции и услуг сферы квантовых коммуникаций стало основой для современных разработок в этой части примени-

тельно к сфере квантовых измерений и использования квантового компьютера. Она также стремительно развивается в части не только опытного внедрения, но и потенциального использования в органах государственной власти и коммерческого использования российскими предприятиями уже в ближайшее время.

Таким образом, эти меры направлены на обеспечение поддержки отечественных производителей в отрасли квантовых коммуникаций, а также обеспечение развития отрасли квантовых коммуникаций в условиях недружественных действий в отношении Российской Федерации, российских компаний и граждан.

2.2.2. Развитие мер поддержки во многом реализуется посредством экспериментального правового регулирования. Согласно Постановлению Правительства РФ от 28 октября 2020 г. № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» квантовые технологии, включая квантовые коммуникации, включены в перечень технологий, которые применяются в экспериментальных правовых режимах. На сегодняшний день в Реестре экспериментальных правовых режимов нет ни предложений, ни фактически введенных режимов, предусматривающих применение квантовых технологий в целом. Таким образом, пока нет ни одного экспериментального правового режима, но со стороны участников отрасли квантовых коммуникаций имеется соответствующий запрос. В ходе конференций, круглых столов и стратегических сессий представители отрасли и органы публичной власти положительно высказывались о данном способе регулирования квантовых технологий. Но до настоящего времени ни одно юридическое лицо не согласилось выступить инициатором экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций.

Сегодня выявлен ряд ключевых направлений, в рамках которых в перспективе возможно введение такого режима. Это применение технологий квантовых коммуникаций в системе обеспечения информационной безопасности в рамках отдельных органов государственной власти или государственных корпораций, в банковской сфере, а также в избирательном процессе. Кроме того, нами выявлено, что существует целесообразность введения экспериментальных режимов для регулирования квантовых коммуникаций в отдельных сферах, включая беспилотный транспорт и логистику, интернет вещей, портативную электронику, современные и перспективные

сети мобильной связи, а также иные сферы, где есть необходимость в повышении уровня информационной безопасности. Кроме того, сегодня явно существует возможность выведения линий квантовых коммуникаций из-под системы норм, формирующих общее правовое регулирование в области связи, защиты информации, криптографии, внешнеэкономической деятельности. Но для этого очевидно необходимо создание специальных условий со стороны стейкхолдеров отрасли квантовых коммуникаций и государства по созданию организационно-правовых условий разработки и внедрения экспериментальных правовых режимов в этой сфере.

Введение экспериментальных правовых режимов также возможно и в рамках использования данных технологий в технопарках, особых экономических зонах и центрах. Так, Постановлением Правительства РФ от 30 ноября 2021 г. № 2133 создан и функционирует инновационный научно-технологический центр «Квантовая долина». В рамках данных зон субъекты отрасли квантовых коммуникаций уже получают различные меры поддержки, включая налоговые. Объективно это можно реализовывать в подобных зонах и в рамках экспериментальных правовых режимов, что позволит более эффективно использовать возможности данного правового инструмента.

С распространением законодательства об экспериментальных правовых режимах на государственно-частные партнерства также в перспективе возможна реализация таких проектов и в связи с внедрением и использованием технологий квантовых коммуникаций и иных технологий.

Кроме того, экспериментальные режимы в сфере квантовых коммуникаций в перспективе могут быть реализованы в рамках отдельных субъектов Российской Федерации. Так, представляет интерес опыт США, в частности разрабатываемый проект «Техасская квантовая инициатива», который направлен на то, чтобы сделать Техас штатом – национальным лидером США в области квантовых технологий, способствуя развитию квантовых вычислений, квантовых коммуникаций и сенсорных технологий.

2.2.3. Поддержка сферы квантовых коммуникаций в рамках научно-исследовательского и образовательного трека. Здесь мы наблюдаем ряд инициатив, которые находят отражение в законодательстве. Так, согласно утвержденному Президентом РФ Перечню поручений от 3 сентября 2023 г. № Пр-1734 Правительству РФ необходимо обеспечить разработку инструментов комплексной поддержки развития квантовых коммуникаций, в том числе:

- бесперебойную деятельность научных коллективов и лабораторий в сфере обеспечения безопасности данных и с использованием технологии квантового шифрования по этим направлениям;

- активное привлечение отечественных и иностранных специалистов для проведения исследований в данной области;

- упрощение порядка использования средств государственной поддержки научных исследований по тематике квантовых коммуникаций;

- создание специального университета в области квантовых технологий;

- расширение научного сотрудничества со странами БРИКС;

- активизация обмена научной информацией, в том числе посредством создания международных научных журналов и проведения конференций, и др.

В целях ускорения развития технологий защищенных квантовых систем передачи данных Указом Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» они были включены в перечень важнейших наукоемких технологий. Они же выступают наилучшими доступными технологиями [9]. Соответственно, они относятся к направлениям грантовой бюджетной поддержки.

Для развития образовательных программ, направленных на подготовку кадров в области квантовых коммуникаций, был утвержден ряд профессиональных стандартов для специалистов в области квантовых коммуникаций.

3. Развитие нормативно-технического регулирования отрасли квантовых коммуникаций

Важнейшим направлением регулирования сферы квантовых коммуникаций является нормативно-техническое регулирование. Важно сегодня обеспечить систему эффективного взаимодействия правового и технического регулирования данной сферы. Нормативно-техническое регулирование фактически определяет основные векторы развития отрасли квантовых коммуникаций [10, с. 237]. Нормативно-правовое регулирование во многом зависит от него как в части понятийного аппарата, так и формирования пределов правового регулирования складывающихся отношений. Анализ опыта правового регулирования квантовых коммуникаций за рубежом свидетельствует, что практически все ведущие экономически развитые государства, ставящие задачи по технологическому мировому лидерству, акцентируют внимание на приоритетное развитие

технического регулирования и на определение на его основе направлений нормативно-правового регулирования [11].

С позиции перспективы развития нормативно-технического регулирования, наиболее приоритетными являются национальные стандарты, закрепляющие требования к сетям квантовых коммуникаций; программному обеспечению; оборудованию; использованию технологий квантовых коммуникаций в существующих линиях связи; проведению испытаний сетей квантовых коммуникаций, оборудования и программного обеспечения. Данный перечень во многом соответствует международным стандартам в этой сфере. Все эти стандарты являются техническими документами первого поколения, поэтому рассчитаны только на краткосрочный период действия. В последующем планируется их сохранение или изменение. Данный подход общепринят, но однозначно несет в себе риски для субъектов отрасли квантовых коммуникаций, которые несут сегодня значительные затраты на формирование национальной экосистемы квантовых коммуникаций. К их числу относится ОАО «Российские железные дороги», которое уже построило и использует магистральную сеть квантовых коммуникаций, а также Консорциум отечественных вузов, который создал межуниверситетскую сеть квантовой коммуникации [12].

При изменении предварительных национальных стандартов возникает риск, что эксплуатировать созданные сети квантовой коммуникации станет весьма затруднительно или невозможно. В связи с этим сегодня объективно нужны нормативные технические акты в сфере квантовых коммуникаций постоянного действия. Отсутствие постоянных стандартов является фактором, существенно ограничивающим сегодня развитие нормативно-правового регулирования отрасли квантовых коммуникаций. Связано это в первую очередь с невозможностью определения конкретных приоритетных направлений технологического развития в сфере квантовых коммуникаций, которые бы поддерживались государством. Постоянные стандарты во многом способствовали бы и стабилизации рынка квантового оборудования и соответствующих определенных мер его государственной поддержки.

Также весьма актуален вопрос о приоритетных направлениях стандартизации сферы квантовой коммуникации. С точки зрения перспективности технологий одной из наиболее важных считается технология передачи квантовых ключей с использованием спутника [13]. Но в России спутниковая часть у

сетей квантовой коммуникации пока отсутствует, поэтому рассматривать ее как первоочередную для стандартизации квантовых технологий вряд ли рационально.

Одним из приоритетных направлений развития нормативно-технического регулирования сферы квантовых коммуникаций является синхронизация с международными организациями по стандартизации.

Стандартизация – важнейший элемент развития отрасли квантовых коммуникаций. При отсутствии национальных стандартов производители оборудования будут использовать технологии, которые могут не соответствовать заявленным характеристикам, а значит, не выполнять функцию по защите конфиденциальной информации. Отечественные эксперты справедливо отмечают, что очень часто в практических схемах распределения квантового ключа обычно пренебрегают различными реальными несовершенствами устройств [14]. Ни один постквантовый алгоритм в настоящее время не может быть признан полностью безопасным до реальной апробации технологий квантового вычислителя высокой мощности. Это очень важная сфера стандартизации, ведь, как неоднократно отмечалось, существуют перечень реально выполнимых атак на каналы квантовой коммуникации [15]. Всё это обуславливает значимость данного направления развития регулирования квантовых коммуникаций, оказывающего существенное влияние на право квантовых коммуникаций.

Анализ отечественных стандартов в области квантовых коммуникаций показывает, что мы находимся на первой стадии стандартизации, характеризующейся выработкой технической терминологии для новой отрасли. При этом ресурсы на стандартизацию тратятся нерационально. Разработка технических документов требует временных и финансовых затрат. В 2023 г. они были потрачены на создание четырех стандартов для квантового интернета вещей и только двух стандартов для квантовой коммуникации. При этом анализ отрасли показывает, что сегодня существует первоочередная потребность в стандартизации каналов квантовой коммуникации и оборудования квантовой коммуникации (квантовых приемников и передатчиков).

Опыт зарубежной и международной стандартизации в сфере квантовых коммуникаций свидетельствует, что квантовый интернет вещей является перспективной технологией, развитие которой в России пока только обсуждается. В Российской Федерации уже существуют линии квантовой связи, но

отсутствуют постоянные стандарты, что является существенным сдерживающим моментом в развитии соответствующей нормативно-правовой базы.

За рубежом происходит активная стандартизация технологий квантовых коммуникаций, что трансформируется в принятие первых международных стандартов. Российская Федерация участвует в данном процессе недостаточно активно. Только в 2024 г. наши эксперты впервые приняли участие в заседании совместного международного технического комитета по стандартизации квантовых технологий, образованного Международной организацией по стандартизации (*International Organization for Standardization, ISO*) и Международной электротехнической комиссией (*International Electrotechnical Commission, IEC*). Анализ международных субъектов стандартизации позволяет говорить, что это наиболее оптимальная площадка для нашей страны. Однако есть риски, что ее роль может быть уменьшена рядом государств, противодействующих включению России в эти процессы в рамках мировой технологической конкуренции. В связи с этим сегодня на государственном уровне весьма важно приложить максимальное количество мер по стимулированию и поддержке включения в эти процессы.

4. Выводы

Для интеграции квантовых коммуникаций в единую сеть электросвязи Российской Федерации обоснована необходимость и предложено принятие ряда нормативных правовых актов. Развитие технологий квантовых коммуникаций требует специальной государственной поддержки внедрения и применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций, в том числе специальных программ, развития государственно-частного партнерства, региональных и специальных площадок для такого развития.

На основании изложенного, целесообразно рассмотреть возможность по принятию двухсторонних соглашений в области стандартизации со странами ШОС, БРИКС, ЕАЭС. Это поможет отечественным производителям избежать влияния зарубежных стандартов без ущерба для их выхода на экспортные рынки.

Для обеспечения надежности, достоверности, безопасности и интероперабельности решений в области квантовых коммуникаций необходимо приведение к единообразию нормативно-технического регулирования в данной сфере с учетом существующих международных стандартов, опыта зарубежных стран и уровня развития отечественных технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корольков А. В. О некоторых прикладных аспектах квантовой криптографии в контексте развития квантовых вычислений и появления квантовых компьютеров / А. В. Корольков // Вопросы кибербезопасности. – 2015. – № 1 (9). – С. 6–13.
2. Добробаба М. Б. Обеспечение информационной безопасности как составляющая модели правового регулирования квантовых коммуникаций / М. Б. Добробаба // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10. – С. 108–116. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.108-116.
3. Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права / Е. В. Холодная // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 4. – С. 38–45. – DOI: 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045.
4. Минбалеев А. В. Обеспечение информационной безопасности оборудования добывающей промышленности в квантовую эпоху / А. В. Минбалеев, М. А. Берестнев, К. С. Евсиков // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2023. – Вып. 1. – С. 567–584. – DOI: 10.46689/2218-5194-2023-1-1-567-584.
5. Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 104–114. – DOI: 10.31857/S102694520019763-0.
6. Ефремов А. А. Перспективы развития экспериментального правового регулирования в сфере цифровых и технологических инноваций / А. А. Ефремов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 10. – С. 133–140. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.133-140.
7. Ефремов А. А. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций / А. А. Ефремов, В. Н. Южаков // Информационное общество. – 2021. – № 3. – С. 41–50. – DOI: 10.52605/16059921_2021_03_41.

8. Евсиков К. С. Правовые методы достижения технологического суверенитета в сфере квантовых коммуникаций / К. С. Евсиков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 2. – С. 108–116. – DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/108-116.
9. Минбалеев А. В. Наилучшие доступные технологии и их использование для технологического развития / А. В. Минбалеев, М. А. Берестнев, К. С. Евсиков // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2024. – Вып. 1. – С. 144–161.
10. Наумов В. Б. Правовые аспекты квантовых коммуникаций: новые горизонты / В. Б. Наумов, Г. В. Станковский // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 235–239.
11. Minbaleev A. Prospects for Legal Regulation of Quantum Communication / A. Minbaleev, S. Zenin, K. Evsikov // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 2. – P. 11–54. – DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-2-11-54.
12. Овсянников А. П. О проекте межуниверситетской квантовой сети / А. П. Овсянников, Б. М. Шабанов // Программные продукты и системы. – 2023. – Т. 36, № 4. – С. 695–702. – DOI: 10.15827/0236-235X.144.695-702.
13. Дуплинский А. В. Масштабируемая спутниковая сеть для квантового распределения ключей на основе кубсата / А. В. Дуплинский, А. В. Хмелев, В. Е. Мерзлинкин, Л. В. Письменюк, Р. М. Бахшалиев, К. А. Тихонова, И. С. Нестеров, В. Л. Курочкин, Ю. В. Курочкин // Вестник Томского государственного университета. Управление, вычислительная техника и информатика. – 2023. – № 63. – С. 103–110.
14. Реутов А. А. КРК и неидеальности фазового модулятора / А. А. Реутов, А. С. Тайдуганов // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Физико-математические науки. – 2022. – Т. 15, № 3.2. – С. 65–68. – DOI: 10.18721/JPM.153.212.
15. Ружицкая Д. Д. Создание уязвимостей в системах квантового распределения ключей в результате атаки импульсным лазером / Д. Д. Ружицкая, И. В. Жлуктова, М. А. Петров, К. А. Зайцев, П. П. Ачева, Н. А. Зыников, А. В. Шилько, Д. Актас, Ф. Джолингер, Д. О. Трефилов, А. А. Поносова, В. А. Камынин, В. В. Макаров // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2021. – Т. 21, № 6. – С. 837–847. – DOI: 10.17586/2226-1494-2021-21-6-837-847.

REFERENCES

1. Korolkov A.V. On some applied aspects of quantum cryptography in the context of the development of quantum computing and emergence of quantum computers. *Voprosy kiberbezopasnosti = Cybersecurity issues*, 2015, no. 1 (9), pp. 6–13. (In Russ.).
2. Dobrobaba M.B. Info Ensuring information security as a component of the model of legal regulation of quantum communications. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 10, pp. 108–116. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.108-116. (In Russ.).
3. Kholodnaya E.V. Quantum technology as an object of law. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2022, no. 4, pp. 38–45. DOI 10.17803/2311-5998.2022.92.4.038-045. (In Russ.).
4. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S. Ensuring information security of mining equipment in the quantum era. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = News of the Tula State University. Sciences of Earth*, 2023, iss. 1, pp. 567–584. DOI: 10.46689/2218-5194-2023-1-1-567-584. (In Russ.).
5. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B. Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2022, no. 5, pp. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0. (In Russ.).
6. Yefremov A.A. Development prospects of experimental legal regulation in the field of digital and technological innovations. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 10, pp. 133–140. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.122.10.133-140. (In Russ.).
7. Yefremov A.A., Yuzhakov V.N. Evaluation of performance and efficiency of experimental regulation in the sphere of digital innovation. *Informatsionnoe obshchestvo*, 2021, no. 3, pp. 41–50. DOI: 10.52605/16059921_2021_03_41. (In Russ.).

8. Evsikov K.S. Legal methods for achieving technological sovereignty in the field of quantum communications. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University Series Law*, 2024, no. 2, pp. 108–116. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2024/2/108-116. (In Russ.).
9. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S. The best available technologies and their use for technological development. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = News of the Tula State University. Sciences of Earth*, 2024, iss. 1, pp. 144–161. (In Russ.).
10. Naumov V.B., Stankovskiy G.V. Legal aspects of quantum communications: new frontiers. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2019, no. 4, pp. 235–239. (In Russ.).
11. Minbaleev A., Zenin S., Evsikov K. Prospects for Legal Regulation of Quantum Communication. *BRICS Law Journal*, 2024, vol. 11, no. 2, pp. 11–54. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-2-11-54.
12. Ovsyannikov A.P., Shabanov B.M. On an interuniversity quantum network project. *Programmnye produkty i sistemy = Software & Systems*, 2023, vol. 36, no. 4, pp. 695–702. DOI: 10.15827/0236-235X.144.695-702. (In Russ.).
13. Duplinsky A.V., Khmelev A.V., Merzlinkin V.E., Pismeniuk L.V., Bakhshaliev R.M., Tikhonova K.V., Nestorov I.S., Kurochkin V.L., Kurochkin Y.V. Cubesat based scalable quantum key distribution satellite network. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika = Tomsk State University Journal of Control and Computer Science*, 2023, no. 63, pp. 103–110. (In Russ.).
14. Reutov A.A., Tayduganov A.S. QKD and phase modulator imperfections. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Fiziko-matematicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Physics and Mathematics*, 2022, vol. 15 no. 3.2, pp. 65–68. DOI: 10.18721/JPM.153.212. (In Russ.).
15. Ruzhitskaya D.D., Zhluktova I.V., Petrov M.A., Zaitsev K.A., Acheva P.P., Zunikov N.A., Shilko A.V., Aktas D., Johlinger F., Trefilov D.O., Ponosova A.A., Kamynin V.A., Makarov V.V. Vulnerabilities in the quantum key distribution system induced under a pulsed laser attack. *Nauchno-tekhnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki = Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*, 2021, vol. 21, no. 6, pp. 837–847. DOI: 10.17586/2226-1494-2021-21-6-837-847. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Минбалеев Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/1
E-mail: alexmin@bk.ru
ORCID: 0000-0001-5995-1802
SPIN-код РИНЦ: 7148-1527

Евсиков Кирилл Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент, ¹доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, ²заведующий кафедрой государственного и административного права ¹Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) ²Тулский государственный университет ¹125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/1 ²300012, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 92
E-mail: aid-ltd@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4593-0063
SPIN-код РИНЦ: 1976-7890

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexey V. Minbaleev – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Information Law and Digital Technologies Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9/1, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russia
E-mail: alexmin@bk.ru
ORCID: 0000-0001-5995-1802
RSCI SPIN-code: 7148-1527

Kirill S. Evsikov – PhD in Law, Associate Professor; ¹Associate Professor, Department of Information Law and Digital Technologies; ²Head, Department of State and Administrative Law ¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL) ²Tula State University ¹9/1, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russia ²92, Lenina pr., Tula, 300012, Russia
E-mail: aid-ltd@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4593-0063
RSCI SPIN-code: 1976-7890

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Минбалеев А.В. Развитие нормативно-правового и нормативно-технического регулирования в сфере квантовых коммуникаций / А.В. Минбалеев, К.С. Евсиков // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Minbaleev A.V., Evsikov K.S. Development of legal and technical regulation in the sphere of quantum communications. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).5-14. (In Russ.).

ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВООХРАНЕ

О.А. Степанов, М.М. Степанов

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 декабря 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Искусственный интеллект, правоохрана, Российская Федерация, правовое регулирование, восточный подход, западный подход, защита прав граждан, правовой механизм обжалования решений

Исследуются подходы к правовому регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в правоохране. Делаются выводы об особенностях такого регулирования с точки зрения результатов правоприменения в Китае (восточный подход), а также в США и европейских странах (западный подход). Особое внимание уделяется необходимости обеспечения защиты прав граждан в процессе сбора информации о них, ее обработки и учета решений, подготовленных искусственным интеллектом для должностных лиц органов правоохраны, в Российской Федерации. Эти обстоятельства предполагают создание механизма обжалования данных решений путем разработки и принятия соответствующих норм права.

APPROACHES TO THE LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE APPLICATION IN LAW ENFORCEMENT

Oleg A. Stepanov, Mikhail M. Stepanov

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 December 11

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Artificial intelligence, law enforcement, Russian Federation, legal regulation, Eastern approach, Western approach, protection of citizens' rights, legal mechanism of appealing decisions

The article considers the Eastern (People's Republic of China) and Western (USA, European countries) approaches to the legal regulation of relations related to the use of artificial intelligence in law enforcement.

The subject of the study is the relations arising in the process of such regulation.

The purpose of the study is to analyze the legal regulation of the use of artificial intelligence in the process of collecting information about citizens, its processing and taking into account the decisions prepared by AI for law enforcement officials.

The methodological basis of the study is logical and systematic methods of scientific cognition, as well as methods of analysis and synthesis of legal phenomena.

Foreign and domestic experience of legal regulation is studied. Special attention is paid to the need to ensure the protection of citizens' rights in the process of collecting information about them, its processing and taking into account the decisions prepared by artificial intelligence for law enforcement officials. It is pointed out that the peculiarities of legal regulation in this sphere of life activity of society are conditioned by the correctness of conclusions formulated by artificial intelligence, as well as the competence of algorithm developers and persons carrying out its training. Legal regulation of the relevant relations is considered through the prism of the results of law enforcement. The Eastern approach assumes the assessment of the actions of individuals by a number of parameters, taking into account which their trustworthiness index is determined, implying the assignment of a personal id to them personal identification code (social rating). The Western approach is that the United States and Western states actively using digital control tools based on AI technologies in the field of law enforcement do not inform the population about the total

surveillance of people. It is noted that at present the regulation of this sphere in the Russian Federation is more oriented to the Western approach. At the same time, at the national level there is no mechanism of legal regulation on the consequences of actions of a person in the field of law enforcement. Attention is drawn to the fact that while in China for “unreliable” persons only a number of restrictions are imposed on their movement (use of airplanes and trains), occupation (prohibition to hold managerial positions in certain areas), obtaining financial services (refusal to issue loans), in the United States such persons are placed without trial in secret prisons, where they are tortured.

It is concluded that taking into account this circumstance requires the creation in the Russian Federation of a legal mechanism for appealing decisions taken by law enforcement officials on the basis of recommendations developed by artificial intelligence, by developing and adopting norms of law to prevent the use of its potential for purposes incompatible with the goals of law enforcement. This implies the need to develop a system of theoretical ideas about the most rational forms and methods of legal regulation in considering.

1. Введение

Рост массивов данных и развитие алгоритмических технологий влечет за собой разработку новых способов контроля над населением (политического, экономического, социального) [1, с. 420], связанных с анализом разнородных и неструктурированных данных о гражданах на основе технологии *Big Data* [2–5]. Важнейшей характеристикой этой технологии является использование искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Поскольку *Big Data* и ИИ широко применяются в правоохранительной деятельности, в современных условиях становятся актуальными как сама возможность использования инновационных продуктов в деятельности правоохранительных органов, так и соответствующая правовая регламентация.

В настоящее время намечились два основных подхода к правовому регулированию отношений, связанных с использованием ИИ в сфере правоохранительной деятельности. Условно их можно обозначить как *восточный* (Китайская Народная Республика; далее также – КНР) и *западный* (США, европейские страны).

2. Опыт Китайской Народной Республики

В КНР интересы общества, основанные на традиционных ценностях, являются приоритетными по сравнению с интересами личности, ее индивидуальными правами и свободами. Эта тенденция прослеживается и в правовом регулировании отношений, связанных с использованием ИИ в сфере правоохраны.

При этом следует отметить, что развитию ИИ в КНР уделяется повышенное внимание. Еще в 2017 г.

Госсоветом КНР был принят План развития искусственного интеллекта нового поколения¹, в котором закреплялось, что к 2030 г. Китай должен достичь ведущего мирового уровня в общей теории, технологии и применении ИИ, стать крупнейшим в мире инновационным центром ИИ, а также достичь значительных результатов в «умной» экономике и «умном обществе».

Использование ИИ в общественном и государственном управлении, а также в целях правоохраны в Китае осуществляется в рамках развития системы социального кредита (система социального рейтинга, система социального доверия), которая в настоящее время с различной степенью готовности введена в действие на региональном уровне. На данный момент она считается наиболее крупной и сложной в мире структурой мониторинга и последующего воздействия на поведение как отдельных индивидов, так и социума в целом. Ее создание началось 14 июня 2014 г., когда Госсовет КНР принял План строительства системы социального кредита (2014–2020)². В развитие Плана на местном уровне принимаются свои нормативные правовые акты [6].

В отечественной литературе отмечается, что одной из целей разработки и внедрения системы социального кредита стало изменение общественной ситуации в стране и необходимость ее стабилизации. Поскольку традиционные практики охранительного реагирования на протестное движение в Китае, сложившиеся ранее, себя исчерпали, то введение системы социального кредита стало рассматриваться в качестве инструмента контроля над поведением людей, борьбы с преступностью, расследова-

¹ URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 11.12.2024).

² URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 11.12.2024).

ния преступлений и правонарушений [7, с. 82], оказывающего влияние на законопослушность граждан [8, с. 105].

Данная система связана с оцениванием действий физических лиц по ряду параметров, на основании которых определяется их индекс благонадежности (социальный рейтинг). Поэтому ее основой является сбор и обработка информации о субъекте. Эта деятельность осуществляется как на уровне Правительства КНР, так и на уровне отдельных регионов. Для удобства обработки данных каждому физическому лицу в соответствии с принятым еще в 2003 г. Законом об удостоверении личности гражданина КНР был присвоен персональный идентификационный код (номер удостоверения)³.

Сегодня 18-значный идентификационный код личности необходим для получения государственных услуг, применения электронных платежных систем, осуществления покупок в онлайн-магазинах, оформления проездных документов, приобретения сим-карт, регистрации в качестве интернет-пользователей и пр. [9; 10]. Информация об его использовании собирается, обрабатывается и хранится. На ее основе формируются досье физических лиц, которые хранятся в соответствующей кредитной платформе [11, с. 151].

Наряду с этим получение данных о гражданах Китая осуществляется с помощью SMART-гаджетов [12]. Например, в смартфоны при продаже устанавливаются обязательные приложения, отслеживающие передвижение человека, его покупки, заказы, платежи, состояние здоровья, контакты, активность в соцсетях и Интернете и мн. др. При этом следует учитывать, что в Китае каждый телефон, как и SIM-карта, привязан к его владельцу, личность которого идентифицирована [13].

Значимым источником информации о поведении жителей КНР в публичном пространстве являются камеры видеонаблюдения. С целью идентификация любого китайского гражданина по его фотографии на удостоверении личности в Китае был реализован проект видеонаблюдения *Sharp Eyes* («Острые глаза»). В рамках этого проекта к 2020 г. в КНР предполагалось

установить 626 млн камер видеонаблюдения⁴, информацию с которых обрабатывал ИИ. В настоящее время система видеонаблюдения в Китае продолжает развиваться [14, с. 40], в том числе в направлении распознавания камерами лиц, скрытых защитными медицинскими масками, ношение которых существенно снизило ее эффективность [15, с. 133].

Доступ к уличным камерам в КНР имеют не только правоохранительные и иные государственные органы, но и обычные граждане, которые с помощью специальных телевизионных приставок и смартфонов могут к ним подключиться в реальном времени и в случае обнаружения какого-либо правонарушения сообщить об этом полиции.

Камеры видеонаблюдения используются в Китае совместно с технологией распознавания лиц, что позволяет в автоматическом режиме осуществлять поиск находящихся в розыске правонарушителей. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб в местах, где камеры отсутствуют или их деятельность затруднена, применяют очки, оснащенные данной технологией. Использование этих технологических решений значительно повышает эффективность обнаружения разыскиваемых⁵.

Интересно отметить, что в результате работы камер видеонаблюдения, оснащенных технологией ИИ, в период с 2012 по 2016 г. преступность по восьми видам тяжких преступлений, включая незаконный оборот наркотиков, кражу и умышленное причинение телесных повреждений, в Китае снизилась на 42,7 %⁶.

Среди региональных систем социального кредита выделяется система, внедренная в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР). Ее главными особенностями являются усиленный контроль над поведением граждан и направленность на выполнение правоохранительной функции. В связи с этим у жителей СУАР были получены образцы ДНК и голоса, а также сканирована радужная оболочка глаз. Все видеокамеры в СУАР интегрированы в единую систему. Кроме того, информация снимается с GPS-трекеров в автомобилях, сканеров распознавания лиц на контрольно-пропускных пунктах и круп-

³ URL: https://baike.baidu.com/item/中华人民共和国居民身份证法/182464?fromModule=lemma_inlink#3 (дата обращения: 11.12.2024).

⁴ Hersey F. China to have 626 million surveillance cameras within 3 years // TechNode. Nov. 22, 2017. URL: <https://tech-node.com/2017/11/22/china-to-have-626-million-surveillance-cameras-within-3-years/>.

⁵ Mozur P. Inside China's Dystopian Dreams: A.I., Shame and Lots of Cameras // The New York Times. July 8, 2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/08/business/china-surveillance-technology.html>.

⁶ Facial recognition, AI and big data poised to boost Chinese public safety // Global Times. Oct. 17, 2017. URL: <http://en.people.cn/n3/2017/1017/c90000-9280772.html>.

ных общественных объектах. Специальные приложения на смартфонах фиксируют вызывающие подозрения сообщения и записи. В результате внедрения системы в СУАР произошло определенное снижение уровня экстремизма [16].

Следует отметить, что на территории Китая не удалось реализовать в полном объеме идею социального рейтинга – это сделано с учетом экономических возможностей лишь на территории отдельных провинций. Поэтому в настоящее время система социального кредита в КНР с территориальной и правоприменительной точек зрения носит фрагментарный характер [17, с. 18]. Она представляет собой десятки пилотных проектов, внедряемых на местах властями различных уровней и коммерческими организациями [18, с. 68–69], отличающихся друг от друга по содержанию, правовому регулированию и степени контроля над поведением населения на основе сбора информации о гражданах и формирования их цифровых личностей [19–21].

3. Опыт США и европейских стран

Для западного подхода к регулированию использования ИИ в правоохранительной деятельности характерно то, что в США и европейских странах инструменты цифрового контроля, основанные на технологиях ИИ, также активно используются в сфере правоохраны, но население о ведении за ним тотального наблюдения в известность не ставится.

О наличии соответствующих программ стало широко известно в июне 2013 г. после опубликования секретных сведений, переданных в прессу аналитиком Агентства национальной безопасности США Э. Сноуденом.

В рамках реализации проектов *PRISM*, *XKeyscore*, *Tempora* и др. спецслужбы США и их союзников осуществляют контроль над информацией, передаваемой с помощью различных средств коммуникации как американскими гражданами, так и гражданами других государств, с целью выявления

неблагонадежных лиц, потенциальных террористов и лиц, уже совершивших преступления.

Проводимая странами Запада слежка за населением планеты приобрела такие масштабы, что стала предметом разбирательства в структурах Организации Объединенных Наций. По этому поводу были вынесены резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/167 от 18 декабря 2013 г.⁷ и A/RES/69/166 от 18 декабря 2014 г.⁸ В них содержались призывы к государствам положить конец нарушениям прав человека, пересмотреть национальное законодательство, в том числе регулирующее отношения в области слежения за сообщениями, их перехвата и сбора личных данных, и привести его в соответствие с международным правом в области прав человека.

В докладах Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 30 июня 2014 г. A/HRC/27/37 и от 19 декабря 2014 г. A/HRC/28/39, посвященных проблемам нарушения прав человека при слежении с помощью цифровых коммуникационных технологий (интернет, мобильные телефоны, смартфоны, устройства с поддержкой *Wi-Fi*), перехвата и сбора содержащихся в них данных, рассматривались вопросы защиты права на неприкосновенность частной жизни в контексте национального и экстерриториального наблюдения, а также о перехвате и сборе личных данных, в том числе в массовом масштабе⁹.

Следует отметить, что США и Великобритания являются первопроходцами в использовании систем видеонаблюдения в целях обеспечения общественного порядка [22, р. 136]. В настоящее время количество видеокамер в странах Запада увеличивается, совершенствуется их программное обеспечение, в том числе в направлении внедрения продуктов на основе ИИ. Развитие интеллектуальных систем видеонаблюдения позволило даже говорить о возникновении на Западе «государства наблюдения» («государства слежки»)¹⁰.

⁷ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/68/167> (дата обращения: 11.12.2024).

⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2014 г. A/RES/69/166 «Право на неприкосновенность личной жизни в эпоху цифровых технологий». URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/69/166> (дата обращения: 11.12.2024).

⁹ Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 30 июня 2014 г. A/HRC/27/37 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: <https://undocs.org/ru/A/HRC/27/37> (дата обращения:

11.12.2024); Доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека от 19 декабря 2014 г. A/HRC/28/39 «Резюме обсуждения на дискуссионном форуме вопроса о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век». URL: <https://www.undocs.org/ru/A/HRC/28/39> (дата обращения: 11.12.2024).

¹⁰ Devlin H. «We are Hurtling Towards a Surveillance State»: The Rise of Facial Recognition Technology // The Guardian. Oct. 5, 2019. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/oct/05/facial-recognition-technology-hurtling-towards-surveillance-state>.

Собранные на граждан данные анализируются различными программами, в основе которых лежат технологии ИИ. Лидером в этой области является компания *Palantir (Palantir Technologies, Inc.)*. Первоначально ее главным заказчиком и инвестором стало ЦРУ. Впоследствии программные продукты *Palantir* стали использовать различные военные структуры, правоохранительные и специальные службы, в том числе ЦРУ, ФБР, полиция. Например, программное обеспечение *Palantir* в настоящее время широко применяется в работе полицейского управления Лос-Анджелеса¹¹.

Таким образом, в США и европейских странах также осуществляется сбор и обработка персональных данных населения в целях правоохраны. При этом широко используются возможности ИИ. Однако, в отличие от Китая, данная информация скрыта от граждан, которые практически не осведомлены об этой стороне деятельности государства. Отсутствуют официально опубликованные нормативные правовые акты, регламентирующие ее, а также механизм защиты прав граждан в процессе ее осуществления.

Вследствие этого, например, 25 мая 2021 г. Европейский Суд по правам человека вынес постановление по делу «Организация *Big Brother Watch* и другие против Соединенного Королевства». Суд пришел к выводу, что Великобританией была нарушена Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, поскольку она активно занималась перехватом коммуникационных данных своих граждан (звонков, СМС-сообщений, электронной переписки и т. д.) и неправомерным получением информации о пользователях у провайдеров коммуникационных услуг¹². Однако дальнейшего развития, кроме констатации указанных фактов, эта ситуация не получила.

4. Опыт Российской Федерации

Реалии использования ИИ в отечественной сфере правоохраны позволяют сделать вывод о том, что в настоящее время правовое регулирование в большей степени ориентировано на *западный подход* к этим отношениям.

Сбор данных о населении страны ведется постоянно. Правовой основой данной деятельности является прежде всего Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»¹³. Статья 13 данного федерального закона внесла изменения в Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»¹⁴, возложив на операторов связи обязанность по хранению на территории Российской Федерации информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, текстовых сообщений, изображений, звуков, видео- или иных сообщений пользователей услугами связи – в течение трех лет; а текстовых сообщений, голосовой информации, изображений, звуков, видео-, иных сообщений пользователей услугами связи – до шести месяцев. Согласно ст. 15 указанного федерального закона были внесены изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁵, обязывающие организаторов распространения информации в сети «Интернет» хранить на территории Российской Федерации информацию о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков, видео- или иных электронных сообщений пользователей сети и информацию об этих пользователях – в течение одного года; текстовые сообщения пользователей сети, голосовую информацию, изображения, звуки, видео-, иные электронные сообщения – до шести месяцев.

Кроме того, для сбора информации применяются различные виды программ СОПМ (Система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий)¹⁶, программа «Камертон» и др. При этом интересно отметить, что еще в 2015 г. по факту применения СОПМ Европейским Судом по правам человека было принято решение о

¹¹ Burns M. Leaked Palantir Doc Reveals Uses, Specific Functions And Key Clients // Techcrunch. Jan. 11, 2015. URL: <https://techcrunch.com/2015/01/11/leaked-palantir-doc-reveals-uses-specific-functions-and-key-clients/>.

¹² Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 мая 2021 г. по делу «Организация *Big Brother Watch* и другие против Соединенного Королевства» (Жалоба № 58170/13 и две другие жалобы) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека: рос. изд. М., 2022. № 1 (235).

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28. Ст. 4558.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

¹⁶ См.: Приказ Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации от 20 апреля 1999 г. № 70 «О технических требованиях к системе технических

том, что работа данной системы (согласно ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) нарушает право на уважение частной и семейной жизни¹⁷.

Еще одним источником получения информации о населении России, используемым в правоохранительной деятельности, являются данные, получаемые в результате работы камер видеонаблюдения и их обработки ИИ. Правовое регулирование этой деятельности осуществляется субъектами Российской Федерации самостоятельно. Например, 7 февраля 2012 г. Правительством Москвы было принято Постановление № 24-ПП «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Единый центр хранения и обработки данных”»¹⁸. Камеры этой информационной системы в настоящее время установлены во дворах, подъездах, местах массового скопления людей и других местах. В 2021 г. Москва вошла в топ-30 мегаполисов мира по числу камер видеонаблюдения на квадратный километр. В настоящее время их установлено более 227 200. Информация с них была использована при расследовании 70 % преступлений¹⁹.

Следует отметить, что российские компании, работающие в области видеоаналитики, являются одними из ведущих в мире. Программные продукты, создаваемые ими, нередко превосходят зарубежные аналоги. Так, использование антитеррор-системы на основе технологий лицевой биометрии *FindFace*, которая является частью системы «Безопасный город», позволяет мгновенно идентифицировать правонарушителей на территории Москвы, выявлять оружие и другие объекты, устанавливать местонахождение разыскиваемых лиц. Программа имеет мобильное приложение, которое позволяет пользоваться всем спектром ее функций сотрудникам полиции из любой точки города. Для патрулирования улиц или массовых мероприятий есть возможность подключать камеры мобильных телефонов и

очки дополненной реальности. По фото- или видеоматериалам, изъятым с места преступления (например, с камеры банкомата или из системы охранного видеонаблюдения), программа *FindFace* позволяет установить место проживания разыскиваемого, маршруты его передвижения, выявить его социальные связи, в том числе потенциальных сообщников, и получить другую ценную оперативную информацию.

Во время проведения матчей Чемпионата мира по футболу 2018 г. в России использование системы *FindFace Multi* позволило успешно распознать и принять своевременные меры к задержанию порядка 100 человек из 50 000 разыскиваемых по фотографиям правонарушителей, в том числе находящихся в федеральном розыске, экстремистов и футбольных фанатов (включая зарубежных) с запретом на посещение матчей, а также карманных воров и поднадзорных лиц²⁰.

Количество камер видеонаблюдения, в том числе оснащенных технологиями ИИ, в России стремительно растет. Так, в 2023 г. количество систем видеонаблюдения увеличилось на 12 %. По итогам 2024 г. прогнозируется рост еще на 11 %. По количеству камер видеонаблюдения Российская Федерация находится на третьем месте после Китая и США. Большая часть камер с технологией ИИ используется для фиксации нарушений Правил дорожного движения (ПДД). Количество таких камер к концу 2023 г. составило 22 183, еще 909 камер планировалось установить в 2024 г.²¹ В 2023 г. с помощью камер фотовидеофиксации за нарушение ПДД было вынесено 220,9 млн постановлений на сумму около 140,9 млрд руб.²²

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что в настоящее время технологии ИИ широко применяются для контроля над поведением населения во всех странах мира, где имеются соответствующие технологии. В том числе эта деятельность осуществляется и в целях охраны общественного порядка и борьбы с преступностью.

средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий на сетях электросвязи Российской Федерации» // СвязьИнформ. 1999. № 6.

¹⁷ Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2015 г. по делу «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека: рос. изд. М., 2016. № 6 (168).

¹⁸ Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 8.

¹⁹ Городская система видеонаблюдения // Портал правительства Москвы. URL: <https://video.dit.mos.ru/> (дата обращения: 11.12.2024).

²⁰ Сайт компании NTECHLAB. URL: <https://ntechlab.ru/solution/public-safety/> (дата обращения: 11.12.2024).

²¹ Кодачигов В. Не первый взгляд: в РФ резко вырастет количество «штрафных» камер // Известия. 2024. 7 мая. URL: <https://iz.ru/1692531/valerii-kodachigov/ne-pervyi-vzgliad-v-rf-rezko-vyrastet-kolichestvo-shtrafnikh-kamer>.

²² В РФ в 2023 году штрафы по камерам за нарушения ПДД составили рекордную за пять лет сумму // ТАСС. 2024. 23 февр. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20064853>.

Анализ восточного и западного подходов к правовому регулированию отношений, связанных с использованием ИИ в правоохране, позволяет сделать вывод о том, что возрастает актуальность проблемы обеспечения и защиты прав граждан в процессе сбора информации о них, ее обработки и принятия на этой основе решения компетентными органами и должностными лицами, поскольку данные решения могут являться причиной ограничения прав и свобод граждан, в том числе в связи с привлечением их к юридической ответственности.

Так, в Китае в настоящее время для «неблагонадежных» лиц введен ряд ограничений, связанных, например, с их передвижением (использование самолетов и поездов), родом занятий (запрет занимать руководящие должности в определенных сферах), получением финансовых услуг (отказ в выдаче кредитов) и др. [23, с. 23–24; 24, с. 748]. А в США такие лица без суда помещаются в тайные тюрьмы, где к ним применяются пытки [25; 26].

С учетом того, что правильность формулируемых ИИ выводов обусловлена компетентностью разработчиков алгоритмов и лиц, осуществляющих его обучение, расширение сферы применения ИИ, наделяние его дополнительными полномочиями, в том числе по принятию юридически значимых решений, требует создания дополнительных гарантий защиты прав граждан в случаях совершения ошибки указанными специалистами. Учет данного обстоятельства предполагает создание в Российской Федерации механизма обжалования решений, принимаемых на основе данных ИИ (либо непосредственно ИИ) путем разработки правовых норм, его закрепляющих, и нацеливает на разработку теоретических представлений о наиболее рациональных формах и методах правового регулирования в рассматриваемой сфере общественной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Науменко Т. В. Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия? / Т. В. Науменко, К. Н. Секретарева // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 419–432. – DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432.
2. Плотников В. А. Цифровизация как закономерный этап эволюции экономической системы / В. А. Плотников // Экономическое возрождение России. – 2020. – № 2 (64). – С. 104–115. – DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115.
3. Пролубников А. В. Платформенная модель государственной экономической политики / А. В. Пролубников // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики : сб. науч. тр. – Иваново, 2020. – Вып. 18 (34). – С. 21–34.
4. Швецов А. Н. Цифровизация госуправления в России на фоне лучшего зарубежного опыта / А. Н. Швецов, В. Н. Рысина // ЭКО. – 2020. – Т. 50, № 2. – С. 60–80. – DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-60-80.
5. Vertakova Y. V. Synergy of Blockchain Technologies and “Big Data” in Business Process Management of Economic Systems / Y. V. Vertakova, T. A. Golovina, A. V. Polyanin // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality (ISC 2019) / eds. E. Popkova, B. Sergi. – Cham : Springer, 2020. – P. 856–865. – (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 87). – DOI: 10.1007/978-3-030-29586-8_97.
6. von Blomberg M. The Social Credit System and China’s rule of law / M. von Blomberg // Mapping China Journal. – 2018. – No. 2. – P. 77–112.
7. Гончаров В. В. Система социального доверия (социального рейтинга) в КНР: проблемы и перспективы внедрения в Российской Федерации / В. В. Гончаров, Е. Г. Петренко, А. А. Борисова, Л. В. Толмачева, И. А. Дмитриева // Административное и муниципальное право. – 2023. – № 3. – С. 78–91. – DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983.
8. Катрашова Ю. В. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации / Ю. В. Катрашова, Г. Ю. Митяшин, В. А. Плотников // Управленческое консультирование. – 2021. – № 2. – С. 100–109. – DOI: 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109.
9. Creemers R. Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century / R. Creemers // Journal of Contemporary China. – 2017. – Vol. 26, No. 103. – P. 85–100. – DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281.

10. Creemers R. China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control / R. Creemers. – May 9, 2018. – 32 p. – DOI: 10.2139/ssrn.3175792.
11. Попов Д. И. План строительства системы социального кредита как дорожная карта реформы социального управления в Китае в 2010-х гг. / Д. И. Попов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2020. – Т. 7, № 1. – С. 147–157. – DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).147-157.
12. Петров А. А. Информационно-цифровой след: коммерческие и социальные аспекты в цифровую эпоху / А. А. Петров // Торговая политика. – 2020. – № 2 (22). – С. 62–86. – DOI: 10.17323/2499-9415-2020-2-22-62-86.
13. Петров А. А. Китайский цифровой профиль или скоринговая система социального доверия / А. А. Петров // Chronos. – 2020. – № 8 (46). – С. 11–24.
14. Климович А. П. Влияние цифровых технологий на современное общество. Пример системы рейтинга социального кредита в Китае / А. П. Климович // Цифровая социология. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 35–44. – DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-35-44.
15. Разумов Е. А. Новые тенденции в системе социального рейтинга и информационной безопасности КНР в условиях обострения эпидемиологической ситуации / Е. А. Разумов // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2021. – № 1. – С. 132–135. – DOI: 10.37102/0869-7698_2021_215_01_15.
16. Буюров Д. В. Система социального кредита в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая / Д. В. Буюров // Genesis: исторические исследования. – 2024. – № 4. – С. 99–108. – DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70522.
17. Антончева О. А. Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию / О. А. Антончева, Т. Е. Апанасенко // Управленческое консультирование. – 2022. – № 10. – С. 12–27. – DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-12-27.
18. Голубев С. Г. Система общественного доверия как инструмент управления цифровым обществом: китайский опыт / С. Г. Голубев, В. К. Сугак // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2019. – № 4. – С. 62–74.
19. Степанов О. А. Правовое регулирование генезиса цифровой личности / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 19–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32.
20. Степанов О. А. О правовом реагировании на последствия поведения личности в виртуальном пространстве / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 24–33. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).24-33.
21. Степанов О. А. О цифровой идентификации действий личности / О. А. Степанов, М. М. Степанов // Государство и право. – 2024. – № 7. – С. 205–210. – DOI: 10.31857/S1026945224070185. – (На англ. яз.).
22. Piza E. CCTV Surveillance for Crime Prevention: A 40-Year Systematic Review with Meta-Analysis / E. Piza, B. Welsh, D. Farrington, A. Thomas // Criminology & Public Policy. – 2019. – Vol. 18, no. 1. – P. 135–159.
23. Антропов Р. В. Система социального рейтинга в Китае: прогрессивный механизм поощрения и наказания или цифровая диктатура? / Р. В. Антропов, И. И. Лиценберг // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. – Чита : Забайк. гос. ун-т, 2020. – С. 20–27.
24. Петров А. А. Китайская система социальной оценки и электронные механизмы контроля / А. А. Петров // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник : материалы Третьей междунар. науч.-практ. конф. – М., 2020. – С. 737–756.
25. Глазунова Е. Н. Гуантанамо: история с продолжением / Е. Н. Глазунова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2011. – № 3. – С. 153–183.
26. Крючков К. С. Отчет Хоффмана: психологи и пытки. Этический урок для психологов / К. С. Крючков // Консультативная психология и психотерапия. – 2020. – Т. 28, № 1. – С. 148–165. – DOI: 10.17759/cpp.2020280109.

REFERENCES

1. Naumenko T., Sekretareva K. China's Social Credit System: Dystopia or Public Welfare Factor?. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 419–432. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-419-432. (In Russ.).
2. Plotnikov V.A. Digitization as a logical stage in the evolution of an economic system. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii = Economic Revival of Russia*, 2020, no. 2 (64), pp. 104–115. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-104-115. (In Russ.).
3. Prolubnikov A.V. Platform model of state economic policy, in: *Mnogourovnevoe obshchestvennoe proizvodstvo: voprosy teorii i praktiki*, collection of scientific papers, Ivanovo, 2020, iss. 18 (34), pp. 21–34. (In Russ.).
4. Shvetsov A.N., Rysina V.N. "Digitalization" of public management in Russia against the background of best international practice. *ECO*, 2020, vol. 50, no. 2, pp. 60–80. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-2-60-80. (In Russ.).
5. Vertakova Y.V., Golovina T.A., Polyanin A.V. Synergy of Blockchain Technologies and "Big Data" in Business Process Management of Economic Systems, in: Popkova E., Sergi B. (eds.). *Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality (ISC 2019)*, Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 87, Cham, Springer Publ., 2020, pp. 856–865. DOI: 10.1007/978-3-030-29586-8_97.
6. von Blomberg M. The Social Credit System and China's rule of law. *Mapping China Journal*, 2018, no. 2, pp. 78–112.
7. Goncharov V.V., Petrenko E.G., Borisova A.A., Tolmacheva L.V., Dmitrieva I.A. The system of social trust (social rating) in China: problems and prospects of implementation in the Russian Federation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2023, no. 3, pp. 78–91. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.3.39983. (In Russ.).
8. Katrashova Yu.V., Mityashin G.Yu., Plotnikov V.A. Social Rating System as a Form of State Control Over Society: Prospects for Implementation and Development, Threats to Realization. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2021, no. 2, pp. 100–109. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-2-100-109. (In Russ.).
9. Creemers R. Cyber China: Upgrading Propaganda, Public Opinion Work and Social Management for the Twenty-First Century. *Journal of Contemporary China*, 2017, vol. 26, no. 103, pp. 85–100. DOI: 10.1080/10670564.2016.1206281.
10. Creemers R. *China's Social Credit System: An Evolving Practice of Control*. May 9, 2018. 32 p. DOI: 10.2139/ssrn.3175792.
11. Popov D.I. The Social Credit System Construction Plan as a Roadmap for Social Management Reform in China in the 2010s. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki" = Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2020, vol. 7, no. 1, pp. 147–157. DOI: 10.24147/2312-1300.2020.7(1).147-157. (In Russ.).
12. Petrov A. Human digital informational footprint. *Torgovaya politika = Trade policy*, 2020, no. 2 (22), pp. 62–86. DOI: 10.17323/2499-9415-2020-2-22-62-86. (In Russ.).
13. Petrov A.A. Chinese Digital Profile or Social Trust Scoring System. *Chronos*, 2020, no. 8 (46), pp. 11–24. (In Russ.).
14. Klimovich A.P. The impact of digital technologies on modern society. An example of a social credit rating system in China. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*, 2020, vol. 3, no. 3, pp. 35–44. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-3-3-35-44. (In Russ.).
15. Razumov E.A. New trends in the system of social rating and information security of China in the face of escalation of epidemiological situation. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2021, no. 1, pp. 132–135. DOI: 10.37102/0869-7698_2021_215_01_15. (In Russ.).
16. Buyarov D.V. The social credit system in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2024, no. 4, pp. 99–108. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.4.70522. (In Russ.).
17. Antoncheva O.A., Apanasenko T.E. Impact of the Social Credit System in China on Political Communication. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2022, no. 10, pp. 12–27. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-10-12-27. (In Russ.).
18. Golubev S.G., Suhak V.K. Chinese social credit system as the tool of governance in the digital era. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya = Journal of the Belarusian State University. Sociology*, 2019, no. 4, pp. 62–74. (In Russ.).

19. Stepanov O.A., Stepanov M.M. Legal regulation of the genesis of digital identity. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 19–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).19-32.
20. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On the legal response to the consequences of personal behavior in virtual space. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 24–33. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).24-33.
21. Stepanov O.A., Stepanov M.M. On digital identification of actions personality. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 7, pp. 205–210. DOI: 10.31857/S1026945224070185.
22. Piza E., Welsh B., Farrington D., Thomas A. CCTV Surveillance for Crime Prevention: A 40-Year Systematic Review with Meta-Analysis. *Criminology & Public Policy*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 135–159.
23. Antropov R.V., Litsenberg I.I. The China's social system: the progressive mechanism of reward and punishment or digital dictatorship?, in: *Aktual'nye problemy razvitiya KNR v protsesse ee regionalizatsii i globalizatsii*, Proceedings of the 12th International scientific and practical conference, Chita, Transbaikal State University Publ., 2020, pp. 20–27. (In Russ.).
24. Petrov A.A. Chinese social evaluation system and electronic monitoring mechanisms, in: *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, Annual, Proceedings of the Third international scientific and practical conference, Moscow, 2020, pp. 737–756. (In Russ.).
25. Glazunova E.N. Guantanamo: a story to be continued. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Lomonosov World Politics Journal*, 2011, no. 3, pp. 153–183. (In Russ.).
26. Kryuchkov K.S. The Hoffman Report: Psychologists and Torture. An Ethical Precaution for Psychologists. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, vol. 28, no. 1, pp. 148–165. DOI: 10.17759/cpp.2020280109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанов Олег Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник центра судебного права
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34
E-mail: soa-45@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1103-580x
ResearcherID: O-9771-2019
Scopus AuthorID: 57208665632
SPIN-код РИНЦ: 8156-9725; AuthorID: 655914

Степанов Михаил Михайлович – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34
E-mail: stepanovtao@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5203-1867
ResearcherID: AAX-2549-2020
Scopus AuthorID: 57215415345
SPIN-код РИНЦ: 2134-8209

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oleg A. Stepanov – Doctor of Law, Professor; Chief Researcher, Centre of Judicial Law
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia
E-mail: soa-45@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1103-580x
ResearcherID: O-9771-2019
Scopus AuthorID: 57208665632
RSCI SPIN-code: 8156-9725; AuthorID: 655914

Mikhail M. Stepanov – PhD in Law, Associate Professor; Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia
E-mail: stepanovtao@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5203-1867
ResearcherID: AAX-2549-2020
Scopus AuthorID: 57215415345
RSCI SPIN-code: 2134-8209

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степанов О.А. Подходы к правовому регулированию отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в правоохране / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 15–25. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).15-25.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepanov O.A., Stepanov M.M. Approaches to the legal regulation of artificial intelligence application in law enforcement. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 15–25. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).15-25. (In Russ.).

ФЕНОМЕН ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

М.В. Залоило, Н.В. Власова

*Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
04 декабря 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 сентября 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Цифровизация, медиатизация,
юридический дискурс, правовая
культура, правовая информация,
интернет-мем, меметика,
авторское право, производное
произведение, доктрина
добросовестного использования

Статья посвящена исследованию интернет-мемов как социокультурного и правового явления. На основе анализа отечественных и зарубежных доктрин, законодательства и материалов судебной практики интернет-мем рассматривается в контексте интеллектуальной собственности, определяется его правовая природа. Отмечая влияние медиадискурса как ядра современных языковых процессов на юридическую коммуникацию, а также новации языка права в условиях цифровизации, авторы делают вывод о значении юридических интернет-мемов как средств сетевой коммуникации для отражения и воспроизводства правовой культуры и диджитальной культуры.

Разделы 1, 2, 4, 5 подготовлены М.В. Залоило, раздел 3 – Н.В. Власовой.

THE PHENOMENON OF INTERNET MEMES IN THE LEGAL SPACE**

Maksim V. Zaloilo, Nataliya V. Vlasova

*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Article info

Received –
2024 December 04
Accepted –
2025 September 20
Available online –
2025 December 20

Keywords

Digitalization, mediatization, legal
discourse, legal culture, legal
information, Internet meme,
memetics, copyright, derivative
work, the doctrine of fair use

The subject of this study is the transformation of modern legal and cultural exchange, which occurs under the influence of trends in digitalization and mediatization of the legal sphere. The purpose of the article is to determine the legal nature and meaning of memes in online legal communications.

The research was based on an interdisciplinary scientific approach of memetics, the use of which in jurisprudence is aimed at determining the influence of cultural, social and historical phenomena and factors on the development of law, the formation and change of legal norms and practices. This approach made it possible to consider memes as sociocultural phenomena and trace their role in cultural evolution in general and in the field of legal and cultural transformations in particular. The methodology is also presented by formal legal, comparative legal methods and the method of scientific analysis, with the help of which doctrinal, normative-legal sources and materials of judicial practice on the categorization of Internet memes in the legal field of intellectual property were studied. The use of constructivist methodology allowed us to evaluate memes as building blocks of legal communication. Methods of legal modeling and forecasting helped to determine the vectors of meme influence on legal and cultural evolution, as well as to identify risks of the formation of “deceptive” meanings in Internet memes.

Main results. The article highlights the influence of media discourse as the core of modern language processes on legal communication, innovations in the language of law in the context of digitalization. The legal nature of Internet memes is determined through the

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01773, <https://rscf.ru/project/23-28-01773/>.

** The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-01773, <https://rscf.ru/project/23-28-01773/>.

prism of intellectual property law, which identifies the need to address two issues: respect for the rights of authors of original works and the rights of authors of derivative works – Internet memes – in the context of their viral spread with subsequent multiple variations. Conclusions are formulated about the ability of Internet memes to generate new meanings in jurisprudence; the role of judicial Internet memes in programming and coding of legal behavior, reflecting and reproducing legal culture and digiculture; the reverse influence of the professional legal community on the specific parameters of an Internet meme during its subsequent reproduction and mutations; anti-cultural risks of reproducing of destructive (illegal) patterns of behavior.

Sections 1, 2, 4, 5 were prepared by M.V. Zaloilo, section 3 – by N.V. Vlasova.

1. Введение

Эволюцию права неизменно сопровождает развитие информационных систем. Средства, способы и каналы распространения соционормативной культуры с древних времен до наших дней существенно трансформировались, пройдя стадии от устного обычного права, деревянных, глиняных и каменных изваяний законов древнего общества до новейших информационно-телекоммуникационных технологий, обеспечивающих моментальную и обширную трансляцию правовых норм, концепций и идей. В связи с медиатизацией правовой сферы [1, с. 10] и виртуализацией правокультурного обмена актуализируется междисциплинарный подход в сфере юридических исследований.

Цифровизация определяет трансформации сферы, пределов и стадий правового регулирования, источников, субъектов права, их прав, обязанностей и ответственности, юридической техники и технологий, языка права. Последний, как и другие институциональные дискурсы, под влиянием технологического фактора активно медиатизируется, становясь перспективным направлением исследований многих наук [2]. Если со времен установления монархии в Древнем Риме вплоть до второй половины XX в. правовая информация была монополизирована узким кругом специалистов (что связано с накоплением правовых норм, переходом к текстовой форме их закрепления и комментирования), то современное технологическое опосредование правовой сферы позволяет сделать знание норм права достоянием широкой общественности (с оговорками в части увеличения и усложнения нормативно-правового массива, уяснение которого в обыденном правосознании становится непосильной задачей, сохранения цифрового неравенства и пр.). С одной стороны, речь идет о популяризации юридического дискурса, а с другой – о влиянии медиадискурса как ядра современных языковых процессов на юридическую коммуникацию.

Заметным явлением современного юридического дискурса стали интернет-мемы в области права, или мемы профессионального сообщества юристов, выступающие как средством интернет-коммуникации на юридическую тематику [3], так и хранилищем культурных кодов [4]. Их потенциал для отражения и воспроизводства правовой культуры с увеличением технологического компонента социального взаимодействия возрастает и нуждается во всестороннем исследовании.

2. Интернет-мем как социокультурное и правовое явление

Интернет-мемы стали значимым явлением общественной жизни, элементом цифровых коммуникативных взаимодействий, важной медийной составляющей [5, с. 21].

Мем выступает элементом культуры, транслирующим социокультурные коды, формой социального высказывания [6]. Свои корни он берет из работ Р. Докинза [7], обосновавшего эволюцию человеческой культуры распространением мельчайших информационных паттернов (мемов) по аналогии с передачей генетической информации [8, с. 22; 9]. Понятие мема получило развитие в трудах Д. Деннета, относившего к ним «сложные идеи, которые формируются в отдельные запоминающиеся элементы», и приводившего в качестве примеров идеи «колеса, ношения одежды, вендетты, прямоугольного треугольника, алфавита, календаря» [10, р. 201].

Позднее изучающая мемы меметика обосновывалась как наука или междисциплинарный научный подход, а в правовой сфере получила применение для исследования генезиса и трансформаций права [11] и правовой культуры [12, с. 37]. Она справедливо оценивается как методологически удобный подход, когда исследование развития культуры получает совершенно новую единицу измерения и осуществляется на единых основаниях [4, с. 114]. Правовые мемы – это единицы передачи правокультурного наследия, детерминирующие изменения в

праве, а также сама передаваемая правокультурная информация.

В середине 1990-х гг. появляются интернет-мемы – генерируемые пользователями посредством информационно-телекоммуникационных технологий и многократно распространяемые в Интернете медиаобъекты (вербальные, невербальные (иконические, визуальные) или креолизованные, т. е. их сочетания), описывающие и оценивающие происходящие события, воздействующие на конструирование социальной реальности. Их наиболее распространенный формат включает изображение (фото, рисунок), сопровождающееся текстом [13, р. 144]. Массовым данный феномен стал с появлением социальных сетей, видеоплатформ и специальных интернет-сайтов, где на основе имеющихся шаблонов пользователи получили возможность генерировать интернет-мемы [3, с. 261].

Мем служит культурной параллелью генов, характеризующейся подражательным поведением [14, р. 100]. Несмотря на появление этого термина в доцифровую эпоху, именно интернет-среда сделала распространение мемов обыденным явлением [15, р. 17]. Их основными свойствами, по Р. Докинзу, являются долговечность, плодовитость (количество копий, сделанных в единицу времени) и точность копирования [7, с. 46]. Все они были усовершенствованы в условиях цифровизации.

Интернет-мемы являются продуктом творчества и информационной индустрии, объединяя в себе свойства смысловой глубины, новизны, а также стандартизованности, массового распространения, отсутствия авторства и доступности для большой аудитории [16, с. 40].

Широко распространено понимание интернет-мема как жанра, выполняющего в культуре развлекательную функцию [17, с. 19–20]. Механизм его трансляции сопряжен с многочисленными вариациями (возможностью множественных дополнений одного базового медиаобъекта), что влечет массовое воспроизводство интернет-мемов на основе имеющихся объектов интеллектуальной собственности. Несмотря на очевидную склонность интернет-мемов к юмору и сатирической интерпретации, было бы неправильно рассматривать их исключительно в качестве смешной картинки с текстом. Мемы обуславливают качественное своеобразие современной цифровой культуры в эволюции культурных проявлений социума. Их полимодальный дис-

курс позволяет задействовать мемы для достижения широкого спектра социальных, культурных, политических целей [18, р. 485].

Интернет-мем – это динамичное явление, способное к генерированию новых значений, в юриспруденции – особый источник правовой информации и пространство для коммуникации. Наконец, о «серьезности» интернет-мема говорят правовые последствия его использования в сферах интеллектуальной собственности и противодействия противоправным проявлениям.

3. Правовая природа интернет-мема в контексте интеллектуальной собственности

За рубежом (США, Австралия, страны Европейского Союза) создание и распространение мемов урегулировано авторским правом. Большинство интернет-мемов определяются в качестве производных произведений, создаваемых на базе существующих медиаобъектов [19]. Мемы, в процессе создания которых было использовано несколько оригинальных произведений, относят к компиляции, составным произведениям [19]. В связи с общим правилом о получении согласия правообладателя на переработку оригинального произведения распространение интернет-мемов как контента, априори не возникающего «с нуля», потенциально влечет нарушение интеллектуальных прав на оригинальные произведения.

Легитимации создания и распространения интернет-мемов в американском праве служит доктрина добросовестного использования (*fair use*)¹, согласно которой суд должен оценить и соотнести между собой цель использования мема, характер оригинального произведения, объем заимствования по отношению к нему, а также влияние, оказываемое использованием меметического контента на рынок или стоимость оригинального произведения [19]. Свободное использование оригинального контента для целей преобразования в производное произведение (интернет-мем) допускается в некоммерческих целях на условиях соблюдения интересов автора оригинального произведения. Такая возможность объясняется в доктрине выполнением мемом социально значимой функции, а также взрывным ростом количества создающих их лиц, когда заключение ими соглашений с правообладателем представляется уже невозможным [20]. Правовая охрана мемов возможна при прохождении ими теста на минимальный уровень творчества [6; 19]. Безвозмездное

¹ § 107 Закона США об авторском праве 1976 г.

коммерческое использование интернет-мемов, созданных на основе «чужого» авторского контента, не допускается².

В Европейском Союзе действует Директива от 17 апреля 2019 г. № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке, обсуждение проекта которой вызвало острые дискуссии, в том числе по рассматриваемому вопросу. Положения проекта об указании создателями новостного контента лиц, которые могут его использовать, а также об эксклюзивности загружаемых на интернет-сайты и в социальные сети материалов и ужесточении ответственности интернет-платформ за нарушения авторских прав (налог на ссылки и установление контент-фильтров) получили оценку в доктрине и средствах массовой информации как фактический запрет мемов и *GIF*-файлов. Принятый в итоге текст Директивы не затрагивает мемы, *GIF*-файлы, созданные на основе известных произведений, и гиперссылки на новостные статьи³.

Во многих странах мемам предоставляется правовая охрана в силу общих норм гражданского права об охране производных и составных произведений. В российском законодательстве специальное регулирование интернет-мемов отсутствует, они не перечислены среди объектов авторских прав (п. 1 ст. 1259 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ). При этом распространено понимание интернет-мемов как производных произведений. Поскольку последние п. 2 ст. 1259 ГК РФ отнесены к числу объектов авторских прав, соответствующую охрану могут получить и мемы.

В вынесенном 16 июня 2022 г. Постановлении № 25-П по делу о проверке конституционности п. 3 ст. 1260 ГК РФ Конституционный Суд РФ подверг критике ранее действовавший подход законодателя о непредоставлении правовой охраны автору составного произведения при несоблюдении исключительного права на оригинальное произведение. По указанию органа конституционной юстиции в 2023 г. в ст. 1260 ГК РФ были внесены изменения, предо-

ставляющие защиту при неправомерном использовании производного или составного произведения как автору такого произведения, так и автору оригинального произведения.

Однако при рассмотрении так называемого дела о «Ждуне» суды⁴ отметили, что популярные комические изображения на основе произведения «Ждун» являются интернет-мемами, созданными коллективными усилиями пользователей сети, и отвечают признакам пародии в жанре карикатуры. Их использование возможно без согласия обладателя исключительного права на оригинальное произведение и без выплаты ему вознаграждения (п. 4 ст. 1274 ГК РФ, п. 99 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса РФ»).

Впоследствии такое категорирование интернет-мемов подверглось критике. Как отмечает Е.А. Павлова, пародия высмеивает оригинальное произведение, тогда как «Ждун» воспринимается как комический персонаж сам по себе⁵. Мемы было предложено рассматривать как производные произведения, создающие комический эффект, но далеко не всегда пародии. По мнению Л. Шифмана, «хотя любая пародия в той или иной степени включает в себя имитацию, не все имитации являются пародиями» [15, р. 46]. Е.А. Войниканис говорит о социальной, а не художественной функции пародии, которая не должна обладать творческой оригинальностью⁶. Соотносимость конструкции пародии и интернет-мема подвергается сомнению и другими авторами [6], указывающими на свойственный пародии коммерческий характер, что означает нарушение исключительных прав использованием мема, созданного на основе чужого произведения. Справедливо также, что мем высмеивает явление социальной действительности. Отождествление его с пародией влечет риск увеличения случаев использования объектов авторских прав без согласования с автором.

Суммирование подходов законодательства и судебной практики позволяет сделать выводы о

² Grumpy Cat Ltd. v. Grenade Beverage LLC. Case No. SA CV 15-2063-DOC (DFMx). URL: <https://www.adamsdrafting.com/wp-content/uploads/2018/06/GRUMPY-CAT-LIMITED-Plaintiff-v-GRENADE-BEVERAGE-LLC-et-al-Defendants-PAUL-SANDFO.pdf>.

³ Directive (EU) 2019/790 of The European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0790>.

⁴ Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 августа 2020 г. по делу № А56-123039/2019, постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2020 г. и Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) от 2 апреля 2021 г. № С01-274/2021, определение Верховного Суда (далее – ВС) РФ от 12 октября 2021 г. № 307-ЭС21-11864.

⁵ Протокол заседания Научно-консультативного совета при СИП от 2 июня 2023 г. № 30 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Там же.

необходимости разграничения видов интернет-мемов, которые не могут быть сведены к единому знаменателю, а также о целесообразности регистрации мема как товарного знака, используемого в коммерческих целях, для защиты прав автора такого производного произведения.

В последнем случае следует иметь в виду риски отказов Роспатентом в государственной регистрации обозначений, семантически воспринимаемых в значении ставших широко известными интернет-мемов, как это было в случае, когда Роспатент посчитал словесный элемент *Rossiano* интернет-мемом «россияно» / «русиано», означающим способ приготовления кофе (в противовес «американо») или иным образом связанным с ним, и заключил на этом основании, что он не способен выполнять индивидуализирующую функцию, а предоставление исключительного права на такое обозначение одному лицу будет противоречить общественным интересам⁷. Отклоняя доводы Роспатента, суды отметили, что из представленных сведений не следует ни использование спорного обозначения в предпринимательской деятельности каких-либо лиц на систематической основе, ни широкое распространение мема среди потребителей. В судебных решениях подчеркивалось, что понятие интернет-мема законодательно не определено, но меметический характер обозначения сам по себе не может являться основанием для отказа в регистрации товарного знака. На территории России действуют регистрации большого количества интернет-мемов в качестве товарных знаков. Требование об обязании зарегистрировать товарный знак *Rossiano* было удовлетворено.

Примечательно, что проблема заключается не в невозможности государственной регистрации интернет-мема как такового, а в семантическом восприятии потребителями обозначения как широко известного мема, что в конкретном случае может лишить его необходимых свойств товарного знака. Само по себе обстоятельство, что обозначение является интернет-мемом или сходно с ним, не обосновывает от-

сутствие его различительной способности. Его оценка на предмет соответствия п. 1 ст. 1483 ГК РФ должна исходить из восприятия этого обозначения потребителями в отношении конкретных товаров⁸.

В другом деле суд признал, что спорное обозначение «Как тебе такое, Илон» является известным мемом, используемым для привлечения внимания к товарам и услугам. Отсутствие в нем фамилии Маск не изменяет его восприятие и не приводит к модификации его смыслового значения, а спорное обозначение, оставаясь узнаваемым для потребителя, не позволяет индивидуализировать товары и услуги одного лица. Обозначение «Как тебе такое, Илон» было признано неохраноспособным⁹. Подобной практики, как отметили суды, придерживаются и зарубежные правовые порядки: согласно позиции Ведомства по патентам и товарным знакам США неохраноспособны общеупотребимые идеи и выражения, отражающие узнаваемый концепт.

В другом деле был признан незаконным отказ Роспатента в регистрации обозначения *Omagad* как представляющего собой популярный интернет-мем «Омагад омагад» с изображением котенка с широко раскрытыми глазами, возникший на основе искаженного варианта фразы «О май гад, о май гад» / *Oh my God, Oh my God*¹⁰. Интересна позиция суда первой инстанции¹¹ о наличии прямых ассоциативных связей потребителей с интернет-мемом, даже если в спорном обозначении отсутствует какой-либо элемент (в данном случае – изобразительный), так как использование комбинированного мема в переписке или в устной речи приводит к известности не только мема в целом, но и его словесных частей. Хотя позиция суда первой инстанции относительно утраты обозначением различительной способности вследствие масштабов его использования в сети «Интернет» была признана судом кассационной инстанции несостоятельной, само по себе, вне связи с рассматриваемым делом, утверждение о возможности оценивать по отдельности компоненты мема как полимодального феномена заслуживает дальнейшего исследования.

⁷ Решение СИП от 3 декабря 2020 г. по делу № СИП-181/2020, постановление Президиума СИП от 2 апреля 2021 г. № С01-209/2021; решение СИП от 4 февраля 2022 г. по делу № СИП-763/2021, постановление Президиума СИП от 11 июля 2022 г. № С01-523/2022; решение СИП от 25 мая 2023 г. по делу № СИП-155/2023, постановление Президиума СИП от 20 сентября 2023 г. № С01-1641/2023, определение ВС РФ от 19 декабря 2023 г. № 300-ЭС23-26821.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 31 октября 2019 г. № 300-ЭС19-12932.

⁹ Решение СИП от 21 марта 2023 г. по делу № СИП-1109/2022, постановление Президиума СИП от 17 июля 2023 г. № С01-725/2023.

¹⁰ Постановление Президиума СИП от 20 мая 2024 г. № С01-751/2024 по делу № СИП-1177/2023, определение ВС РФ от 12 сентября 2024 г. № 300-ЭС24-15225.

¹¹ Решение СИП от 2 февраля 2024 г. по делу № СИП-1177/2023.

4. Современная правовая мем-культура и метизация права

В основе исследований мемов находится область семиотики, что позволяет выявить как очевидное, так и скрытое влияние заложенных в них смыслов [21, р. 303]. Сила образов многомерна и может быть использована как во благо, так и во вред. Неслучайно распространена оценка мемов с позиции риск-ориентированного подхода как средства распространения девиантного контента [21, р. 317]. Использование мемов рассматривается в контексте информационного противоборства, когнитивных войн, пропаганды деструктивного поведения [22]. Исследователи «фокусируются на мемах как форме дезинформации, используемой для обеспечения стратегических целей с помощью разрушительных технологий, таких как автоматизация и искусственный интеллект» [21, р. 305]. Контроль за созданием и распространением мемов в интернет-среде усложнен, что объясняет актуальность их изучения на предмет распространения негативных нарративов и формирования антикультуры.

Важно подчеркнуть и метафорические свойства мемов, позволяющие им связывать социальные коллективы. Широта распространения мемов сочетается со свойственными им тонкими идеологическими кристаллизациями, охватывающими специфические для пользователя значения [21, р. 314].

Интернет-мемы служат формированию и обозначению определенной социальной принадлежности [18, р. 485]. В юридической среде они являются продуктом профессиональной координации. Справедливо говорить о появлении правовой мем-культуры или даже правовой диджикультуры, обусловленной спецификой среды их распространения и воплощением в них уникальных черт современной цифровой культуры.

Для анализа современной диджикультуры в полной мере применимы признаки мема, выделенные Р. Докинзом, – трансляция в социуме, копирование и воспроизводство посредством конкуренции и отбора [15, р. 18–23]. Распространяясь на микроуровне, мемы формируют мышление, формы поведения и действия социальных групп на макроуровне. Контент, распространяемый в Интернете, может стать массовым в течение относительно небольшого промежутка времени, а трансляция мемов становится значимой в восприятии пользователями цифровой сферы. Заметным явлением в сети становится и повседневная имитационная практика (подражательный контент). Цифровые медиа позволяют проследить процессы вариаций и отбора мемов.

Интернет-мемы профессионального сообщества юристов стали выразительным средством объяснения правовых явлений и процессов, способом выражения отношения к юридической профессии, обнародования правовых идей. Массовое задействование в них неоднородных визуальных компонентов свидетельствует о причастности их авторов к широкому культурному контексту [3, с. 266–268]. Представляя собой примеры юмористического правового дискурса, они транслируются, реплицируются, варьируются и воспроизводятся другими пользователями в рамках особой «мемной» коммуникации, оказывают влияние на самосознание и общую идентичность личности [23], программируют правовое поведение. Интернет-мемы во многом отображают сложившееся коллективное профессиональное правосознание, выступая одним из средств формирования правосознания индивидуального. Иными словами, наряду с нормами права, стратегическими документами, мемы в праве как примеры правовых концепций, традиций и ценностей, вспомогательного инструментария (символов) служат дополнением механизма правового воздействия и инструментом формирования правового поведения как деятельности интерпретации знаковой информации [24].

Интернет-мемы имеют общие признаки, сохраняющиеся в их варьирующихся версиях, иными словами, следуют общей объединяющей схеме, что позволяет провести самое общее их разграничение на мем-шаблон и его детали. Так, С. Лантань выделяет статичные и динамичные (мутирующие) мемы [25, р. 390–391]. В последнем случае имеет место расширение мема новыми компонентами, а традиционные свойства мемов дополняются свойством их вариации в процессе воспроизводства и отбора.

Продуктивный и действенный культурный диалог опосредуют большей частью именно мутирующие интернет-мемы, тиражирующие обыгрывание правовых явлений и процессов. Их постоянные вариации служат важным свидетельством текущих социальных ценностей и дискуссий, способствуя коммуникациям за пределами исходного контекста визуального или креолизованного медиа-объекта на уровне, трудно достижимом иным способом [25, р. 404–405]. Являясь важными строительными блоками коммуникативной формы, мутирующие интернет-мемы становятся частью юридического языка виртуального пространства и могут быть рассмотрены как культурный код в идентификации «свой – чужой» в Интернете [4, с. 114].

Помимо рассмотренной наиболее общей классификации типизация интернет-мемов профессионального сообщества юристов может быть проведена по тематическому признаку, сочетанию семиотических компонентов, содержанию текста, прагматике воздействия. К примеру, А.А. Хустенко они были проанализированы по числу и составу семиотических компонентов, их значимости, степени и способу корреляции [3, с. 265]. В юридических интернет-мемах смыслообразующим может быть как вербальный, так и визуальный компонент, однако зачастую преобладает один из них [3, с. 270].

Содержательно юридические интернет-мемы могут быть разграничены на те, что отражают юридически значимые события, выражают отношение общества к этой профессии, а также отношение самих юриста к своей деятельности, изображают обыденные профессиональные ситуации, осмысливают состояние законодательства, практики его применения, дают оценку правовой культуры населения.

5. Заключение

Цифровизация и медиатизация юридического дискурса влекут заметные трансформации юридического языка. Речь идет о терминах, отображающих те или иные юридические понятия виртуального пространства, специфике формулирования и языкового изложения правовых предписаний в сфере цифровизации, генерировании новых значений в юридической среде. Последняя трансформация связывается именно с интернет-мемами, которые, образуя форму экономии мышления, выступают основными

строительными блоками культурной коммуникации в сети, способными откликаться на текущую повестку, транслировать определенные оценки правовых явлений и процессов, апеллировать к различным правовым феноменам. Юридические интернет-мемы, генерируя новые значения в праве, служат отражению и воспроизводству правовой диджикультуры. Имеет место и обратное влияние профессионального юридического сообщества на конкретные параметры мема. Прогнозированию и предупреждению подлежат заложенные в массовом и мало поддающемся контролю распространении интернет-мемов риски формирования в них «обманных» смыслов и значений, программирующих и кодирующих неправомерное поведение.

Категорирование интернет-мемов в авторском праве требует решения двух вопросов: соблюдения прав авторов оригинальных произведений и прав авторов производных произведений – интернет-мемов – в условиях их вирусного распространения с последующими многократными вариациями. Уникальность мутирующих интернет-мемов в современном дискурсе обуславливает возможные затруднения в их категорировании в действующей структуре интеллектуальной собственности. В связи с этим определение их правовой природы с точки зрения отечественного законодательства о правах на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации требует определения баланса между фиксированностью (статичный интернет-мем) и новациями (мутирующий интернет-мем).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненкова И. В. Медиатизация правовой сферы: к постановке проблемы / И. В. Анненкова, М. А. Пильгун, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 10. – С. 5–14. – DOI: 10.12737/art_2018_10_1.
2. Анненкова И. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность / И. В. Анненкова, М. В. Залоило // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 140–155.
3. Хустенко А. А. Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях / А. А. Хустенко // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 4. – С. 258–282. – DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282.
4. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Казанская наука. – 2013. – № 1. – С. 113–115.
5. Трощенко Е. В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе / Е. В. Трощенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2021. – № 3. – С. 21–31. – DOI: 10.20916/1812-3228-2021-3-21-31.
6. Ворожевич А. С. Случаи свободного использования объектов авторских прав: сущность, общий обзор / А. С. Ворожевич, Н. В. Козлова // Вестник гражданского права. – 2019. – № 5. – С. 43–78. – DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-5-43-78.

7. Докинз Р. Эгоистичный ген / Р. Докинз. – М. : АСТ, 2013. – 245 с.
8. Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения / М. В. Залоило // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 11. – С. 19–32. – DOI: 10.61205/S160565900029143-1.
9. Missing the revolution. Darwinism for social scientists / ed. by J. H. Barkow. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 311 p.
10. Dennet D. C. Consciousness explained / D. C. Dennet. – New York : Back Bay Books : Little, Brown and Company, 1991. – 511 p.
11. Fried M. S. The evolution of legal concepts: the memetic perspective / M. S. Fried // Jurimetrics. – 1999. – Vol. 39, No. 3. – P. 291–316.
12. Залоило М. В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права / М. В. Залоило // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 32–56. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.32.56.
13. Smith C. Copyright & memes: the fight for success kid / C. Smith, S. Lantagne // Georgetown Law Journal Online. – 2021. – Vol. 110. – P. 142–167.
14. Johnson S. J. Memetic theory, trademarks & the viral meme mark / S. J. Johnson // The John Marshall Review of Intellectual Property Law. – 2013. – Vol. 13. – P. 96–129.
15. Shifman L. Memes in digital culture / L. Shifman. – Cambridge, Massachusetts : Massachusetts Institute of Technology, 2014. – 211 p.
16. Зиновьева Н. А. Трансляция социокультурных кодов в создании информационного продукта: анализ интернет-мемов : дис. ... канд. социол. наук / Н. А. Зиновьева. – СПб., 2016. – 203 с.
17. Косиченко Е. Ф. Интернет-мем как жанр комического / Е. Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2 (857). – С. 16–23. – DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16.
18. Nissenbaum A. Internet memes as a contested cultural capital: the case of 4chan's/b/board / A. Nissenbaum, L. Shifman // New Media & Society. – 2017. – Vol. 19, Iss. 4. – P. 483–501. – DOI: 10.1177/1461444815609313.
19. Marciszewski M. The problem of modern monetization of memes: how copyright law can give protection to meme creator / M. Marciszewski // Pace I. P. Sports & Entertainment Law Forum. – 2020. – Vol. 9, Iss. 1. – Art. 3. – DOI: 10.58948/2329-9894.1076.
20. Patel R. First world problems: a fair use analysis of Internet memes / R. Patel // UCLA Entertainment Law Review. – 2013. – Vol. 20, Iss. 2. – P. 235–256. – DOI: 10.5070/LR8202027169.
21. Kingdon A. The meme is the method: examining the power of the image within extremist propaganda / A. Kingdon // Researching Cybercrimes. Methodologies, Ethics, and Critical Approaches / ed. by A. Lavorgna, T. J. Holt. – Cham : Palgrave Macmillan, 2021. – P. 301–322. – DOI: 10.1007/978-3-030-74837-1_15.
22. Шошин С. В. Интернет-мемы: пропаганда и контрпропаганда (некоторые юридические аспекты) / С. В. Шошин // Теология. Философия. Право. – 2022. – № 1 (17). – С. 24–41.
23. Yus F. Identity-related issues in meme communication / F. Yus // Internet Pragmatics. – 2018. – Vol. 1, Iss. 1. – P. 113–133. – DOI: 10.1075/ip.00006.yus.
24. Бортняк А. Ф. Правовое поведение как деятельностная интерпретация знаковой информации / А. Ф. Бортняк // Государственный советник. – 2013. – № 4. – С. 26–29.
25. Lantagne S. Famous on the Internet: the spectrum of Internet memes and the legal challenge of evolving methods of communication / S. Lantagne // University of Richmond Law Review. – 2017. – Vol. 52. – P. 387–424.

REFERENCES

1. Annenkova I.V., Pilgun M.A., Chernogor N.N. Mediatization in legal sphere: problem statement. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 10, pp. 5–14. DOI: 10.12737/art_2018_10_1. (In Russ.).
2. Annenkova I.V., Zaloilo M.V. New culture of communication in the context of digital and socio-cultural globalization: law, media and national identity. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 3, pp. 140–155. (In Russ.).

3. Khustenka A.A. Specificity of semiotic organization of Internet memes of professional community of lawyers in social networks. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, no. 4, pp. 258–282. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282. (In Russ.).
4. Marchenko N.G. Internet-mem like storage of the cultural code of Internet-community. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*, 2013, no. 1, pp. 113–115. (In Russ.).
5. Troshchenkova E.V. Conceptualization of the public and political role of memes in media discourse. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 21–31. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-3-21-31. (In Russ.).
6. Vorozhevich A.S., Kozlova N.V. Cases of Free Fair Use of Copyright Objects: Summary, Overview. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2019, no. 5, pp. 43–78. DOI: 10.24031/1992-2043-2019-19-5-43-78. (In Russ.).
7. Dawkins R. *The selfish gene*. Moscow, AST Publ., 2013. 245 p. (In Russ.).
8. Zaloilo M.V. Legal memetics in the study of law enforcement. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, vol. 28, no. 11, pp. 19–32. DOI: 10.61205/S160565900029143-1. (In Russ.).
9. Barkow J.H. (ed.). *Missing the revolution. Darwinism for social scientists*. Oxford, Oxford University Press, 2006. 311 p.
10. Dennet D.C. *Consciousness explained*. New York, Back Bay Books; Little, Brown and Company, 1991. 511 p.
11. Fried M.S. The evolution of legal concepts: the memetic perspective. *Jurimetrics*, 1999, vol. 39, no. 3, pp. 291–316.
12. Zaloilo M.V. The concept of meme (memetics) and the primary mechanisms of socio-cultural evolution of law. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 32–56. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.32.56. (In Russ.).
13. Smith C., Lantagne S. Copyright & memes: the fight for success kid. *Georgetown Law Journal Online*, 2021, vol. 110, pp. 142–167.
14. Johnson S.J. Memetic theory, trademarks & the viral meme mark. *The John Marshall Review of Intellectual Property Law*, 2013, vol. 13, pp. 96–129.
15. Shifman L. *Memes in digital culture*. Cambridge, Massachusetts, Massachusetts Institute of Technology Publ., 2014. 211 p.
16. Zinov'eva N.A. *Translation of sociocultural codes in the creation of an information product: analysis of Internet memes*, Cand. Diss. St. Petersburg, 2016. 203 p. (In Russ.).
17. Kosichenko E.F. Internet meme as a genre of entertainment. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, no. 2 (857), pp. 16–23. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16. (In Russ.).
18. Nissenbaum A., Shifman L. Internet memes as a contested cultural capital: the case of 4chan's/b/board. *New Media & Society*, 2017, vol. 19, iss. 4, pp. 483–501. DOI: 10.1177/1461444815609313.
19. Marciszewski M. The problem of modern monetization of memes: how copyright law can give protection to meme creator. *Pace I. P. Sports & Entertainment Law Forum*, 2020, vol. 9, iss. 1, art. 3. DOI: 10.58948/2329-9894.1076.
20. Patel R. First world problems: a fair use analysis of Internet memes. *UCLA Entertainment Law Review*, 2013, vol. 20, iss. 2, pp. 235–256. DOI: 10.5070/LR8202027169.
21. Kingdon A. The meme is the method: examining the power of the image within extremist propaganda, in: Lavorgna A., Holt T.J. (eds.). *Researching Cybercrimes. Methodologies, Ethics, and Critical Approaches*, Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2021, pp. 301–322. DOI: 10.1007/978-3-030-74837-1_15.
22. Shoshin S.V. Internet meme: propaganda and counter-propaganda (some legal aspects). *Teologiya. Filosofiya. Pravo = Theology. Philosophy Law*, 2022, no. 1 (17), pp. 24–41. (In Russ.).
23. Yus F. Identity-related issues in meme communication. *Internet Pragmatics*, 2018, Vol. 1, iss. 1, pp. 113–133. DOI: 10.1075/ip.00006.yus.
24. Bortniak A.F. Legal behavior as activity interpretation of sign information. *Gosudarstvennyi sovetnik = The State Counsellor*, 2013, no. 4, pp. 26–29. (In Russ.).
25. Lantagne S. Famous on the Internet: the spectrum of Internet memes and the legal challenge of evolving methods of communication. *University of Richmond Law Review*, 2017, vol. 52, pp. 387–424.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Залоило Максим Викторович – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

E-mail: z-lo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4247-5242

ResearcherID: S-4168-2018

SPIN-код РИНЦ: 5892-5522; AuthorID: 595876

Власова Наталия Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник центра частного права

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

117218, Россия, г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, 34

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8167-4143

ResearcherID: W-8032-2019

SPIN-код РИНЦ: 9243-4219; AuthorID: 289357

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Залоило М.В. Феномен интернет-мемов в правовом пространстве / М.В. Залоило, Н.В. Власова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 26–35. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).26-35.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Maksim V. Zaloilo – PhD in Law, Leading Researcher, Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research of Legislation

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia

E-mail: z-lo@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4247-5242

ResearcherID: S-4168-2018

RSCI SPIN-code: 5892-5522; AuthorID: 595876

Nataliya V. Vlasova – PhD in Law, Leading Researcher, Department of Private Law

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

34, B. Cheremushkinskaya ul., Moscow, 117218, Russia

E-mail: natasha.vlasova@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8167-4143

ResearcherID: W-8032-2019

RSCI SPIN-code: 9243-4219; AuthorID: 289357

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zaloilo M.V., Vlasova N.V. The phenomenon of Internet memes in the legal space. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 26–35. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).26-35. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE PUBLIC AUTHORITIES

УДК 343.4

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).36-46

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ*

А.К. Жарова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
9 марта 2025 г.

Дата принятия в печать –
20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Доверенные технологии,
искусственный интеллект,
принципы, национальная
безопасность, информационная
безопасность,
недискриминация,
объективность, этические
нормы, система оценки
соответствия

Исследуется использование искусственного интеллекта (ИИ) в обеспечении национальной безопасности с позиций правового регулирования. Отмечается, что обеспечение национальной безопасности зависит от алгоритмов, реализованных в технологиях ИИ. Применение ИИ открывает широкие возможности для укрепления национальной безопасности, но также вызывает ряд правовых и этических проблем, которые требуют анализа и формирования методики их решения. Сделаны выводы о том, что в областях, где существует угроза национальной безопасности, на законодательном уровне определено требование о применении доверенных технологий ИИ. Эти технологии определяются как соответствующие стандартам безопасности и разработанные на основе принципов объективности, недискриминации и этичности. Однако в законодательстве и документах технического регулирования раскрыты только два принципа – недискриминации и объективности, и несмотря на то, что в законодательстве в области ИИ используется термин «этичность норм», этичность не определена как самостоятельный принцип.

LEGAL ASPECTS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ENSURING NATIONAL SECURITY: CHALLENGES AND THREATS**

Anna K. Zharova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Article info

Received –
2025 March 9

Accepted –
2025 September 20

The subject. Artificial intelligence (AI) opens up wide opportunities for strengthening national security, but also raises a number of legal and ethical issues that need to be carefully analyzed and resolved. The implementation of a government strategy aimed at improving tools and approaches to information protection using AI is a key aspect of ensuring national security and maintaining law and order.

* Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Институт государства и права Российской академии наук» при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

** The publication was prepared within the framework of the scientific project "Creating a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application to develop prospecting means of countering ideological distortions of Russia's civilizational development", implemented by the Federal State Budgetary Institution of Science "Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences", with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Agreement dated July 12, 2024 No. 075-15-2024-639).

Available online –
2025 December 20

Keywords

Trusted technologies, artificial intelligence, principles, national security, information security, non-discrimination, objectivity, ethical standards, conformity assessment system

The aim of the article was to confirm the hypothesis that ensuring national security depends on algorithms implemented in artificial intelligence (AI) technologies.

Methodology. The criteria formulated in the President Decree of the Russian Federation No. 124 are fundamental on the basis of which trusted AI systems are developed. The analysis of legal acts, acts of technical regulation and scientific literature was made.

Main results. In areas where there is a threat to national security, the use of trusted AI technologies is becoming mandatory. In accordance with Presidential Decree No. 124, trusted AI technologies are defined as meeting safety standards and developed based on the principles of objectivity, non-discrimination and ethics. Their use should exclude the possibility of harming a person, violating his rights and freedoms, as well as harming the interests of society and the state. Only two principles formulated in that Decree are disclosed – this is the principle of non-discrimination and objectivity. Despite the use of the term "ethics of norms", "ethics" in the legislation in the field of AI, ethics is not defined as an independent principle. Ethics in the field of AI can be understood as a system of views and principles aimed at protecting the moral and social consequences associated with the use of various data processing models contained in AI technologies. The principle of objectivity or impartiality is related to the ability of the system to inspire confidence and exclude unjustified bias of the formed estimates. The principle of objectivity is closely intertwined with the principles of transparency of AI systems and data protection and security. To achieve the objectivity of data processing by AI systems, it is necessary to use high-quality and representative datasets obtained from reliable sources. The implementation of the principle of non-discrimination contains certain contradictions that manifest themselves in the conditions of ensuring national security. Since, despite the fact that it is intended to exclude the possibility of using AI algorithms for processing and analyzing data containing discriminatory criteria, if necessary, the state can apply other criteria to ensure the national security.

Conclusions. The implementation of the above principles, the creation of a trusted environment for the use of AI technologies, and the development of trusted AI technologies all ensure information security, the effectiveness of the system for protecting the interests of citizens, society, information, and information infrastructure, thereby ensuring national security.

1. Введение

Искусственный интеллект (далее – ИИ) активно внедряется во все сферы нашей жизни. Его использование открывает большие перспективы для укрепления национальной безопасности (далее – НБ), но в то же время ставит перед нами новые правовые и этические вопросы, которые требуют осмысления и решения.

Высказанная И.Л. Бачило более десяти лет назад идея о том, что не только граждане и государство нуждаются в защите от информации, но и сама информация требует защиты [1], актуальна и в контексте отношений, возникающих при использовании технологии ИИ. Необходимо не только обеспечить информационную безопасность (далее – ИБ) пользователей ИИ, но и защиту самого ИИ от его противоправного применения [2], так он как обладает огромным потенциалом

[3; 4]. Например, чтобы обеспечить безопасность ИИ, были разработаны стандарты защиты данных при обработке с помощью технологий ИИ. Кроме того, были сформулированы политики использования и требования, которым должен соответствовать ИИ, чтобы гарантировать ответственное применение этих технологий [5; 6].

Ключевой целью совершенствования законодательства в сфере развития и применения технологий ИИ на период до 2030 г. является создание в России благоприятных правовых условий для разработки, внедрения и использования этих технологий и основанных на них решений. Так, с 1 июля 2020 г. в Москве проводится эксперимент по установлению экспериментального правового режима в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ сроком на пять лет¹.

¹ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте

Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

При этом разработка технологий ИИ не должна осуществляться в отрыве от правовых принципов, обеспечивающих защиту прав и свобод человека, а также безопасность Российской Федерации [7; 8]. В таком случае закономерен вопрос: как этапы разработки и использования ИИ связаны с обеспечением НБ?

2. Национальная безопасность и искусственный интеллект

В 2019 г. на своей большой пресс-конференции В.В. Путин заявил, что развитие ИИ является вопросом НБ². ИИ – это «комплекс технологических решений, имитирующий когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и позволяющий при выполнении задач достигать результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека»³. Поскольку ИИ – это комплекс технологических решений, связь между ИИ и НБ кроется в этапах разработки и применения ИИ, т. е. на протяжении всего жизненного цикла технологических решений ИИ. Вопросами обеспечения безопасности личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз занимается ИБ⁴. Соответственно, технологии ИИ связаны с обеспечением НБ через обеспечение ИБ, которое является ключевым аспектом обеспечения НБ. Этот тезис подтверждается многочисленными научными исследованиями (см., напр.: [9–11]), законодательством, а также практиками, которые предложили объединить эти понятия и сформировать понятие «национальная информационная безопасность»⁵. Тем самым практики подчеркивают важность обеспечения ИБ в целях достижения НБ.

В 2021 г. в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия НБ)⁶ ИБ отнесена к национальному приоритету. Причем, как указано в Стратегии НБ, реализация государственной политики, направленной

на совершенствование средств и методов обеспечения ИБ на основе применения технологий ИИ, является одной из задач, решение которой позволит достичь цели обеспечения ИБ.

В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (далее – Стратегия ИИ)⁷ среди прочих указана такая цель развития ИИ, как обеспечение НБ и правопорядка.

Указом Президента РФ от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» (далее – Указ Президента РФ № 124)⁸ определена необходимость не только внесения изменений в законодательство, обеспечивающее регулирование взаимодействия человека с технологиями ИИ в целях стимулирования активного развития и использования этих технологий, но и формирования «перечня областей использования технологий ИИ, в которых может быть нанесен ущерб безопасности Российской Федерации».

Таким образом, исходя из анализа положений законодательства, очевиден вывод, что реализация государственной политики, направленной на совершенствование средств и методов обеспечения ИБ с использованием технологий ИИ, в свою очередь является ключевой целью обеспечения НБ и правопорядка.

Причем государство определило наиболее чувствительные области использования технологий ИИ, в которых факт их применения может представлять опасность, в том числе для НБ. Этот вывод подтверждается разработанным Министерством экономического развития РФ и утвержденным его Приказом от 26 ноября 2024 г. № 752 (далее – приказ Минэкономразвития России № 752) регламентом обеспечения компенсации вреда, причиненного в результате

² Самтынова Е. Владимир Путин: «Искусственный интеллект – вопрос национальной безопасности» // Гарант.ру. 2019. 19 дек. URL: <https://www.garant.ru/news/1310389/>.

³ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁵ Информационная безопасность в системе национальной безопасности // Falcongaze. 2024. 18 дек. URL: <https://falcongaze.com/ru/pressroom/publications/informacionnaya>

-bezopasnost-v-otraslyah/informacionnaya-bezopasnost-v-sisteme-nacionalnoj-bezopasnosti.html.

⁶ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁷ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 8. Ст. 1102.

применения технологий ИИ в рамках проведения экспериментальных правовых режимов⁹.

На основании анализа положений приказа Минэкономразвития России № 752 мы можем сделать вывод, что наиболее уязвимыми перед применением ИИ сферами общественной жизни являются личная жизнь, здоровье и имущество людей, а также имущество юридических лиц. В случае «причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в результате использования решений, разработанных с применением технологий ИИ» эти ситуации будут рассматриваться на заседании комиссии для установления обстоятельств, при которых при реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в результате использования решений, разработанных с применением технологий ИИ, причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица.

Таким образом, анализ правовых актов приводит нас к выводу о том, что уровень уязвимости различных сфер общественной жизни и, как следствие, НБ и правопорядка напрямую зависит от того, в чьих руках находятся технологии ИИ, какие методы обработки данных реализованы в этих технологиях.

В Указе Президента РФ № 124 отмечается что «распространение соответствующих этических норм» является необходимым для достижения цели «создания в Российской Федерации благоприятных нормативно-правовых условий для разработки, внедрения и использования технологий ИИ и решений, разработанных на их основе, с учетом обеспечения защиты прав и свобод человека и безопасности Российской Федерации» (п. 51 (9)).

⁹ Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 26 ноября 2024 г. № 752 «Об утверждении Порядка формирования комиссии для установления обстоятельств, при которых при реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, Порядка рассмотрения комиссией случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, Порядка подготовки заключения комиссии по итогам установления об-

стоятельств, при которых в результате реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций при использовании решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, был причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, формы такого заключения» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202412270024.

Но само использование термина «этические нормы» в вопросах применения технологии ИИ вызывает дискуссии [12–14]. Так, Л.Ю. Василевская считает, что точка зрения некоторых авторов о согласии с тем, что возможны этические правила взаимодействия человека с ИИ, юридически некорректна [15]. С одной стороны, мы согласны с точкой зрения Л.Ю. Василевской, поскольку ИИ – это совокупность технологий. С другой стороны, если исходить из понятия этики как «философской науки, объектом изучения которой является мораль, нравственность как форма общественного сознания и как вид общественных отношений»¹⁰, то этические нормы можно рассматривать как связь между нравственностью и развитием технологий. Как отмечает Ф. Ларюэль, такое «соотношение не является простым. Нередко этичность трактуется так: развертывание науки и техники рождает новые ценностные установки и преобразует прежние» [16, с. 49].

Итак, учитывая использование термина «этические нормы» в Указе Президента РФ № 124, мы будем рассматривать этичность как процесс формирования общественных ценностей у разработчиков и пользователей технологий ИИ на протяжении всего жизненного цикла технологий ИИ и систем ИИ.

Жизненный цикл системы ИИ в соответствии с ГОСТ Р 71476–2024¹¹ представлен на рисунке.

В Указе Президента РФ № 124, помимо «распространения соответствующих этических норм», отмечены следующие основные направления создания комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений в области развития и использования технологий ИИ, и обеспечения безопасности применения таких технологий: «формирование механизма оценки рисков нарушения этических норм при внедрении технологий ИИ в отраслях

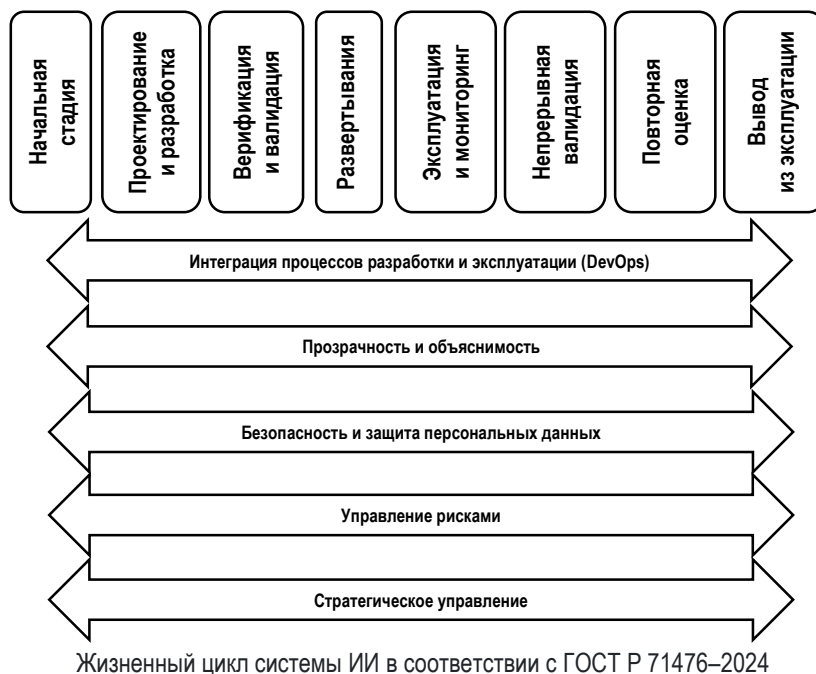
стоятельств, при которых в результате реализации экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций при использовании решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта, был причинен вред жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, формы такого заключения» // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202412270024.

¹⁰ Этика // Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. С. 769.

¹¹ ГОСТ Р 71476–2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 28 окт. 2024 г. № 1550-ст. М.: Рос. ин-т стандартизации, 2024. IV, 57 с.

экономики и социальной сферы; разработка требований ИБ в отношении технологий ИИ; создание системы оценки соответствия технологий ИИ требова-

ниям законодательства Российской Федерации, в том числе в области ИБ» (пп. «ж»–«л» п. 51 (11)).

Причем для тех областей применения технологий ИИ, в которых может быть нанесен ущерб НБ, разработка технологий ИИ должна осуществляться в соответствии с требованиями ИБ доверенных технологий ИИ (пп. «а» п. 51 (10) Указа Президента РФ № 124).

Создание системы оценки соответствия технологий ИИ требованиям в области ИБ связано с системой стандартизации и сертификации технологий ИИ, которая в конечном итоге позволяет разрабатывать доверенные технологии ИИ.

Доверие к технологиям ИИ, по нашему мнению, в первую очередь направлено на создание доверительного отношения пользователей таких технологий к этим технологиям и неразрывно связано с доверием к моделям обработки данных, реализованных в этих технологиях. Важность понимания пользователями процесса обработки данных связана с тем, что технология, имитирующая когнитивные функции человека, может создать иллюзию понимания смысла принимаемых ею решений [17; 18].

Однако это не так. Технологии ИИ на данном этапе развития алгоритмов ИИ не могут объяснить

логику принятия своих решений, а также не обладают пониманием с точки зрения человека. Эта иллюзия приводит к тому, что люди неправильно воспринимают технологию ИИ и в результате используют ее не по назначению.

Хотя не только незнание функциональных возможностей ИИ может быть опасно. Понимание потенциала этих технологий и знание их возможностей также может стать причиной негативных последствий, например, если злоумышленники получают доступ к системам ИИ [19].

3. Доверенные технологии искусственного интеллекта

С 2021 г. по настоящее время в сфере ИИ произошли важные изменения, связанные с формированием перечня стандартов. На конец февраля 2025 г. на сайте Росстандарта опубликован 61 стандарт по направлению ИИ¹¹, из которых 32 приняты в 2022 г.

Исходя из ключевых задач, определенных Указом Президента РФ № 124, таких как обязательное использование доверенных технологий ИИ в областях, где существует угроза НБ, рассмотрим подроб-

¹¹ Стандарты по направлению «Искусственный интеллект» // РОССТАНДАРТ: федеральное агентство по техническому

регулированию и метрологии. URL: <https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aistandarts>.

нее критерии и методы оценки соответствия технологий ИИ, описанных в этих стандартах, требованиям законодательства Российской Федерации.

Под доверенными технологиями ИИ, в соответствии с Указом Президента РФ № 124, понимаются «технологии, отвечающие стандартам безопасности, разработанные с учетом принципов *объективности, недискриминации, этичности*, исключающие при их использовании возможность причинения вреда человеку и нарушения его основополагающих прав и свобод, нанесения ущерба интересам общества и государства» (пп. «ц» п. 5 Стратегии ИИ). Для разработки доверенных систем ИИ создана специальная платформа, позволяющая автоматизировать процессы выявления и устранения угроз, которые могут возникнуть на всех этапах жизненного цикла создания моделей машинного обучения¹².

В этом случае возникает закономерный вопрос: отражены ли в стандартах в области ИИ принципы объективности, недискриминации, этичности, а также другие важные принципы?

Так, в Российской Федерации в 2022 г. разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (далее – Кодекс ИИ)¹³. Однако в самом Кодексе ИИ определения принципа этичности нет.

Судя по всему, включая термин «этика» в название Кодекса ИИ, его разработчики хотели показать, что этичность является основополагающей на всех этапах жизненного цикла технологий и систем ИИ. Однако, как мы уже подчеркивали, использование этого термина по отношению к ИИ вызывает дискуссии.

Несмотря на то, что Указ Президента РФ № 124 связывает разработку доверенных технологий с принципом этичности, мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса. Для достижения этой цели необходимо четко определить, что подразумевается под принципом этичности.

Этичность в области ИИ можно рассматривать как систему взглядов и принципов, направленных на защиту моральных и социальных последствий, возникающих в процессе использования технологий ИИ. В этом случае она охватывает широкий круг вопросов, включая ответственность за ущерб, причиненный с помощью ИИ, а также исключение предвзятости и непрозрачности работы алгоритмов обработки данных. Кроме того, этичность затрагивает тонкие грани между обеспечением конфиденциальности и ИБ. Исходя из этого, мы считаем, что прин-

цип социально ответственного поведения в сфере ИИ лучше всего отражает указанные отношения.

Авторами Кодекса ИИ раскрыт принцип социально ответственного поведения в области применения ИИ в связи с одной только областью – это применение технологий ИИ, в то время как этичность в области ИИ затрагивает, в том числе, отношения в области разработки технологий ИИ.

В соответствии с Кодексом ИИ принцип социально ответственного поведения в области применения ИИ определяет, что участники, занимающиеся ИИ, обязаны проявлять ответственность в отношении влияния систем ИИ на общество и граждан. Это включает защиту частной жизни, этичное, безопасное и ответственное использование данных. Участники рынка, занимающиеся ИИ, должны осознавать потенциальный ущерб, который может возникнуть в результате применения технологий и систем ИИ; ответственно подходить к выбору и использованию аппаратных средств и программного обеспечения, необходимых на различных этапах жизненного цикла систем ИИ (п. 2.2 ч. 2 раздела 1).

Таким образом, считаем, что требование социально ответственного поведения в области применения ИИ направлено на организацию доверенной среды пользователей к системам ИИ, поскольку предполагается, что участники рынка, занимающиеся ИИ, должны осознавать при выборе той или иной технологии все возможные риски и делать всё от них зависящее, чтобы не допустить реализации этих рисков [20].

Возвращаясь к двум другим принципам – объективности и недискриминации, также хотим отметить, что в Кодексе ИИ принцип объективности, как и принцип этичности, не имеет самостоятельного определения. В научной литературе данный принцип связывается с такими этапами жизненного цикла ИИ, как его разработка и использование, а также важности защиты данных, обрабатываемых этими технологиями [21; 22], этические последствия предоставления ИИ возможности принимать решения [23], как ценности и принципы, необходимые для обеспечения развития ИИ [24; 25]. Тем не менее в упомянутой литературе не представлено четкого определения данного принципа.

Зарубежные исследователи подчеркивают необходимость систематизации существующих исследований и понятийной категоризации [26].

¹² Платформа Доверенного Искусственного Интеллекта (ДИИ). URL: <https://www.ispras.ru/technologies/tai/>.

¹³ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС «КонсультантПлюс».

В ГОСТ Р 59276–2020¹⁴ объективность приравнивается к непредвзятости и связывается со способностью вызывать доверие при функционировании системы, исключая необоснованное смещение формируемых оценок.

Близко связан с принципом объективности – принцип прозрачности технологии ИИ. Он определен, например, в ГОСТ Р ИСО 26000 и в Предварительном национальном стандарте 963–2024 (ИСО/МЭК 5339:2024)¹⁵. Прозрачность позволяет заинтересованным сторонам получать информацию о том, для чего предназначена система ИИ, каким образом она разрабатывалась и вводилась в действие. Сюда включена информация о целях, ограничениях, определениях, допущениях, алгоритмах, источниках и сборе данных, безопасности, защите частной информации и конфиденциальности и уровне автоматизации (п. 5.15.8 ГОСТ Р 71476–2024). Прослеживаемость отнесена к элементу прозрачности в качестве потенциального источника этических проблем.

Как видим, принцип прозрачности охватывает такой элемент жизненного цикла системы ИИ, как ее разработка. Иными словами, пользователь технологии ИИ может получить информацию от производителя о принципах обработки данных системами ИИ, методах принятия ею решений. Принцип прозрачности был расширен и дополнен концепцией объяснимости систем ИИ, направленной на обеспечение ясности и прозрачности решений, принимаемых системой ИИ и приложениями, когда с ними взаимодействуют заинтересованные стороны. В таком взаимодействии принципов (прозрачности и объективности) понимание пользователями ИИ ее работы становится более полным.

И, наконец, третий среди определенных в Указе Президента РФ № 124 признаков, связанных с разработкой доверенных технологий ИИ, – принцип недискриминации. В Кодексе ИИ он назван принципом равенства и отсутствия дискриминации. Он призван исключить возможность применения алгоритмов ИИ для обработки и анализа данных, содержащих дискриминационные критерии. В соответствии с Кодексом ИИ участники рынка ИИ (акторы) обязаны следить за тем, чтобы используемые ими алгоритмы и наборы данных, а также методы обработки

информации для машинного обучения не приводили к умышленной дискриминации отдельных лиц или групп. При этом следует отметить, что явно заявленные акторами правила работы или использования систем ИИ для различных групп пользователей, разделенных по этим признакам, не могут считаться дискриминацией.

Однако следует отметить, что реализация принципа недискриминации в случае обеспечения НБ приводит к определенным противоречиям. С одной стороны, государство обязано обеспечивать безопасность всех своих граждан, независимо от их расы, этнической принадлежности, религии, пола, сексуальной ориентации или других признаков. С другой стороны, для эффективного противодействия угрозам НБ может возникнуть необходимость в применении критериев обработки данных, которые могут быть рассмотрены как дискриминационные или нарушающие принцип равенства. Но в случае выбора между обеспечением НБ и ограничением принципа равенства государство всегда сделает выбор в пользу НБ.

4. Заключение

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы. В сферах, где существует угроза НБ, использование доверенных технологий ИИ становится обязательным. В соответствии с Указом Президента РФ № 124 доверенные технологии ИИ определяются как отвечающие стандартам безопасности и разработанные на основе принципов объективности, недискриминации и этичности. Их применение должно исключать возможность причинения вреда человеку, нарушения его прав и свобод, а также ущерба интересам общества и государства.

Анализ положений законодательства и норм технического регулирования позволил заключить, что только два принципа, сформулированные в Указе Президента РФ № 124, раскрыты – это принцип недискриминации и объективности.

Несмотря на использование термина «этичность норм», «этичность» в законодательстве в области ИИ не определена в качестве самостоятельного принципа.

¹⁴ ГОСТ Р 59276–2020 Системы искусственного интеллекта. Способы обеспечения доверия. Общие положения: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 23 дек. 2020 г. № 1371-ст. М.: Стандартинформ, 2021. IV, 11 с.

¹⁵ ПНСТ 963–2024 (ИСО/МЭК 5339:2024) Искусственный интеллект. Руководство для приложений на основе искусственного интеллекта: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 25 окт. 2024 г. № 70-пнст. М.: Росинт-стандартизации, 2024. IV, 27 с.

Анализ научной литературы позволил сделать вывод, что под этичностью в сфере ИИ мы можем понимать систему взглядов и принципов, направленных на защиту моральных и социальных последствий, связанных с применением различных моделей обработки данных, содержащихся в технологиях ИИ.

Принцип объективности, или непредвзятости, связан со способностью системы вызывать доверие и исключать необоснованное смещение формируемых оценок. Принцип объективности тесно переплетается с принципами прозрачности систем ИИ и защиты и безопасности обработки данных. Для достижения объективности обработки данных системами ИИ необходимо использовать качественные и репрезентативные наборы данных, полученные из надежных источников.

Реализация принципа недискриминации содержит определенные противоречия, которые проявляются в условиях обеспечения НБ, поскольку, несмотря на то, что он призван исключить возможность применения алгоритмов ИИ для обработки и анализа данных, содержащих дискриминационные критерии, при необходимости обеспечения НБ государство может применять иные критерии.

Реализация вышеуказанных принципов, создание доверенной среды пространства применения технологий ИИ, разработка доверенных технологий ИИ – всё это обеспечивает ИБ, эффективность системы защиты интересов, граждан, общества, информации и информационной инфраструктуры, тем самым – НБ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бачило И. Л. Правовое обеспечение информационной безопасности на новом этапе развития информационного общества / И. Л. Бачило. – URL: <http://igpran.ru/public/articles/BachiloIL.2014.1..pdf>.
2. Страхов А. А. Об утечке данных и DLP-системах / А. А. Страхов, Н. М. Дубинина // Криминологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 226–232. – DOI: 10.24412/2687-0185-2022-4-226-232.
3. Громов Ю. Ю. Анализ существующих методов защиты информации в современных информационных системах / Ю. Ю. Громов, В. О. Драчев, В. В. Войтюк, В. В. Родин, Т. Г. Самхарадзе // Инженерная физика. – 2008. – № 2. – С. 67–69.
4. Жарова А. К. Предупреждение компьютерных атак типа man in the middle, совершаемых с использованием генеративного искусственного интеллекта / А. К. Жарова, В. М. Елин, Б. Р. Аветисян // Вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 6 (64). – С. 28–41. – DOI: 10.21681/2311-3456-2024-6-28-41.
5. Denning P. J. The context problem in artificial intelligence / P. J. Denning, J. Arquilla // Communications of the ACM. – 2022. – Vol. 65, Iss. 12. – P. 18–21. – DOI: 10.1145/3567605.
6. Cheruvalath R. Artificial Intelligent Systems and Ethical Agency / R. Cheruvalath // Journal of Human Values. – 2023. – Vol. 29, No. 1. – P. 33–47. – DOI: 10.1177/09716858221119546.
7. Жарова А. К. Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения преступлений / А. К. Жарова // Труды по интеллектуальной собственности. – 2024. – Т. 49, № 2. – С. 16–23. – DOI: 10.17323/tis.2024.21708.
8. Жарова А. К. Интеллектуальные системы распознавания образов и смысла в системе предупреждения правонарушений, совершаемых с использованием Сети / А. К. Жарова // Russian Journal of Economics and Law. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 469–480. – DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.469-480.
9. Цыгичко В. Н. Информационные вызовы национальной и международной безопасности / В. Н. Цыгичко, И. Ю. Алексеева ; под общ. ред. А. В. Федорова и В. Н. Цыгичко. – М. : Изд. ПИР-Центра полит. исслед., 2001. – 328 с.
10. Гулябян А. О. Основные направления защиты информации и ресурсов информационных систем / А. О. Гулябян, В. М. Смирнов // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 88-1. – С. 45–46. – DOI: 10.18411/trnio-08-2022-13.
11. Рузанова Е. А. Средства защиты информации в ЛВС / Е. А. Рузанова // Теория и практика современной науки: взгляд молодежи : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. на англ. яз. (Санкт-Петербург, 30 нояб. 2023 г.) : в 2 ч. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т пром. технологий и дизайна, 2024. – Ч. II. – С. 166–169. – (На англ. яз.).

12. Ройзензон Г. В. Современные подходы формализации понятия этики в искусственном интеллекте / Г. В. Ройзензон // Труды международной конференции по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2018 (Казань, 31 окт. – 3 нояб. 2018 г.) : в 2 т. – Казань : Акад. наук РТ, 2018. – Т. 1. – С. 306–331.
13. Галлезе-Нобиле К. Регулирование умных роботов и искусственного интеллекта в Европейском союзе / К. Галлезе-Нобиле // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 33–61. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.
14. Харитонов Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта / Ю. С. Харитонов // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 2. – С. 337–358. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.14.
15. Василевская Л. Ю. Кодекс этики для «искусственного интеллекта»: юридический миф и реальность / Л. Ю. Василевская // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 19–22.
16. Ларюэль Ф. Два этических начала в технологическом мире / Ф. Ларюэль ; пер. Е. Руднева // Философская антропология. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 49–61.
17. Жарова А. К. Достижение алгоритмической прозрачности и управление рисками информационной безопасности при принятии решений без вмешательства человека: правовые подходы / А. К. Жарова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2023. – Т. 1, № 4. – С. 973–993. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.42.
18. Бегишев И. Р. Цифровые и природоподобные технологии: особенности регулирования правом / И. Р. Бегишев, А. К. Жарова, М. В. Залоило, И. А. Филипова, А. А. Шутова // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 493–499. – DOI: 10.21202/jdtl.2024.25.
19. Бегишев И. Р. Искусственный интеллект и уголовный закон / И. Р. Бегишев, З. И. Хисамова. – М. : Проспект, 2024. – 192 с.
20. Жарова А. К. Информационно-психологическое насилие в уголовном праве / А. К. Жарова // Информационное общество. – 2024. – № 2. – С. 103–111.
21. Халезов С. А. Этика искусственного интеллекта / С. А. Халезов // Наука. Техника. Человек: исторические, мировоззренческие и методологические проблемы : межвуз. сб. науч. работ. М. : МГТУ ГА, 2023. – Вып. 13. – С. 240–246.
22. Сушин М. А. Три этических вызова приложений искусственного интеллекта в области кибербезопасности (Реферат) / М. А. Сушин, М. Таддео // Этика науки : сб. обзоров и рефератов / ред.-сост. М. П. Булавинова. – М. : Ин-т науч. информации по обществен. наукам РАН, 2022. – С. 175–178.
23. Перевозчикова Д. А. Этика искусственного интеллекта / Д. А. Перевозчикова, М. Ю. Зарипова // Нанотехнологии: наука и производство. – 2024. – № 3. – С. 26–30.
24. Лизикова М. С. Этические и правовые вопросы развития искусственного интеллекта / М. С. Лизикова // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 1. – С. 177–194. – DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-1-lizikova.
25. Dodonova V. Ethical Aspects of Artificial Intelligence Functioning in the XXIst Century / V. Dodonova, R. Dodonov, K. Gorbenko // Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Philosophia. – 2023. – Vol. 68, No. 1. – P. 161–173.
26. What ethics can say on artificial intelligence: Insights from a systematic literature review / F. V. Giarmoleo, I. Ferrero, M. Rocchi, M. M. Pellegrini // Business and Society Review. – 2024. – Vol. 129, Iss. 2. – P. 258–292. – DOI: 10.1111/basr.12336.

REFERENCES

1. Bachilo I.L. *Legal provision of information security at a new stage in the development of the information society*. Available at: <http://igpran.ru/public/articles/BachiloIL.2014.1..pdf>. (In Russ.).
2. Strakhov A.A., Dubinina N.M. About data leakage and DLP systems. *Kriminologicheskii zhurnal = Criminological journal*, 2022, no. 4, pp. 226–232. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-4-226-232. (In Russ.).
3. Gromov Yu.Yu., Drachev V.O., Vojtkuk V.V., Rodin V.V., Samkharadzce T.G. Analysis of existing methods of information protection in modern information systems. *Inzhenernaya fizika = Engineering physics*, 2008, no. 2, pp. 67–69. (In Russ.).

4. Zharova A.K., Elin V.M., Avetisyan B.R. Prevention of computer attacks such as man in the middle, committed using generative artificial intelligence. *Voprosy kiberbezopasnosti = Cybersecurity issues*, 2024, no. 6 (64), pp. 28–41. DOI: 10.21681/2311-3456-2024-6-28-41. (In Russ.).
5. Denning P.J., Arquilla J. The context problem in artificial intelligence. *Communications of the ACM*, 2022, vol. 65, iss. 12, pp. 18–21. DOI: 10.1145/3567605.
6. Cheruvalath R. Artificial Intelligent Systems and Ethical Agency. *Journal of Human Values*, 2023, vol. 29, no. 1, pp. 33–47. DOI: 10.1177/09716858221119546.
7. Zharova A.K. The intelligent image and meaning recognition systems in the crime prevention system. *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti = Works on Intellectual Property*, 2024, vol. 49, no. 2, pp. 16–23. DOI: 10.17323/tis.2024.21708. (In Russ.).
8. Zharova A.K. Intellectual systems of pattern and meaning recognition in the system of prevention of crimes committed using the Internet. *Russian Journal of Economics and Law*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 469–480. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.2.469-480. (In Russ.).
9. Tsygichko V.N., Alekseeva I.Yu. *Information challenges to national and international security*, ed. by A.V. Fedorov and V.N. Tsygichko. Moscow, PIR Center for Political Studies Publ., 2001. 328 p. (In Russ.).
10. Gulabyan A.O., Smirnov V.M. The main directions of information protection and information systems resources. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2022, no. 88-1, pp. 45–46. DOI: 10.18411/trnio-08-2022-13. (In Russ.).
11. Ruzanova E.A. Means of information protection in LAN, in: *Theory and practice of modern science: the view of youth*, Proceeding of the III All-Russian Scientific and Practical Conference in English (St. Petersburg, November 30, 2023), in 2 parts, St. Petersburg, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2024, pt. 2, pp. 166–169.
12. Roizenzon G.V. Modern approaches of formalization of the concept of ethics in artificial intelligence, in: *Proceedings of the International Conference on Computational and Cognitive Linguistics TEL-2018* (Kazan, October 31 – November 03, 2018), in 2 volumes, Kazan, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2018, vol. 1, pp. 306–331. (In Russ.).
13. Gallese Nobile C. Regulating Smart Robots and Artificial Intelligence in the European Union. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 1, pp. 33–61. DOI: 10.21202/jdtl.2023.2.
14. Kharitonova Yu.S. Legal Means of Providing the Principle of Transparency of the Artificial Intelligence. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol., 1, no. 2, pp. 337–358. DOI: 10.21202/jdtl.2023.14.
15. Vasilevskaya L.Yu. The code of ethics for artificial intelligence: a legal myth and reality. *Grazhdanskoe pravo = Civil law*, 2023, no. 2, pp. 19–22. (In Russ.).
16. Laruel F. Two ethical principles in the technological world, transl. by E. Rudneva. *Filosofskaya antropologiya*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 49–61. (In Russ.).
17. Zharova A.K. Achieving Algorithmic Transparency and Managing Risks of Data Security when Making Decisions without Human Interference: Legal Approaches. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 4, pp. 973–993. DOI: 10.21202/jdtl.2023.42.
18. Begishev I.R., Zharova A.K., Zaloilo M.V., Filipova I.A., Shutova A.A. Digital and Nature-like Technologies: Features of Legal Regulation. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2024, vol. 2, no. 3, pp. 493–499. DOI: 10.21202/jdtl.2024.25.
19. Begishev I.R., Khisamova Z.I. *Artificial intelligence and criminal law*. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 192 p. (In Russ.).
20. Zharova A.K. Informational and psychological violence in criminal law. *Informatsionnoe obshchestvo*, 2024, no. 2, pp. 103–111. (In Russ.).
21. Halezov S.A. Ethics of artificial intelligence, in: *Nauka. Tekhnika. Chelovek: istoricheskie, mirovozzrencheskie i metodologicheskie problemy*, Interuniversity collection of scientific papers, iss. 13, Moscow, Moscow State Technical University of Civil Aviation Publ., pp. 240–246. (In Russ.).
22. Sushchin M.A. Taddeo M. Three ethical challenges of artificial intelligence applications in the field of cybersecurity (Abstract), in: Bulavinov M.P. (ed. & comp.). *Etika nauki*, Collection of reviews and abstracts, Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 175–178. (In Russ.).

23. Perevozchikova D.A., Zaripova M.Y. Ethics of artificial intelligence. *Nanotekhnologii: nauka i proizvodstvo*, 2024, no. 3, pp. 26–30. (In Russ.).
24. Lizikova M.S. Ethical and legal issues of artificial intelligence development. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2022, vol. 17, no. 1, pp. 177–194. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-1-lizikova. (In Russ.).
25. Dodonova V., Dodonov R., Gorbenko K. Ethical Aspects of Artificial Intelligence Functioning in the XXIst Century. *Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Philosophia*, 2023, vol. 68, no. 1, pp. 161–173.
26. Giarmoleo F.V., Ferrero I., Rocchi M., Pellegrini M.M. What ethics can say on artificial intelligence: Insights from a systematic literature review. *Business and Society Review*, 2024, vol. 129, iss. 2, pp. 258–292. DOI: 10.1111/basr.12336.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жарова Анна Константиновна – доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник *Института государства и права Российской академии наук*
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2981-3369
ResearcherID: H-4012-2015
SPIN-код РИНЦ: 2240-1467

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna K. Zharova – Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10, Znamenka ul., Moscow, 119019, Russia
E-mail: anna_jarova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2981-3369
ResearcherID: H-4012-2015
RSCI SPIN-code: 2240-1467

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Жарова А.К. Правовые аспекты искусственного интеллекта в обеспечении национальной безопасности: вызовы и угрозы / А.К. Жарова // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 36–46. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).36-46.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zharova A.K. Legal aspects of artificial intelligence in ensuring national security: challenges and threats. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 36–46. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).36-46. (In Russ.).

КОНСТИТУИРУЮЩАЯ ВЛАСТЬ В КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ И ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

И.А. Кравец

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

01 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Идентифицируются природа и происхождение конституирующей власти, исторические, социальные и правовые основания генеративной публичной власти, создающей и преобразующей конституции и правопорядок на примере Франции и России, теоретические основы и судьба учредительного собрания и учредительного конституционализма в России, международная дискуссия о предназначении и активном использовании конституирующей власти в современных демократических государствах.

Ключевые слова

Конституирующая власть, конституанта, делиберативный конституционализм, конституционные изменения, народный суверенитет, учредительный конституционализм, народный конституционализм, демократический конституционный дизайн, демократическое участие

CONSTITUENT POWER IN CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT AND PUBLIC COMMUNICATION: COMPARATIVE ASPECTS OF CONSTITUTIONAL CHANGE**

Igor A. Kravets

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –

2025 April 01

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

The subject. This article identifies the nature and origin of constituent power, reveals the communicative nature of constituent power, the need to engage citizens, experts, and civil society institutions in the process of democratic constitution-making, and the historical, social, and legal foundations of generative public power, creating and transforming constitutions and legal order, using the examples of France and Russia.

The aim of the article is to explore the theoretical foundations and history of the constituent assembly and constituent constitutionalism in Russia, as well as the international debate on the purpose and active use of constituent power in modern democratic states.

Keywords

Constituent power, constituent, deliberative constitutionalism, constitutional change, popular sovereignty, constituent

Methodology. The article used hermeneutic and epistemological approaches, methods of formal-legal, concrete-historical, comparative constitutional-legal and complex analysis.

Main results, scope of application. The author examines the problem of popular power as the source and creator of constituent power, the origin of the word and concept of "constituent power" the role of Abbé E.J. Sieyès in conceptualizing constituent power, and

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627, <https://rscf.ru/project/23-28-00627/> («Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)»).

** The reported study was funded by Russian Science Foundation according to the research project No 23-28-00627, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00627/> ("Communicative constitutionalism and constitutional mobilization: the problem of deliberative participation in the public and information space and the transformation of the public power system (concepts, norms and institutional mechanisms)").

constitutionalism, popular constitutionalism, democratic constitutional design, democratic participation

the practical application of this concept and the institution of the national constituent assembly in French revolutionary constitutionalism and in Russia in the early 20th century during the three Russian revolutions. Originally reflecting the French constitutional-revolutionary experience, the word "constituent power" subsequently acquired a broader meaning and was and still is used to describe the institutional exercise of constituent power. This short term refers to various types of citizens' assemblies that are granted the right to draft and adopt constitutions (constitutional conventions, constituent assemblies, constitutional conventions, and other popular assemblies with constituent power).

Conclusions. In Russian, this foreign word began to be used due to the widespread use of French in the upper echelons of society and at the imperial court as early as the 19th century. Scholarly works and dictionaries of foreign words confirm that the word "constituent" became firmly established in the Russian language in the late 19th and early 20th centuries. The experience of European states in the first quarter of the 21st century demonstrates, on the one hand, a critical rethinking of liberal constitutionalism, centered in Europe and the USA, as well as a discussion of the prospects for creating a polycentric model of constitutionalism. On the other hand, the expansion of the social basis of constituent power using citizens' assemblies and mini-publics, deliberative instruments for constitution-making, and the adoption of constitutional amendments. The Russian experience with the adoption of the 1993 Russian Constitution and the 2020 constitutional reform demonstrates the transformation of constituent constitutionalism toward a strengthening of presidentialism and its role in the exercise of constituent power.

1. Введение: что такое коммуникативная конституирующая власть?

В доктрине конституционализма и практике конституционных изменений в XXI в. сформировалась устойчивая тенденция на *расширение социального основания конституирующей власти*, на вовлечение граждан, экспертов и институтов гражданского общества в процесс демократического создания конституций и принятия конституционных поправок. В науке конституционного права две доктрины: *конституирующей (учреждающей) власти* и *конституционализма* – находятся в сложных отношениях, занимающих генеративное и нормативно-институциональное место в системе правопорядка и организации государственного правления.

2. Власть народа как источник и творец конституанты (проблема идентификации конституирующего субъекта)

Слово «*конституанта*» (сокращенный вариант от фр. *assemblée nationale constituante*) первоначально на французском языке (*constituante*) вошло в конституционный лексикон в конце XVIII в. в связи с учредительными процессами и концептуализацией конституирующей власти аббатом Э.Ж. Сийесом в брошюре «Третье сословие» периода Великой французской революции. Генеральные штаты, преобразованные в национальное учредительное собрание, обеспечили передачу суверенитета «от монарха к нации» [1, р. xi]. Во французской литературе тер-

мины *la Constituante de 1789* («Конституанта 1789») или *première Constituante* («первая Конституанта») [2, р. 239–240] использовались широко, откуда и произошла русская транслитерация слова. Французские исследователи продолжают использовать среднее по полноте выражение *l'Assemblée Constituante* [3, р. 341–342], которое на русский язык переводится как «учредительное собрание». Наряду с термином «конституанта» в англо- и русскоязычных исследованиях, посвященных Французской революции, применялись названия Национальное Собрание, Национальная Ассамблея (англ. *National Assembly*) без указания на учредительный характер органа не только из-за краткости названия, но и потому, что не сразу Генеральные штаты превратились в национальное собрание с учредительными полномочиями. Именно третье сословие в работе Генеральных штатов приняло на себя титул Национальной ассамблеи 17 июня 1789 г. [4, р. 281, 283]. 9 июля завершилось преобразование Генеральных штатов в *национальное учредительное собрание* (фр. *assemblée nationale constituante*), которое стало отражать не сословные, а общенациональные интересы и поставило задачу революционного характера [5, с. 161]: определить новые конституционные основы государственного и общественного строя Франции.

Понятие «учредительное собрание», заимствованное из французского революционного конституционализма, стало особенно популярным в России в

начале XX в., в ходе первой русской революции 1905–1907 гг. и осуществления государственных преобразований на конституционных началах. Идея учредительного собрания оказала большое влияние на требования конституции, особенно через съезды земских деятелей в начале XX в. («увенчать здание» Российской империи общенациональным представительным учреждением); она лежала в основе требований кадетов о переходе России к парламентской монархии через разработку проекта Основных законов Российской империи. Реализация созыва *Учредительного собрания в России*, которое оправданно называют первой *российской Конституантой* [6, с. 5–6, 359; 7, с. 3], оказалась возможной после Февральской революции 1917 г. Всероссийское Учредительное собрание было избрано в ноябре 1917 г. 6 января 1918 г. прошло однодневное (до 5 утра) заседание учредительного органа, а на следующий день депутатов не пустили в здание Таврического дворца для дальнейших заседаний по приказу В.И. Ленина как председателя СНК. Обвинив Учредительное собрание в контрреволюционных намерениях, в намерении «подделывать народную волю», большевики распустили его и проголосовали за то, чтобы убрать оговорку из ранее принятых декретов советской власти «впредь до окончательного разрешения их Учредительным Собранием»¹. 6 января 1918 г. декрет ВЦИК о роспуске Учредительного собрания завершил судьбу первой российской Конституанты². На III Всероссийском Съезде Советов (18 января) декрет о роспуске Учредительного собрания был одобрен.

Отражая первоначально французский опыт, затем слово «конституанта» стало иметь более широкое значение для характеристики институционального использования конституирующей власти. С тех пор этим кратким термином обозначаются различные виды ассамблей граждан, которые наделяются правом разрабатывать и принимать конституции (*конституционный конвент, учредительное собрание, конституционное собрание, иные народные собрания с учредительной властью*). В русском языке это иностранное слово стало употребляться в

связи с широким распространением французского языка в высших слоях общества и при дворе императора уже в XIX в. Словари иностранных слов, изданные на рубеже веков, подтверждают, что слово «конституанта» прочно вошло в состав русского языка в конце XIX – начале XX в. В дальнейшем его ждало некоторое забвение, так как советский государственно-правовой лексикон тяготел к заимствованию и использованию опыта парижской коммуны, диктатуры якобинцев и иного словаря французского революционного конституционализма, а не классических концептов учредительной власти. К тому же реальный опыт разгона Учредительного собрания (учредительной власти) в России в начале XX в. приводил к отрицанию значимости конституирующей власти, представляющей интересы и социальный состав всего общества, а не отдельных доминирующих или революционных классов для целей принятия новой конституции.

Например, в Словаре иностранных слов 1894 г. конституанта – это «собрание, сейм, учреждающий, вводящий конституцию»³. В Новом словаре иностранных слов 2003 г. смысловое значение слова «конституанта» возвращено во французский конституционный опыт: «во Франции и некоторых других государствах – учредительное собрание, созываемое с целью разработки конституции»⁴. В современном международном конституционном лексиконе слово «конституанта» признаётся *кросснациональным* термином, используемым для обозначения различных видов учредительных органов (с правом разработки и принятия конституции). В нем навсегда остался *французский дух происхождения конституирующей власти*, предложенной Э.Ж. Сийесом, хотя первый опыт реализации такой власти (без формулировки ее понятия, а эмпирически) появился в североамериканских колониях в ходе их борьбы с Англией от колониальной зависимости и работы Филадельфийского конвента 1787 г.

Хотя термин «конституанта» французского происхождения, термин «конституционализм» был написан и произнесен на английском языке также в конце XVIII в. Конституционализм произво-

¹ Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов / Рос. социал.-демократ. рабочая партия. Петербург, 1918. С. 85.

² Декрет о роспуске Учредительного Собрания // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 335–336.

³ Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка: материалы для лекс. разработки заимств. сл. в рус.

лит. речи / сост. под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: В.И. Губинский, 1894. С. 413.

⁴ Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов: 25 000 сл. и словосочетаний. М.: Азбуковник, 2003. 784 с. Цит. по: URL: <https://herzena.ru/index.php/words/show/8060>.

ден от понятия конституции (писаной, кодифицированной или нет), хотя и не равнозначен ему и имеет свои правовые атрибуты. *Конституционализм питается набором правовых идей и развивался под влиянием правовой идеологии.* Осмысление факторов мировоззренческого и идеологического характера в процессе развития и кризиса современного конституционализма происходит на наших глазах. Конституционализм как правовая идеология либерализма трансформируется и модифицируется под влиянием геополитических, культурно-исторических, социально-экономических и социально-политических факторов на глобальном Юге и глобальном Востоке, на глобальном Западе и глобальном Севере. Развиваются компоненты глобального, социального, социал-демократического, популистского, нелиберального, постлиберального и авторитарного конституционализма [8, с. 43; 9]. В различных доктринах конституционализма при разнообразии элементов правовой и политической идеологии значительное место занимает *дискуссия о конституирующем субъекте*, который выступает источником власти, проводником конституционных изменений и легитимирующим основанием для формирования и осуществления конституционной политики в различных государствах или на наднациональном уровне.

Доктрины конституционализма влияют на ценности, цели, принципы и институты конституционного права; особое значение в концепциях конституционного права занимает ценностный подход. Поэтому «конституционные ценности есть то, чему должна соответствовать социально-духовная среда общества и целеустройство государства» [10, с. 35]. Остается сложным вопрос о комбинированном влиянии социал-демократической и либерально-демократической идеологии, российских государственно-правовых традиций, в том числе в области народного участия и персонализации власти, на отражение в тексте конституции и достижение новых и старых конституционных ценностей. Значение принципа народного суверенитета в доктрине и практике современного конституционализма не подвергается сомнению. Как отмечает С.В. Нарутто, «гарантией конституционности государства является обеспечение народного суверенитета» [11, с. 90–91]. Спорным является вопрос о границах и сферах обеспечения народного суверенитета. Следует развивать не только формы общественного контроля в системе государственного и муниципального управления, но и формы участия граждан [8, с. 45] в выработке под-

ходов и обсуждения конституционных изменений в стране.

В российской конституционно-правовой литературе идет активный процесс критического переосмысления либерального конституционализма с его центром распространения в Западной Европе и США в *рамках создания полицентрической модели* [12, с. 11] и многообразного конституционного опыта различных государств в условиях геополитического конфликта [13, с. 4]. Значительные исследования российских ученых вносят свой вклад в развитие критического рационализма применительно к философии конституционализма [14] и особенностям российского конституционализма [15].

Конституционалисты из стран Восточной Европы предлагают критически осмыслить сформировавшиеся концепции *нелиберального конституционализма, нелиберальной демократии, популистского конституционализма* [16; 17], а также *постлиберального конституционализма* [18], которые затрагивают вопрос о конституционном популизме и влиянии народных волеизъявлений на процесс конституционных изменений. В странах Латинской Америки, как отмечают исследователи, наблюдается рост использования конституирующей власти и народного волеизъявления в процессах демократизации и принятия новых конституций, который концептуализируется как *латиноамериканский неоконституционализм* [19, р. 109–110]. Он показывает свою преемственность со старым, традиционным для данного региона конституционализмом. Вместе с тем *ибероамериканский конституционализм* в XXI в. ознаменовал качественно иное вовлечение граждан в процесс конституционных изменений и в процесс обсуждения различных компонентов государственной политики [20]. Для некоторых государств, таких как Венесуэла, *вовлечение и мобилизация граждан стали примером конституционного популизма*, а для таких стран, как Бразилия, *народная инклюзия содействовала созданию целой системы институтов демократического участия* на различных уровнях организации публичной власти.

В качестве относительно нового тренда в конституционном развитии данного субконтинента называют *появление демократии снизу, которая становится неотъемлемой частью в процессах конституционных изменений.* Процессы народного волеизъявления рассматриваются в качестве «наиболее революционного компонента новых и противоречивых политических процессов, происхо-

дящих в Латинской Америке» [21, р. 1–3]. По мнению Э. Бетансеса и К. Фигероа Ибарра, опыт таких государств региона, как Венесуэла, Боливия, Бразилия, Аргентина, Мексика и Доминиканская Республика, свидетельствует о дальнейшем развитии демократии участия («партиципативной демократии»), основанной «на учредительной власти» [21, р. 1–13]; расширяется и сфера применения принципа народного суверенитета, который распространяется на конституционные волеизъявления граждан.

3. Социальные основания и инструменты конституирующей власти: тогда и сегодня

Конституции Нового и Новейшего времени имели различные исторические условия происхождения и легитимации. Верховенство конституции как учредительного акта, принятого по воле народа, появилось в доктрине и практике конституционализма в период американской антиколониальной революции и французской антифеодальной революции в последней четверти XVIII в. [22, р. 12]. Характер *верховенства конституции имеет широкую социальную опору и легитимирующее снование*, если в разработке акта, его обсуждении и принятии активно участвовали граждане как подлинники учредители правопорядка.

Со времени Великой французской революции возникла и получила развитие *парадигма конституирующей власти*, основанной на народной воле; следовательно, и демократические конституции стали учредительными актами, которые принимает конституирующая власть народа и/или его представителей. Связь демократического потенциала конституирующей власти и развитие демократических форм участия граждан в разработке и осуществлении конституционной и ординарной законодательной политики обнаруживается в современных теориях демократии (демократии участия, делиберативной демократии).

Как отмечают международные исследователи, «идея конституирующей власти использовалась для обозначения власти, которой обладает народ для создания правовых и политических порядков» [23, р. 926]. Право и политика отражают различные сегменты нормативного регулирования и реализации конституирующей власти. *Публичное право нацелено на установление определенного юридического стандарта регулирования форм и способом осуществления конституирующей власти с возможным ограничением в структуре действующих конституций или правопорядка в целом. Государственная политика отражает процесс допустимого и возможного исполь-*

зования конституирующей власти, как правило, отталкиваясь от существующих органов публичной власти – носителей в лучшем случае производной конституирующей власти и обладающих правом инициировать процесс конституционных изменений.

Всплеск интереса к конституирующей власти как к предмету научного дискурса и конституционно-политической практике в первой четверти XXI в. обусловлен тремя факторами международного правового и конституционного развития.

Во-первых, *новой волной делиберативной конституционной политики* в различных регионах мира, когда гражданам благодаря институциональным и нормативным демократическим инновациям возвращается возможность участвовать в разработке, обсуждении и принятии различных конституционных изменений (от поправок к конституции до участия в разработке и принятии конституций) как в странах Латинской Америки (Бразилия, Чили, Колумбия, Аргентина), так и в европейских государствах (Исландия, Ирландия, Люксембург, Бельгия). Информационное общество влияет на формы и способы осуществления различных форм публичной власти. *Изначальная и производная конституирующая власть демократизируются в сетевом обществе*. Государство и его органы стоят перед решением *проблемы создания новых сетевых форм и их комбинирования с аналоговыми формами* при реализации конституирующей власти. Появление феномена конституционного краудсорсинга (на примере Исландии) и краудсорсинговых платформ в парламентах Бразилии и Чили «свидетельствует об инновационном и революционном характере» [24, р. 1–2] использования технологий краудсорсинга в публично-правовой сфере в эпоху цифровизации и алгоритмического общества.

Во-вторых, *расширением сферы популистского конституционализма и нелиберальной демократии*, в том числе в таких странах Европы, как Польша и Венгрия. Например, А. Ди Грегоріо полагает, что в XXI в. актуализируется проблема вырождения (деградации) современных демократий, что приводит к появлению популистского конституционализма и нелиберальных демократий; она предлагает рассматривать «вырождение современных демократий как спусковой крючок новой феноменологии конституционного перехода» [25, р. 101, 103], полагая, что «деградировавшие» демократии являются промежуточными формами между демократией и авторитаризмом. В такой же степени происходит *использование технологий мобилизации граждан* в рамках конституционных инициатив для проведения

в жизнь реформы конституции или принятия новой конституции (например, Конституции Венесуэлы 1999 г. при поддержке политики У. Чавеса). По мнению венесуэльского конституционалиста, от новой Конституции Республики Венесуэла ожидали, что она в условиях демократии «преобразит государство и создаст новую правовую систему, которая позволит эффективно функционировать социальной демократии, основанной на широком участии» [26, р. 171]. Однако многие ожидания не оправдались: несмотря на работу Национального учредительного собрания, созданного в результате референдума 25 апреля 1999 г. и избранного 25 июля 1999 г., конституция оказалась «созданной для авторитаризма, государственного патернализма, популизма и неплатежеспособного этатизма» [26, р. 171, 192, 193]. Критическое осмысление популистского конституционализма показывает риски институтов прямой демократии и относительную эффективность и практическую востребованность институтов демократических инноваций, которые все вместе могут не приводить к желаемым результатам.

В-третьих, конституирующая власть может реализовываться посредством использования новых технологий, в том числе краудсорсинговых платформ, новых демократических мини-публик, ассамблей граждан, или комбинированными способами, когда сочетаются новые технологии, ассамблеи граждан и традиционные учредительные собрания в различных пропорциях. Однако именно информационные и цифровые технологии создают возможность на основе интерактивного обсуждения и делиберативного участия, вовлечения широких слоев граждан в процедуру участия, создавать новое публично-правовое пространство делиберативного обсуждения конституционных инициатив и конституционных изменений, что может рассматриваться как способ возвращения народу учредительной власти. Современные демократические государства должны быть готовы к созданию интерактивных и краудсорсинговых платформ для обсуждения и разработки новых конституционных изменений, конституционных реформ или отдельных конституционных поправок, а не только для взаимодействия парламента, депутатов и граждан [27, с. 124].

Существуют различные концепции конституирующей власти. Некоторые из них предшествовали Французской революции XVIII в., другие являются продуктом XXI в. и вызваны к жизни использованием и перспективами нормативного регулирова-

ния новых технологий (информационных и цифровых). *Естественно-правовой конституционализм Э. де Ваттеля предшествовал появлению понятия конституирующей власти* и первой практике ее реализации во Франции и США; он основывался на идее народного конституционного дизайна, в соответствии с которой именно нации принадлежит право на принятие и изменение конституции [28, с. 52–54]. В отношении законодателей (обладающих согласно современным взглядам производной конституирующей властью) конституция должна быть священной, «если только нация прямо не дала им власть менять и эти законы, ибо конституция государства должна быть устойчива» [28, с. 54].

В российской практике принятия Конституции РФ 1993 г. конституирующая власть проявила себя как *учредительный конституционализм* [29, с. 210]. В дальнейшем, с 2008 по 2020 г., процесс конституционных изменений подчинялся логике децизионизма, предложенной К. Шмиттом. Однако соединение конституционного децизионизма с информационными технологиями может приводить к появлению информационного коммуникативного или цифрового конституционализма, в котором принятие решений о конституционных изменениях по-прежнему зависит от главы государства без каких-либо юридических гарантий конституционного вовлечения граждан [30, с. 38].

Децизионизм стал новой концепцией конституирующей власти благодаря усилиям К. Шмитта, который связывал всеобъемлющую форму политического бытия с волей суверена, расширив границы юридического позитивизма. В конституирующей власти К. Шмитт видел «политическую волю, чья власть или авторитет способны принимать конкретное, всеобъемлющее решение» (отсюда и децизионизм, от англ. *decision*) «о типе и форме своего политического бытия» [31, р. 125; 29, с. 212]. Конституирующую власть называют «мостовой концепцией», которая функционирует между сферой права и сферой политики [23, р. 926–927]. В информационном обществе, где применяется алгоритмическое управление для принятия решений, конституирующая власть приобретает характер «трехзвенного моста», соединяющего правовые институты публичной власти, политические формы участия граждан и цифровые технологии для обсуждения и принятия решений в области конституционных изменений.

Понятие *учредительного конституционализма*, предложенное в научной литературе, базиру-

ется на осмыслении практики российского конституционного дизайна и учредительного момента начала 1990-х гг. [29, с. 210–212]. 12 декабря 1993 г. граждане Российской Федерации, реализуя свои избирательные права и право голоса на референдуме, обладали пятью голосами и получали четыре бюллетеня для совершения исторического выбора. В новейшую историю конституционного развития России этот день вошел как *учредительный день – день рождения учредительного конституционализма*: 1) день проведения общероссийского референдума по проекту новой Конституции страны (один голос, один бюллетень); 2) день голосования на выборах депутатов Государственной Думы (по одномандатным округам с использованием мажоритарной системы относительного большинства и на основе списков кандидатов от избирательных объединений по пропорциональной избирательной системе, всего два голоса и два бюллетеня); 3) день голосования на выборах депутатов Совета Федерации (верхней палаты вновь учреждаемого Парламента России) по двухмандатным округам в каждом субъекте Российской Федерации на основе мажоритарной системы относительного большинства (два голоса, один бюллетень).

Для российской государственно-правовой традиции такой подход не был характерным и использовался в контексте принятия новой Конституции впервые. Специфика учредительного конституционализма как публично-правового концепта заключается в следующем.

В учредительном конституционализме совмещаются доктринальные, нормативные и институциональные основы системы конституционных институтов в различной пропорции с позиций обладания учредительными полномочиями, формы конституирующей власти, закрепленные в действующей конституции страны, формы и способы конституционных изменений формального и неформального характера, а также права субъектов в сфере конституционной модернизации и конституционных изменений, которые могут не отражаться в структуре и нормах действующей конституции, однако составляю-

щие содержание правомочий для участия в конституционных изменениях в силу естественно-правовой доктрины конституционализма.

4. Выводы

Конституирующая власть в контексте современного мироустройства, стремящегося не к распаду, а к устойчивому и прогрессивному развитию, претендует на роль преобразующей силы и демократического института с генеративными возможностями для совершенствования правопорядка, социальных отношений, аккумуляции и выражения общественных чаяний народа и групп граждан, а также создания публичного пространства для диалога между различными институтами публичной власти, гражданского общества и граждан. Возвращение конституирующей власти народу в моменте проведения общероссийского голосования 1 июля 2020 г. нуждается в надлежащих и новых формах конституционного закрепления, в том числе по причине формирования коллективной идентичности политической нации, «самоидентификации российского народа» и социальной солидарности, о которой стали говорить нормы Конституции после реформы 2020 г. После проведенной реформы продолжается поиск оптимальной «организации и взаимодействия уровней публичной власти» [32, с. 53], надлежащего сочетания принципов централизации государственного управления и субсидиарности. Конституирующая власть предстает для конституционного развития страны как коммуникационная сфера, где вовлечение в процесс обсуждения и принятия важных конституционных изменений предполагает набор делиберативных и императивных процедур и форм участия граждан.

Энергию данной власти не следует воспринимать как экстраординарную силу, не подчиненную существующему правопорядку; скорее ее преобразующая сила должна работать для оздоровления публичного коммуникационного пространства, обеспечивая современные формы участия граждан, экспертов и институтов публичной власти и гражданского общества в общей заботе о социальном и правовом прогрессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fitzsimmons M. P. The remaking of France: The National Assembly and the Constitution of 1791 / M. P. Fitzsimmons. – New York : Cambridge University Press, 2002. – xvi, 273 p.
2. Ferron H. de. L'organisation départementale et la Constituante de 1789 / H. de Ferron // Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger. – 1877. – Vol. 1. – P. 239–260.

3. Lemay E.-H. La Composition de l'Assemblée Nationale Constituante: Les Hommes de La Continuité? / E.-H. Lemay // *Revue d'histoire Moderne et Contemporaine*. – 1977. – Vol. 24, No. 3. – P. 341–363.
4. Fitzsimmons M. P. Privilege and the Polity in France, 1786–1791 / M. P. Fitzsimmons // *The American Historical Review*. – 1987. – Vol. 92, No. 2. – P. 269–295.
5. История государства и права зарубежных стран : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – Т. 2 : Современная эпоха. – 816 с.
6. Вишняк М. В. Всероссийское Учредительное Собрание / М. В. Вишняк ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М. : РОССПЭН, 2010. – 448 с.
7. Кравец И. А. Учредительная власть и судебный конституционализм: теоретические подходы и конституционная реформа 2020 года / И. А. Кравец // *Журнал конституционного правосудия*. – 2022. – № 1. – С. 1–11. – DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11.
8. Кравец И. А. Стратегический конституционализм и конституционные изменения: государство и граждане в конституционном прогнозировании и в публично-правовой коммуникации / И. А. Кравец // *Актуальные проблемы российского права*. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 33–47. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047.
9. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка : моногр. / А. Н. Медушевский. – М. : Директ-Медиа, 2023. – 691 с.
10. Дудко И. Г. Современные концепции в российском конституционном праве / И. Г. Дудко // *Актуальные проблемы российского права*. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 35–46. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046.
11. Нарутто С. В. Гарантии конституционности Российского государства / С. В. Нарутто // *Современный российский конституционализм : к 85-летию со дня рождения акад. О. Е. Кутафина : моногр. / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова*. – М. : Проспект, 2023. – С. 85–95.
12. Кравец И. А. Многомерный кризис и цифровое будущее конституционализма как мировоззренческой платформы / И. А. Кравец // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2023. – № 5 (156). – С. 11–36. – DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-11-36.
13. Румянцев А. Политические идеологии и их реализация на фоне геополитического конфликта: анализ понятия «либеральный конституционализм» / А. Румянцев // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2024. – Т. 33, № 4. – С. 4–39.
14. Эбзеев Б. С. Философия российского конституционализма / Б. С. Эбзеев. – М. : Проспект, 2023. – 496 с.
15. Плотникова И. Н. Система ценностей современного российского конституционализма / И. Н. Плотникова // *Современный российский конституционализм : к 85-летию со дня рождения акад. О. Е. Кутафина : моногр. / под общ. ред. В. В. Комаровой, отв. ред. О. С. Рыбакова*. – М. : Проспект, 2023. – С. 13–28.
16. Belov M. Introduction / M. Belov // *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality* / ed. by M. Belov. – Cambridge : Intersentia, 2021. – P. 1–10.
17. Drinóczi T. Illiberal Constitutionalism in Poland and Hungary. The Deterioration of Democracy, Misuse of Human Rights and Abuse of the Rule of Law / T. Drinóczi, A. Bień-Kacała. – Abingdon ; New York : Routledge, 2022. – 236 p.
18. Sulikowski A. Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe / A. Sulikowski. – Abingdon : Routledge, 2023. – 140 p.
19. Gargarella R. Sobre el “Nuevo constitucionalismo latinoamericano” / R. Gargarella // *Revista Uruguaya de Ciencia Política*. – 2018. – Vol. 27, No. 1. – P. 109–129.
20. Valadés D. La constitución y el poder / D. Valadés // *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI* / coords. D. Valadés, M. Carbonell. – Mexico : Universidad Nacional Autónoma de México : Cámara de Diputados, LVII Legislatura, 2004. – P. 137–167.
21. Popular Sovereignty and Constituent Power in Latin America. Democracy from Below / eds. by E. Betances and C. Figueroa Ibarra. – New York : Palgrave Macmillan, 2016. – xiii, 208 p. – DOI: 10.1057/978-1-137-54825-2.
22. Grimm D. Constitutionalism. Past, Present, and Future / D. Grimm. – New York, NY : Oxford University Press, 2016. – 400 p.

23. Colón-Ríos J. I. Constituent power and its institutions / J. I. Colón-Ríos, E. M. Hausteiner, H. Lokdam, P. Pasquino, L. Rubinelli, W. Selinger // *Contemporary Political Theory*. – 2021. – Vol. 20, Iss. 4. – P. 926–956. – DOI: 10.1057/s41296-021-00467-z.
24. Abat i Ninet A. Constitutional Crowdsourcing: Democratising Original and Derived Constituent Power in the Network Society / A. Abat i Ninet. – Cheltenham ; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2021. – 192 p.
25. Di Gregorio A. The Degeneration of Contemporary Democracies as a New Phenomenology of Constitutional Transition / A. Di Gregorio // *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality* / ed. by M. Belov. – Cambridge : Intersentia, 2021. – P. 101–115.
26. Brewer-Carías A. R. Reflexiones críticas sobre la Constitución de Venezuela de 1999 / A. R. Brewer-Carías // *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI* / coords. D. Valadés, M. Carbonell. – Mexico : Universidad Nacional Autónoma de México : Cámara de Diputados, LVII Legislatura, 2004. – P. 171–193.
27. Васильева Т. Краудсорсинговые платформы в парламентах Чили и Бразилии: попытки делиберации / Т. Васильева // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2023. – Т. 32, № 5. – С. 124–141.
28. Ваттель Э. де. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов / Э. де Ваттель. – М. : Госюриздат, 1960. – 719 с.
29. Кравец И. А. Учредительная власть и конституционная модернизация в современном конституционализме (российский, сравнительный и международный аспекты) / И. А. Кравец // *Вестник Томского государственного университета*. – 2020. – № 450. – С. 206–217. – DOI: 10.17223/15617793/450/25.
30. Кравец И. А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма / И. А. Кравец // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 33–42. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42.
31. Schmitt C. *Constitutional Theory* / C. Schmitt ; transl. by J. Seitzer. – Durham : Duke University Press, 2008. – xix, 468 p.
32. Блещик А. В. Уровни (центры) публичной власти: современное прочтение теории и практики / А. В. Блещик, Е. Г. Калинина, С. Э. Несмеянова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 53–62. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62.

REFERENCES

1. Fitzsimmons M. P. *The remaking of France: The National Assembly and the Constitution of 1791*. New York, Cambridge University Press, 2002. xvi + 273 p.
2. Ferron H. de. L'organisation départementale et la Constituante de 1789. *Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger*, 1877, vol. 1, pp. 239–260. (In French).
3. Lemay E.-H. La Composition de l'Assemblée Nationale Constituante: Les Hommes de La Continuité?. *Revue d'histoire Moderne et Contemporaine*, 1977, vol. 24, no. 3, pp. 341–363. (In French).
4. Fitzsimmons M.P. Privilege and the Polity in France, 1786-1791. *The American Historical Review*, 1987, vol. 92, no. 2, pp. 269–295.
5. Krashennikova N.A. (ed.). *History of the State and Law of Foreign Countries*, Textbook, in 2 volumes. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020. Vol. 2: The Modern Era. 816 p. (In Russ.).
6. Vishnyak M.V. *All-Russian Constituent Assembly*, Comp., introduct. and comment. by A.N. Medushevsky. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 448 p. (In Russ.).
7. Kravets I.A. Constituent power and judicial constitutionalism: theoretical approaches and constitutional reform of 2020. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 1, pp. 1–11. DOI: 10.18572/2072-4144-2022-1-1-11. (In Russ.).
8. Kravets I. A. Strategic constitutionalism and constitutional changes: the state and citizens in constitutional forecasting and in public law communication. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 33–47. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.033-047. (In Russ.).
9. Medushevsky A.N. *Global constitutionalism: processes of integration and fragmentation in the creation of a new world order*, Monograph. Moscow, Direkt-Media Publ., 2023. 691 p. (In Russ.).

10. Dudko I.G. Modern concepts in Russian constitutional law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 35–46. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.112.3.035-046. (In Russ.).
11. Narutto S.V. Guarantees of the constitutionality of the Russian state, in: Komarova V.V., Rybakova O.S. (eds.). *Sovremennyi rossiiskii konstitutsionalizm*, On the 85th anniversary of Academician O.E. Kutafin, Monograph, Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 85–95. (In Russ.).
12. Kravets I.A. Multidimensional crisis and the digital future of constitutionalism as an ideological platform. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2023, vol. 32, no. 5 (156), pp. 11–36. DOI: 10.21128/1812-7126-2023-5-11-36. (In Russ.).
13. Rumyantsev A. Political ideologies and their implementation against the backdrop of a geopolitical conflict: an analysis of the concept of "liberal constitutionalism". *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2024, vol. 33, no. 4, pp. 4–39. (In Russ.).
14. Ebzeev B.S. *Philosophy of Russian constitutionalism*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 496 p. (In Russ.).
15. Plotnikova I.N. The value system of modern Russian constitutionalism, in: Komarova V.V., Rybakova O.S. (eds.). *Sovremennyi rossiiskii konstitutsionalizm*, On the 85th anniversary of Academician O.E. Kutafin, Monograph, Moscow, Prospekt Publ., 2023, pp. 13–28. (In Russ.).
16. Belov M. Introduction, in: Belov M. (ed.). *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality*, Cambridge, Intersentia Publ., 2021, pp. 1–10.
17. Drinóczi T., Bień-Kacała A. *Illiberal Constitutionalism in Poland and Hungary. The Deterioration of Democracy, Misuse of Human Rights and Abuse of the Rule of Law*. Abingdon, New York, Routledge Publ., 2022. 236 p.
18. Sulikowski A. *Postliberal Constitutionalism. The Challenge of Right Wing Populism in Central and Eastern Europe*. Abingdon, Routledge Publ., 2023. 140 p.
19. Gargarella R. Sobre el "Nuevo constitucionalismo latinoamericano". *Revista Uruguaya de Ciencia Política*, 2018, vol. 27, no. 1, pp. 109–129. (In Spanish).
20. Valadés D. La constitución y el poder, in: Valadés D., Carbonell M. (coords.). *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*, Mexico, Universidad Nacional Autónoma de México Publ., Cámara de Diputados, LVII Legislatura Publ., 2004, pp. 137–167. (In Spanish).
21. Betances E., Figueroa Ibarra C. (eds.). *Popular Sovereignty and Constituent Power in Latin America. Democracy from Below*. New York, Palgrave Macmillan Publ., 2016. xiii + 208 p. DOI: 10.1057/978-1-137-54825-2.
22. Grimm D. *Constitutionalism. Past, Present, and Future*. New York, NY, Oxford University Press, 2016. 400 p.
23. Colón-Ríos J.I., Hausteiner E.M., Lokdam H., Pasquino P., Rubinelli L., Selinger W. Constituent power and its institutions. *Contemporary Political Theory*, 2021, vol. 20, iss. 4, pp. 926–956. DOI: 10.1057/s41296-021-00467-z.
24. Abat i Ninet A. *Constitutional Crowdsourcing: Democratizing Original and Derived Constituent Power in the Network Society*. Cheltenham, Northampton, MA, Edward Elgar Publ., 2021. 192 p.
25. Di Gregorio A. The Degeneration of Contemporary Democracies as a New Phenomenology of Constitutional Transition, in: Belov M. (ed.). *Populist Constitutionalism and Illiberal Democracies: Between Constitutional Imagination, Normative Entrenchment and Political Reality*, Cambridge, Intersentia Publ., 2021, pp. 101–115.
26. Brewer-Carías A.R. Reflexiones críticas sobre la Constitución de Venezuela de 1999, in: Valadés D., Carbonell M. (coords.). *Constitucionalismo iberoamericano del siglo XXI*, Mexico, Universidad Nacional Autónoma de México Publ., Cámara de Diputados, LVII Legislatura Publ., 2004, pp. 171–193. (In Spanish).
27. Vasilyeva T. Crowdsourcing platforms in the parliaments of Chile and Brazil: attempts at deliberation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2023, vol. 32, no. 5, pp. 124–141. (In Russ.).
28. Vattel E. de. *The Law of Nations, or the Principles of Natural Law Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns*. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1960. 719 p. (In Russ.).
29. Kravets I.A. Constituent Power and Constitutional Modernization in Modern Constitutionalism (Russian, Comparative and International Aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 450, pp. 206–217. DOI: 10.17223/15617793/450/25. (In Russ.).

30. Kravets I.A. The Cult of the Written Constitution and the Dilemmas of Constitutional Amendments: Scientific Approaches and Practice of Applying Deliberative Constitutionalism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 33–42. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42.

31. Schmitt C. *Constitutional Theory*, transl. by J. Seitzer. Durham, Duke University Press, 2008. xix + 468 p.

32. Bleshchik A.V., Kalinina A.G., Nesmeyanova S.E. Levels (centers) of public authority: modern interpretation of theory and practice. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 53–62. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).53-62.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравец Игорь Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирский государственный университет
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
SPIN-код РИНЦ: 7272-5729

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Igor A. Kravets – Doctor of Law, Professor; Head, Department of Constitutional and Municipal Law; Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law
Novosibirsk State University
2, Pirogova ul., Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: kravigor@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5291-7177
ResearcherID: N-9219-2015
RSCI SPIN-code: 7272-5729

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кравец И.А. Конституирующая власть в конституционном развитии и публичной коммуникации: сравнительные аспекты конституционных изменений / И.А. Кравец // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 47–57. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).47-57.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kravets I.A. Constituent power in constitutional development and public communication: comparative aspects of constitutional change. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 47–57. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).47-57. (In Russ.).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СПОР О ПОСМЕРТНОЙ РЕПРОДУКЦИИ: ПРЕЗУМПЦИЯ СОГЛАСИЯ ИЛИ НЕСОГЛАСИЯ?

И.А. Третьяк

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
16 мая 2025 г.
Дата принятия в печать –
20 сентября 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Рассматриваются различные аспекты правового регулирования технологий криоконсервации генетического материала и посмертной репродукции, а также анализируется решение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. по данному вопросу. Автор приходит к выводу, что необходимо на законодательном уровне установить презумпцию согласия или несогласия лица на посмертную репродукцию, отсутствие которой создает риски нарушения конституционных прав граждан и злоупотребления правом.

Ключевые слова

Конституционный конфликт,
посмертная репродукция, право
на репродуктивный выбор,
права человека, презумпция
согласия

CONSTITUTIONAL-LEGAL DISPUTE ON POSTHUMOUS REPRODUCTION: PRESUMPTION OF CONSENT OR DISAGREEMENT?

Irina A. Tretiak

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –
2025 May 16
Accepted –
2025 September 20
Available online –
2025 December 20

The subject. The article considers a constitutional-legal dispute on posthumous reproduction, which became the subject of consideration in the Constitutional Court of the Russian Federation in 2024. On February 11, 2025, the Constitutional Court of the Russian Federation issued a decision recognizing that norms of the legislation on social security are violated the Constitution of the Russian Federation. This decision gives rise to a number of new legal problems in the field of constitutional, civil, inheritance, medical law and social security law. At present, there is no legislative regulation of posthumous reproduction in the Russian Federation.

Keywords

Constitutional conflict,
posthumous reproduction, right to
reproductive choice, human
rights, presumption of consent

The purpose of the article:

- to establish the presence or absence of positive obligations of the state in relation to the somatic right to reproductive choice;
- to determine the presumption of consent or disagreement to posthumous reproduction;
- to propose possible measures to prevent constitutional conflicts related to posthumous reproduction.

The methodology of the study includes general scientific methods (analysis, synthesis, description) and legal methods, method of constitutional conflict diagnosis. In addition to this, historical method was also applicable. The article also uses a comparative legal method to analyze the legislation and practice of foreign countries such as the USA, France and Japan.

Main results. The author proposes to eliminate the legislative gap by establishing at the statutory level a presumption of consent or disagreement in accordance with the following legislative formulas:

- presumption of consent: posthumous reproduction using the sex cells (or embryos created with their help) of a deceased person is not permitted if the medical organization was informed at the time of using the relevant assisted reproductive technologies that the person, during his or her lifetime, declared his or her disagreement with the use of his or her sex cells (or embryos created with their help) for the purpose of procreation after death;

– presumption of disagreement: posthumous reproduction using the sex cells (or embryos created with their help) of a deceased person is permitted only if the medical organization has, at the time of using the relevant assisted reproductive technologies, a written expression of the person's will, given during his or her lifetime, of consent to the use of his or her sex cells (or embryos created with their help) after death for the purpose of procreation.

1. Введение

Ранее мы уже рассматривали конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в контексте спора, ставшего предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в 2024 г. [1]. 11 февраля 2025 г. Конституционный Суд РФ принял постановление по данному делу, в котором признал оспариваемые положения Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»¹ не соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой ими в системе действующего правового регулирования не предусматривается назначение страховой пенсии по случаю потери кормильца ребенку, зачатому с помощью вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) после смерти застрахованного, в системе обязательного пенсионного страхования супруга его матери (который при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ и в отношении которого впоследствии в судебном порядке установлен факт отцовства) и, соответственно, рожденному по истечении трехсот дней с момента смерти отца. Также Конституционный Суд РФ ориентировал федерального законодателя внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения².

Напомним обстоятельства данного дела: в 2016 г. заявительница использовала репродуктивные клетки умершего супруга для проведения процедуры экстракорпорального оплодотворения. Биоматериал был криоконсервирован при жизни мужчины. В результате по прошествии более 300 дней с момента смерти мужа у женщины родились близнецы. Суд подтвердил факт отцовства скончавшегося супруга, и тогда заявительница обратилась в пенсионный орган за назначением страховой пенсии по случаю потери кормильца, но ей отказали. По мнению заявительницы, оспариваемые законоположения не соответствовали Конституции РФ, поскольку лишали детей, зачатых с помощью ВРТ после

смерти родителя, права на получение страховой пенсии по случаю потери кормильца.

В настоящей статье мы рассмотрим и проанализируем правовую позицию Конституционного Суда РФ по данному делу и предложим варианты восполнения образовавшегося законодательного пробела.

2. *Ratio decidendi* по делу о посмертной репродукции

Посмертная (постмортальная) репродукция – явление относительно новое даже в ряду иных ВРТ, она затрагивает целый комплекс социально-экономических, морально-этических и правовых проблем. Гораздо чаще Конституционный Суд РФ имеет дело с понятными и привычными юристам категориями: защита собственности, ответственность за ошибки органов публичной власти, нарушение политических прав, повышение государственных пошлин при обращении в суды, гражданство и др. В практике Конституционного Суда РФ не встречаются решения, связанные с биомедицинскими экспериментальными исследованиями [2, с. 46]. В связи с этим состоявшееся решение требует научного осмысления, поскольку данное дело разрешило правовую проблему в области социального обеспечения, породив при этом ряд иных проблем: от установления очередности наследников до возможности злоупотребления правом лицом, имеющим доступ к генетическому материалу.

Ключевым аргументом в жалобе заявительницы, с которой автор ознакомился при подготовке заключения по делу, являлся тезис о дискриминации рожденных при помощи ВРТ детей, что составляло нарушение ч. 1 и 2 ст. 19 Конституции РФ. Вместе с тем Конституционный Суд РФ хотя и признал оспариваемые нормы противоречащими в том числе ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, однако не квалифицировал сложившуюся ситуацию как дискриминацию.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 696.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности

частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М.Ю. Щаниковой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025 г. № 7. Ст. 694.

Ключевыми, по нашему мнению, были следующие аргументы Конституционного суда РФ:

1) российским законодателем до сих пор принципиально не выражено легальное отношение к постмортальной репродукции, и граждане не лишены права воспользоваться данной технологией, поскольку имеются материальные и юридические условия для использования такого метода ВРТ;

2) установление факта отцовства не может не порождать не только личные неимущественные права таких детей, но и, в частности, право на получение какого-либо социального обеспечения в связи с отсутствием отцовского попечения;

3) социальное обеспечение в связи с отсутствием родительского попечения имеет для ребенка важное социально-психологическое значение, поскольку подтверждает наличие у него в прошлом родителей (одного из них), которые хотя и умерли, но создали основу для его материального благополучия, что представляет собой квазикомпенсацию отсутствия родительской заботы, которая важна не только для содержания ребенка, но и для становления его личности;

4) семейно-правовая связь между умершим супругом, сдавшим биоматериал на криоконсервацию и хранение, и родившимися у его вдовы с использованием ВРТ детьми, зачатыми после его смерти, означает, что такие дети должны иметь право на социальное обеспечение в связи с отсутствием отцовского попечения.

Таким образом, в случае, если индивид при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ, и после его смерти в судебном порядке был установлен факт отцовства, то наличествует признанная государством семейно-правовая связь, которая и порождает предоставление социального обеспечения, а не факт нахождения таких детей на иждивении у умершего родителя.

То обстоятельство, что районный суд в данном споре установил отцовство умершего гражданина, не вызывает вопросов, – законодательство и правоприменительная практика, действительно, это допускают, исходя из приоритета интересов ребенка. К

тому же, эта семейно-правовая связь основана на фактической (родственной) связи.

Вместе с тем ни один из судов в настоящем деле, как следует из судебных актов, не исследовал вопрос: имелось ли волеизъявление умершего лица на рождение у него детей не только с помощью ВРТ, но при условии использования данных технологий после его смерти? Суды общей юрисдикции установили, что «решение о зачатии детей является самостоятельным волеизъявлением Щаниковой М.Ю.» и что «факт сдачи биологического материала на хранение, не может налагать установленные Семейным кодексом РФ родительские обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, тем более заведомо умершего гражданина»³. Считаем необходимым продолжить этот логический ряд следующим вопросом: свидетельствует ли факт сдачи биологического материала на хранение о выраженном намерении лица стать родителем после своей смерти? Однозначного ответа на данный вопрос нет ни в российском законодательстве, ни в отечественной правоприменительной практике. Вместе с тем существуют отдельные решения судов общей юрисдикции, которые детально анализируют согласие на ВРТ, данное умершим человеком. Так, Октябрьский районный суд г. Омска отказал в передаче криоконсервированного биоматериала умершего сына его родителям, поскольку он не давал очевидного согласия на применение ВРТ после его смерти⁴. В другом деле Одинцовский городской суд Московской области пришел к выводу, что, несмотря на наличие письменного согласия умершего супруга о том, что право на распоряжение судьбой криоконсервированных эмбрионов переходит к пережившей супруге, репродуктивное право на эмбрион принадлежит совместно лицам, выразившим волю на применение метода ВРТ, а если они не могут достигнуть согласия, следует исходить из того, что лицо не может быть понуждено к рождению детей, к приобретению родительских прав и обязанностей⁵. Таким образом, указанные суды не поставили знак равенства между согласием на криоконсервацию и согласием на посмертную репродукцию, что соответствует принципу

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 2 сентября 2022 г., дело № 33-16982/2022. URL: https://sankt-peterburgsky-spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=64772950&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.09.2024).

⁴ Решение Октябрьского районного суда г. Омска Омской области от 18 декабря 2019 г. по делу № 2-3490/2019 // СПС «Гарант».

⁵ Решение Одинцовского городского суда Московской области от 21 ноября 2022 г. по делу № 2-12139/2022 // СПС «Гарант».

приоритета интересов пациента, даже умершего, при оказании медицинской помощи (ст. 6 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶). Позиция же о том, что лицо не может быть понуждено к рождению детей, к приобретению родительских прав и обязанностей отражено в ряде решений судов общей юрисдикции 2023–2024 гг.⁷ Более ранняя судебная практика отсутствует по причине новизны применяемой ВРТ и роста ее доступности в последние годы.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ посчитал достаточным наличия условия о том, что индивид при жизни выразил намерение иметь детей с использованием ВРТ. Однако намерение, выраженное при жизни, может существенно меняться, если оно сделано при жизни, но на случай смерти. Полагаем, что смерть или время жизни и факт его конечности являются серьезным обстоятельством, влияющим на выбор человеком того или иного варианта поведения [3, с. 42]. Праву известен яркий пример, когда человек должен принять решение о том, какие юридически значимые действия будут происходить после его смерти, – это институт завещания.

Согласно опубликованным данным, в среднем на 1 000 россиян в 2022 г. пришлось 3,9 завещания. При этом ситуация зависит от региона: в городах федерального значения – Москве, Петербурге и Севастополе – оформили больше пяти завещаний на 1 000 чел., а в Тыве, Чечне и Ингушетии – меньше одного⁸. Как показывает данная практика, большинство людей при жизни не готовы думать о передаче активов будущим поколениям⁹. Институт завещания относится к сфере частного права, что обусловило интерес ученых-цивилистов к изучению правового института распоряжений на случай смерти (см., напр.: [4; 5]).

3. Распоряжения *mortis causa* в частном праве: в поисках аналогии закона

Поскольку в публичном праве образовался пробел по вопросу реализации соматических прав человека в контексте посмертной репродукции, обра-

тимся к частному праву в поисках возможной аналогии. Так, единственным волеизъявлением умершего супруга заявительницы было то, что он подписал договор об оказании услуг с медицинской клиникой, в котором было условие, что в случае смерти одного из супругов право распоряжения криоконсервированным биоматериалом переходило другому супругу¹⁰. Таким образом, именно институты частого права были задействованы, чтобы установить действительную волю умершего лица, – свобода договора.

В цивилистической науке существует деление сделок на *inter vivos* (между живыми) и *mortis causa* (на случай смерти) [6, с. 182]. Публичное право подобным делением в отношении волеизъявлений субъектов – носителей конституционных прав не оперирует. С.Ю. Филиппова приводит следующие примеры распоряжений на случай смерти лица в частном праве:

- завещание;
- право единственного родителя или обоих родителей несовершеннолетнего определить на случай своей одновременной смерти опекуна или попечителя ребенку;
- распоряжение в отношении своего тела об условиях погребения;
- распоряжение в отношении своего тела по вопросу трансплантации органов и тканей (ст. 8 Закона РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (далее – Закон «О трансплантации»)¹¹);
- распоряжения об обнародовании произведения, о внесении изменений в произведение и его охране и др. [7].

В законодательстве устанавливается квалифицированная форма вышеприведенных распоряжений, которая должна быть письменной или даже нотариальной и учитывать факт будущей смерти.

Исторически, распоряжения на случай смерти (*mortis causa*) существовали во французском гражданском праве еще до кодификации Наполеона как элемент «древнего права», а после принятия Гражданского кодекса Наполеона были введены строгие

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011 г. № 48. Ст. 6724.

⁷ См., напр., решения Люблинского районного суда г. Москвы от 24 ноября 2023 г. по делу № 02-0846/2023, Ленинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области от 17 мая 2024 г. по делу № 2-2237/2024, Тахтамукайского районного суда Республики Адыгея от 3 июля 2023 г. по делу № 2-1440/2023 (СПС «Гарант»).

⁸ Шамаева Е. Сколько россиян оформляет завещания // Т-Ж. 2023. 9 окт. URL: <https://t-j.ru/nasledstvo-stat/> (дата обращения: 07.09.2024).

⁹ Молькова Т., Домино И. Распространенные заблуждения наследодателей и наследников // Адвокатская газета. 2023. № 21, нояб. С. 12–13.

¹⁰ Пункт 1.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П.

¹¹ Российская газета. 1993. № 4.

требования к форме и доказательствам совершения распоряжений *mortis causa*, впоследствии данная правовая традиция была воспринята остальными странами континентальной Европы [8, p. 418].

Далее, по своему предмету распоряжение об использовании / неиспользовании органов и тканей человека после его смерти сопоставимо с распоряжением на случай посмертной репродукции – в ситуации, когда генетический материал человека также используется после его смерти. На первый взгляд, данные правоотношения имеют определенное сходство, в связи с чем аналогия закона здесь возможна.

В соответствии со ст. 8 Закона «О трансплантации» установлена презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей, согласно которой изъятие органов и (или) тканей у трупа для трансплантации не допускается, если медицинская организация на момент такого изъятия поставлена в известность о том, что лицо при жизни либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту. После смерти лица его отсутствующая воля не подлежит восполнению близкими родственниками. В этом случае презумпция согласия считается непреодоленной и действует, т. е. согласие на трансплантацию считается данным.

Как отмечает В.А. Гончарова, посмертная трансплантация, основанная на презумпции согласия, пока не находит широкой общественной поддержки [9, с. 33].

Согласно Руководящим принципам Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов¹² с этической точки зрения согласие пациента является краеугольным камнем всех медицинских вмешательств. Согласно руководящему принципу № 1 и комментарию к нему государства в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций страны определяют модель согласия пациента на трансплантацию из двух базовых моделей, которые получили название «презумпция согласия» и «презумпция несогласия». Презумпция согласия («неиспрошенное согласие» или «предполагаемое согласие») означает, что пока четко не выражено несогласие на трансплантацию тканей после смерти предполага-

ется, что пациент согласен на изъятие и трансплантацию его тканей после смерти. Презумпция несогласия, наоборот, означает, что в случае, если лицо прямо и недвусмысленно не разрешило изъятие и трансплантацию его органов, считается, что согласие отсутствует, а изъятие и трансплантация после смерти не производятся.

В определении по резонансному делу Алины Саблиной Конституционный Суд РФ указал, что российским законодателем выбрана модель «презумпции согласия». Необходимым условием для введения в правовое поле такой модели является наличие опубликованного для всеобщего сведения и вступившего в силу законодательного акта, содержащего формулу данной презумпции, – тем самым предполагается, что заинтересованные лица осведомлены о действующих правовых предписаниях. При этом суд отметил, что разрешение вопроса о выборе модели согласия составляет прерогативу федерального законодателя и не относится к компетенции Конституционного Суда РФ. Данное дело вызвало широкую научную дискуссию о достаточности процедурных гарантий дачи и получения согласия на трансплантацию органов (см., напр.: [10–13]). Особенность данного дела о посмертной трансплантации была в том, что законодатель установил определенную презумпцию, в деле же о посмертной репродукции 2024 г. законодатель свой выбор еще не сделал.

4. Законные интересы живых и мертвых

Как отмечает В.А. Гончарова, в деле Алины Саблиной налицо ситуация конфликта частного и общественного интереса, и решение законодателя «в пользу живых», а не «в пользу мертвых» исходит из того, что органы и ткани умершего могут сохранить жизнь другому лицу [9, с. 34]. В этой ситуации достоинство и неприкосновенность тела умершего человека как будто утрачивают свою конституционную ценность. В то же время признание абсолютного характера права на уважение человеческого достоинства уже давно не вызывает сомнений ни в европейской правовой, ни в отечественной конституционной системах ценностей (см., напр.: [14–17]).

Согласно ст. 21 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством, никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным и иным опытам. С учетом того, что российское законодательство запрещает недостой-

¹² Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA63.22. URL: https://old.transpl.ru/files/npa/Guiding_

PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 02.05.2025).

ное обращение с телом умерших, из этого можно сделать вывод, что государство обязано с достоинством относиться не только к живому индивиду, но и к умершему. Данный вывод подтверждается правовой позицией Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле», согласно которой государство, охраняя достоинство личности, обязано не только воздерживаться от контроля над личной жизнью человека и от вмешательства в нее, но также должно гарантировать достойное отношение к памяти человека, т. е. обеспечивать человеку возможность рассчитывать на то, что и после смерти его личные права будут охраняться, а государственные органы, официальные и частные лица – воздерживаться от посягательства на них¹³. Таким образом, позитивным обязательством Российской Федерации является создание условий, обеспечивающих человеку возможность рассчитывать на то, что и после смерти его достоинство, неприкосновенность и иные личные права, в том числе право на репродуктивный выбор, будут охраняться. В отсутствие законодательного регулирования посмертной репродукции и выбора модели презумпции согласия или несогласия представляется, что указанные позитивные обязательства выполняются не в полной мере.

5. Семейные отношения при посмертной репродукции

В российском конституционном праве семья, материнство и детство рассматриваются в традиционном, воспринятом от предков понимании. Рискнем предположить, что в таком понимании семейные и биологические связи совпадают, и индивид, являющийся биологическим родителем ребенка, вступает с ним и в семейные отношения, которые включают заботу, опеку, воспитание и содержание детей. Однако есть исключения, когда семейные и биологические связи не совпадают: при лишении родительских прав, при усыновлении и т. д. На это различие связей в семейной структуре обратил внимание и Верховный Суд США в деле Капато, указав, что «биологический родитель необязательно является родителем ребенка по закону»¹⁴.

¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона “О погребении и похоронном деле” и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 27. Ст. 3346.

В случае посмертной репродукции между родившимся ребенком и умершим лицом имеется биологическая связь «ребенок – родитель», но фактическая семейная связь между ними не могла возникнуть. Юридическую семейную связь восполнил в данном случае суд общей юрисдикции, установивший отцовство.

В деле заявительницы семейные отношения между ее умершим супругом и рожденными детьми, которые включали бы заботу, воспитание и материальное содержание, также не могли возникнуть, поскольку отец детей умер за два года до их рождения. К аналогичному выводу в похожем деле в 2006 г. пришел и Верховный Суд Японии, указав в решении, что между мужчиной и ребенком, зачатым и рожденным женщиной в результате ВРТ, проведенной после смерти мужчины с использованием его замороженного генетического материала, не могут быть установлены юридические детско-родительские отношения, поскольку у отца нет возможности иметь родительскую власть над ребенком, ребенок также не может пользоваться опекой, заботой или поддержкой отца¹⁵.

Вместе с тем зарубежные авторы полагают, что посмертная репродукция предполагает продолжение традиционной семейной структуры мужа и жены, даже если одного из участников отношений уже нет в живых, указывая при этом, что понимание семьи трансформируется в современном обществе [18, р. 4]. Практика российских судов также свидетельствует о том, что нет непреодолимых препятствий в установлении семейно-правовой связи.

Буквальное следование концепции семьи в ее традиционном понимании создает серьезный риск для интересов детей, рожденных в результате посмертной репродукции. Минимизировать риск возникновения такого конституционного конфликта возможно, по нашему мнению, путем установления факта волеизъявления лица стать родителем после смерти, что приведет к тому, что в отношении детей будет установлено отцовство или материнство, а ребенок будет знать, кто его родители. Это не приведет к установлению фактических семейных связей в

¹⁴ *Astrue v. Capato*. Supreme Court of the United States. May 21, 2012. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/566/541/> (дата обращения: 02.05.2025).

¹⁵ *Minshu* Vol. 60, No. 7. 2004 (Ju) 1748. URL: https://www.courts.go.jp/app/hanrei_en/detail?id=852 (дата обращения: 02.05.2025).

виде заботы, воспитания и содержания детей, но будет свидетельствовать о том, что умерший человек считал важным рождение у него детей, стремился к этому и имел соответствующий законный интерес. Такое волеизъявление *mortis causa*, возможно, даже более будет служить «квазикомпенсацией» отсутствия фактической семейной связи, чем меры социальной поддержки по потере кормильца. Так, в англоязычной литературе встречаются упоминания признаваемого законом интереса граждан в генетическом продолжении рода (*the interest in genetic continuity* или *interest in procreation*; см., напр.: [19–21]). А государство, со своей стороны, должно с уважением относиться к такому волеизъявлению, поскольку оно находится в границах реализации конституционного права на репродуктивный выбор.

В противном случае, защищая «интересы живых» и допуская посмертную репродукцию от граждан, которые хотели бы стать родителями только при жизни и, возможно, не желали бы такой участи своим детям – появиться в неполной семье после их смерти вне всякой возможности установить фактические семейно-родственные связи и преемственность поколений и получить в нагрузку сомнения о том, желанный ли это ребенок, с вытекающими серьезными психологическими последствиями¹⁶, государство без должного уважения относится к личным правам своих умерших граждан, что, по нашему мнению, нарушает справедливый конституционный баланс. Также это создает риски споров между наследниками, родившимися при жизни наследодателя, и теми, кто родился в ходе посмертной репродукции. Одним из самых громких таких дело стало дело о наделении наследственными правами дочери журналистки Б. Рынки, которая была рождена суррогатной матерью спустя год после смерти ее супруга, основателя НТВ и миллионера И. Малашенко. При жизни Малашенко, имеющего трех детей от предыдущего брака, были созданы эмбрионы, которые оказались невостребованными, и супруга решила «продолжить борьбу за их ребенка» после смерти биологического отца, а в последующем от-

стоять его наследственные права. Пресненский районный суд г. Москвы вынес решение, что ребенок является дочерью наследодателя, зачатой при его жизни, при этом суд не исследовал письменное согласие покойного супруга на применение ВРТ [22, с. 140].

Необходимо согласиться с В.В. Долинской в том, что учет в законодательстве согласия наследодателя на посмертную репродукцию и ограничения срока зачатия ребенка будет обеспечивать баланс интересов всех потенциальных наследников, не допуская при этом злоупотребления правом со стороны лиц, имеющих право использовать биоматериалы умершего [23, с. 16–17].

6. Заключение

Полагаем, что для минимизации рисков возникновения конституционных конфликтов (подробнее см.: [24]) необходимо принятие законодательства, регулирующего применение ВРТ с закреплением презумпции согласия или несогласия на посмертную репродукцию путем использования одной из следующих законодательных формул:

– *презумпция согласия*: посмертная репродукция с использованием половых клеток (или созданных с их помощью эмбрионов) умершего человека не допускается, если медицинская организация на момент применения соответствующих вспомогательных репродуктивных технологий поставлена в известность о том, что лицо при жизни заявило о своем несогласии на использование в целях деторождения своих половых клеток (или созданных с их помощью эмбрионов) после смерти;

– *презумпция несогласия*: посмертная репродукция с использованием половых клеток (или созданных с их помощью эмбрионов) умершего человека допускается только в случае наличия у медицинской организации на момент применения соответствующих вспомогательных репродуктивных технологий письменного волеизъявления лица, данного при жизни, о согласии на использование своих половых клеток (или созданных с их помощью эмбрионов) после смерти в целях деторождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Третьяк И. А. Конституционно-правовые аспекты посмертной репродукции в России и зарубежных странах / И. А. Третьяк // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 44–53. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53.

¹⁶ Чершинцева М. Нежеланные дети // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: офиц. сайт. 2023. 12 апр. URL: <https://www.hse.ru/>

ma/therapy/news/827059417.html (дата обращения: 02.05.2025).

2. Хапсиорокова Е. А. Защита прав человека в области биомедицинских экспериментальных исследований / Е. А. Хапсиорокова // Законодательство. – 2020. – № 5. – С. 44–49.
3. Библик О. Н. Время жизни как ключевой фактор, детерминирующий поведение человека / О. Н. Библик // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 35–47. – DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).35-47.
4. Петров Е. Ю. Сделки mortis causa / Е. Ю. Петров // Частное право. Преодолевая испытания : к 60-летию Б. М. Гонгало : сб. ст. – М. : Статут, 2016. – С. 213–237.
5. Путинцева Е. П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германии / Е. П. Путинцева. – М. : Статут, 2016. – 160 с.
6. Киктенко К. Г. Цивилистические основания донорства / К. Г. Киктенко, А. А. Кирилина // Закон. – 2023. – № 8. – С. 179–207. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-179-207.
7. Филиппова С. Ю. Распоряжения на случай смерти: опыт систематизации норм частного права / С. Ю. Филиппова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2017. – № 4. – С. 29–46.
8. Codrin C. A Comparative Inquiry Into The Legal Regime Of Mortis Causa Donations In Some Continental-European And Common Law Legal Systems / C. Codrin // Knowledge-Based Organization. – 2015. – Vol. 21, Iss. 2. – P. 418–423. – DOI: 10.1515/kbo-2015-0071.
9. Гончарова В. А. Посмертное донорство: в поисках оптимального правового регулирования / В. А. Гончарова // Законодательство. – 2022. – № 5. – С. 30–37.
10. Бинэ Ж. Р. Презюмируемое согласие и выражение несогласия на посмертное изъятие органов во французском праве / Ж. Р. Бинэ // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 9. – С. 32–45.
11. Евдокимов В. Б. Право гражданина Российской Федерации на отказ от посмертного изъятия органов для трансплантации: правовые проблемы реализации / В. Б. Евдокимов, Т. А. Тухватулин // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1. – С. 59–63.
12. Кулицкая Л. И. Правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека после смерти лица, не оставившего завещания / Л. И. Кулицкая // Власть закона. – 2016. – № 2. – С. 96–106.
13. Гильфанова А. Ш. Правовые проблемы трансплантации органов и тканей человека в России и зарубежных странах / А. Ш. Гильфанова // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 5. – С. 172–174.
14. Блохин П. Д. Структура основных прав и их правомерное ограничение: Российская конституционная модель / П. Д. Блохин // Закон. – 2022. – № 12. – С. 14–33. – DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-14-33.
15. Бахин С. В. О классификации прав человека, провозглашенных в международных соглашениях / С. В. Бахин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1991. – № 2. – С. 41–51.
16. Гасанов К. К. Абсолютные права человека и ограничения прав / К. К. Гасанов, С. И. Вележев, В. А. Колокольцев, З. Л. Шагапсоев, С. П. Сальников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 3 (19). – С. 54–65.
17. Вахрамеева Л. Н. Достоинство личности в системе прав человека: проблемы теории и правового регулирования / Л. Н. Вахрамеева // Юридическая наука и практика. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 117–122. – DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-117-122.
18. Simpson B. Making “bad” deaths “good”: the kinship consequences of posthumous conception / B. Simpson // Journal of the Royal Anthropological Institute. – 2001. – Vol. 7, Iss. 1. – P. 1–18. – DOI: 10.1111/1467-9655.00047.
19. Davies H. Sharing Surnames: Children, Family and Kinship / H. Davies // Sociology. – 2011. – Vol. 45, Iss. 4. – P. 554–569. – DOI: 10.1177/0038038511406600.
20. Simana S. Creating life after death: should posthumous reproduction be legally permissible without the deceased's prior consent? / S. Simana // Journal of Law and the Biosciences. – 2018. – Vol. 5, Iss. 2. – P. 329–354. – DOI: 10.1093/jlb/lisy017.
21. Ahluwalia U. Posthumous Reproduction and Its Legal Perspective / U. Ahluwalia, A. Mala // International Journal of Infertility and Fetal Medicine. – 2011. – Vol. 2, No. 1. – P. 9–14. – DOI: 10.5005/JP-JOURNALS-10016-1010.
22. Алейникова В. В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «Быть или не быть, вот в чем вопрос...» / В. В. Алейникова // Закон. – 2023. – № 4. – С. 137–157. – DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-137-157.

23. Долинская В. В. Охрана наследственных прав несовершеннолетних / В. В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 6. – С. 12–17.

24. Третьяк И. А. Предупреждение и разрешение конституционно-правовых конфликтов: понятие и способы / И. А. Третьяк // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 4. – С. 30–41. – DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(4).30-41.

REFERENCES

1. Tretiak I.A. Constitutional aspects of posthumous reproduction in Russia and foreign countries. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 44–53. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(4).44-53.

2. Khapsirokova E.A. Human rights protection in sphere of experimental biomedical research. *Zakonodatel'stvo*, 2020, no. 5, pp. 44–49. (In Russ.).

3. Bibik O.N. Time of life as a key factor, determining human behavior. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 35–47. DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).35-47. (In Russ.).

4. Petrov E.Yu. Transactions mortis causa, in: *Chastnoe pravo. Preodolevaya ispytaniya*, To the 60th anniversary of B.M. Gongalo, Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 213–237. (In Russ.).

5. Putintseva E.P. *Orders in case of death under the legislation of the Russian Federation and the Federal Republic of Germany*. Moscow, Statut Publ., 2016. 160 p. (In Russ.).

6. Kiktenko K.G., Kirilina A.A. Civil grounds for donation. *Zakon*, 2023, no. 8, pp. 179–207. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-179-207. (In Russ.).

7. Filippova S.Yu. Instructions in case of death: an experience of systematization of private law norms. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*, 2017, no. 4, pp. 29–46. (In Russ.).

8. Codrin C. A Comparative Inquiry Into The Legal Regime Of Mortis Causa Donations In Some Continental-European And Common Law Legal Systems. *Knowledge-Based Organization*, 2015, vol. 21, iss. 2, pp. 418–423. DOI: 10.1515/kbo-2015-0071.

9. Goncharova V.A. Posthumous donation: in search of optimal legal regulation. *Zakonodatel'stvo*, 2022, no. 5, pp. 30–37. (In Russ.).

10. Binet J.R. Presumed consent and expression of disagreement to posthumous organ removal in French law. *Pretsedenty Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka*, 2017, no. 9, pp. 32–45. (In Russ.).

11. Evdokimov V.B., Tukhvatullin T.A. Right of a citizen of the Russian Federation to refuse post-mortem removal of organs for transplanting purposes: legal problems of its implementation. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2015, no. 1, pp. 59–63. (In Russ.).

12. Kulitskaya L.I. Legal regime of human organs, tissues, cells and body after the death of the person without a will. *Vlast' zakona = The Power of law*, 2016, no. 2, pp. 96–106. (In Russ.).

13. Gilifanova A.Sh. Legal problems of transplantation of human organs and tissues in Russia and foreign countries. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2014, no. 5, pp. 172–174. (In Russ.).

14. Blokhin P.D. The structure and lawful limitations upon fundamental rights: Russian constitutional model. *Zakon*, 2022, no. 12, pp. 14–33. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-12-14-33. (In Russ.).

15. Bakhin S.V. On the classification of human rights as declared by international agreements. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1991, no. 2, pp. 41–51. (In Russ.).

16. Gasanov K.K., Velezhev S.I., Kolokol'tsev V.A., Shkhagapsoev Z.L., Sal'nikov S.P. Absolute human rights and restrictions of rights. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2003, no. 3 (19), pp. 54–65. (In Russ.).

17. Vakhrameeva L.N. The Dignity of the Personality in the System of Human Rights: Problems of the Theory and Legal Regulation. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical Science and Practice*, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 117–122. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-117-122. (In Russ.).

18. Simpson B. Making “bad” deaths “good”: the kinship consequences of posthumous conception. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2001, vol. 7, iss. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1111/1467-9655.00047.

19. Davies H. Sharing Surnames: Children, Family and Kinship. *Sociology*, 2011, vol. 45, iss. 4. pp. 554–569. DOI: 10.1177/0038038511406600.
20. Simana S. Creating life after death: should posthumous reproduction be legally permissible without the deceased's prior consent?. *Journal of Law and the Biosciences*, 2018, vol. 5, iss. 2, pp. 329–354. DOI: 10.1093/jlb/lsy017.
21. Ahluwalia U., Arora M. Posthumous Reproduction and Its Legal Perspective. *International Journal of Infertility and Fetal Medicine*, 2011, vol. 2, no. 1, pp. 9–14. DOI: 10.5005/JP-JOURNALS-10016-1010.
22. Aleynikova V.V. Posthumously conceived children in family and inheritance law: “To be, or not to be, that is the question...”. *Zakon*, 2023, no. 4, pp. 137–157. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-4-137-157. (In Russ.).
23. Dolinskaya V.V. Protection of the hereditary rights of minors. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2023, no. 6, pp. 12–17. (In Russ.).
24. Tretyak I.A. Prevention and resolution of constitutional conflicts: concept and methods. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 30–41. DOI: 10.24147/2542-1514.2019.3(4).30-41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Третьяк Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент департамента публичного права
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: itretiak@hse.ru
ORCID: 0000-0001-7609-8719
ResearcherID: AAY-6218-2021
SPIN-код РИНЦ: 3455-2600; AuthorID: 762457

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Irina A. Tretyak – PhD in Law, Associate Professor,
Public Law Department
HSE University
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia
E-mail: itretiak@hse.ru
ORCID: 0000-0001-7609-8719
ResearcherID: AAY-6218-2021
RSCI SPIN-code: 3455-2600; AuthorID: 762457

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Третьяк И.А. Конституционно-правовой спор о посмертной репродукции: презумпция согласия или несогласия? / И.А. Третьяк // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 58–67. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).58-67.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tretyak I.A. Constitutional-legal dispute on posthumous reproduction: presumption of consent or disagreement?. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 58–67. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).58-67. (In Russ.).

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Я.А. Коновальчиков

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
13 августа 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 сентября 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Политическая борьба,
публичная власть,
государственная власть,
легитимация, сменяемость
власти, политическая партия,
политическая оппозиция,
политическая конкуренция,
парламентский процесс,
избирательный процесс

Рассматривается один из неоднозначных правовых феноменов – политическая борьба в ее конституционно-правовом измерении. Политическая борьба сопоставляется со смежными политико-правовыми явлениями, такими как политическая конкуренция и политическая оппозиция, юридический процесс. В целях облегчения дальнейшей конституционализации политической борьбы автором проясняются ее правовая природа, характерные признаки, свойства, особенности ее объекта, целей, задач и субъектов, предлагается дефиниция. Отмечается, что политическая борьба в демократическом государстве обеспечивает решение задач легализации, легитимации государственной власти, действие принципа ее сменяемости.

THE CONCEPT OF POLITICAL STRUGGLE IN CONSTITUTIONAL LAW

Yaroslav A. Konovalchikov

Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –
2024 August 13
Accepted –
2025 September 20
Available online –
2025 December 20

Keywords

Political struggle, public power,
state power, legitimization,
succession of power, political
party, political opposition,
political competition,
parliamentary process, electoral
process

The subject of research is the political struggle in its constitutional and legal survey.

The purpose of research is to identify the legal nature and formulate the concept of political struggle in constitutional law, as well as to determine its attributes and properties, features of the object, goals, objectives and subjects in accordance with doctrinal provisions and domestic law enforcement practice.

The research methods. To gain the results of the research the interdisciplinary approach, formal-legal method, as well as the method of system analysis of legal phenomena and interpretation of legal norms are applied.

The main results. The significance of the phenomenon of political struggle in a democratic state to ensure the solution of problems of legalization and legitimation of state power, as well as the principle effect of its replaceability is substantiated. The political struggle occurs inside the state and has a direct impact on it, and so, predetermines the consolidation of constitutional principles and limits of its implementation in the Basic Law of the state. The main constitutional and legal features of the political struggle in the Russian Federation are its open and legal nature, its principles of equality and political pluralism, the special parties involved in political activity, the existence of a special goal and legal means to achieve it. The constitutional and legal limits of the political struggle are presented in article 3 of the Constitution of the Russian Federation. By means of comparison with correlating legal concepts and categories of the conflict, competition, opposition, activity and process, it is determined that the political struggle should be attributed to the legal process in its broad sense according to formal-legal characteristics. A detailed characterization of the stages of the political struggle is given on the basis of the peculiarities of its object, goals, objectives

and participants. The formulated theoretical framework is critical for effective law enforcement in the electoral and parliamentary processes.

Conclusion. The political struggle in the constitutional law should be defined as an open and legal domestic process, including a system of constitutional and legal relations associated with obtaining and preserving the state (municipal) power, as well as with the exercise of authoritative powers by the legislative (representative) body centered around the principles of equality and political pluralism, also intended to ensure the legalization, legitimation and replaceability of state (municipal) power.

1. Введение

В настоящее время понятийно-категориальный аппарат науки конституционного права продолжает формироваться. Этому способствует и сама Конституция РФ, поскольку, как справедливо отметил судья Конституционного Суда РФ С.Д. Князев, «закрепляя основные цели и ценности, без которых конституционная идеология попросту невозможна, она оставляет целый ряд вопросов, имеющих конституционно-правовое значение, открытыми» [1, с. 6]. Бесспорно, появляются новые правовые явления и феномены, которые требуют научного осмысления, но вместе с тем имеются и такие, которые вполне употребляются учеными-конституционалистами как бы вскользь, считаются понятными и общеупотребительными. Одним из ярких примеров подобного является часто встречающееся в трудах по конституционному праву упоминание политической борьбы, которое, по сути, наполнено отнюдь не художественным смыслом, но глубоким конституционно-правовым содержанием. К сожалению, полноценных исследований понятия и сущности политической борьбы именно как конституционно-правового феномена нам найти не удалось. Учитывая сказанное, полагаем настоящее исследование своевременным и актуальным.

Борьба как таковая и политическая борьба как ее вид являются предметом изучения различных наук. Мы же ставим перед собой задачу сформулировать понятие политической борьбы в конституционном праве, для чего нам необходимо ответить на вопрос о ее правовой природе и основных признаках. В связи с этим для выявления сущности политической борьбы полагаем более эффективным применение междисциплинарного подхода. Формулированию самого понятия будет способствовать формально-юридический метод, а также метод системного анализа юридических явлений и толкования правовых норм.

В системе гуманитарного знания, включающего филологию, философию, социологию и политологию, накоплен достаточно обширный теоретический материал о политической борьбе, который может

быть использован в рамках настоящего правового исследования. Для определения смысловой наполненности полагаем возможным начать с лингвофилософского осмысления концепта «борьба». По утверждению В.Я. Тихоновой, в русской культуре сложилось следующее представление о борьбе: борьба есть действие, источник развития, смысл и сущность жизни, это столкновение противоположностей и противоречий, цель борьбы – лучшая жизнь, преобладание, победа, а результат – созидание и эволюция, борьба бесконечна, она охватывает все сферы жизни и деятельности человека [2, с. 20–21]. Исход борьбы предreshен, это либо победа, либо поражение, либо компромисс. Аналогичным образом сформулировано понимание борьбы и в философии. Оно отсылает нас, прежде всего, к одному из основных законов диалектики – закону единства и борьбы противоположностей. Не вдаваясь в тонкости названной философской концепции, отметим, что в мире нет таких явлений, которые бы находились вне борьбы как процесса бесконечного развития, возникновения внутри всякой целостности противоположных моментов, их превращения друг в друга, вне противоречивых отношений между ними [3, с. 172–176]. Борьба – это внутренний механизм, обеспечивающий развитие любых систем, поэтому она постоянна и бесконечна. Философы разных периодов регулярно обращались к теме борьбы. Например, английский философ Т. Гоббс предложил следующее определение: «Если воля двух различных людей производит действия, враждебные друг другу, то это называется конфликтом. Если же люди непосредственно действуют друг против друга, то это называется борьбой» (цит. по: [4, с. 114]). Из этого следует, что борьба всегда есть активные действия субъектов. Англо-германский философ и политолог Р. Дарендорф утверждал, что именно борьба является источником прогресса, ведущего к цивилизации и мировому гражданскому обществу [4, с. 116]. Благодаря лингвофилософскому пониманию борьбы мы можем сформулировать ключевые презумпции о ней. Во-первых, *презумпция имманент-*

ности позитивного начала, согласно которой борьба изначально является позитивной и действенной (динамичной) деятельностью, способствующей устойчивому развитию. Во-вторых, *презумпция неизбежности*, согласно которой борьба является необходимой и бесконечной, безусловно неизбежной для любого общества.

2. Политическая борьба в конституционном праве: теория и практика реализации

Говоря о политической борьбе, большинство считает это явление исключительно предметом изучения политологии. Это не совсем справедливо, поскольку о политической борьбе всегда упоминают тогда, когда говорят о таких фундаментальных конституционно-правовых категориях, как государство, демократия, власть, а значит, правовые науки не остаются в стороне. Следует учитывать тот факт, что политическая борьба осуществляется внутри государства и оказывает непосредственное влияние на него, что предполагает необходимость ее конституционно-правового регулирования.

Рассмотрим имеющиеся подходы. В политологии исследованию политической борьбы посвящены труды А.А. Борща, А.А. Заикина. Не углубляясь в тонкости имеющихся теорий, отметим, что, как правило, политическая борьба в политологии изучается как совокупность различных политических технологий, используемых для получения политической власти [5, с. 15; 6].

Теория права также не обошла стороной проблему осмысления места и роли политической борьбы в государстве. Так, Н.А. Логинова¹ политическую борьбу буквально определяет как «правовой способ соперничества политических сил за политическую власть» [7, с. 7, 17], в чем, несомненно, проявляется телеологический характер власти [8]. На наш взгляд, сведение политической борьбы к способу получения власти придает ей второстепенный, факультативный характер. Полагаем, что это не совсем верно, особенно когда речь идет о демократическом государстве, поскольку, как мы уже определили, политическая борьба есть позитивная, необходимая деятельность, способствующая развитию государства, некая внутренняя энергия демократического процесса.

В свою очередь, перед нами возникает вопрос, чем является политическая борьба по своей правовой природе, для определения которой мы будем

исходить из необходимости выявления признаков этого правового феномена, позволяющих увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений [9, с. 227]. Такие признаки, т. е. постоянные характеристики политической борьбы, ее константы, мы полагаем возможным определить посредством сопоставления с коррелирующими правовыми понятиями и категориями: конфликт, конкуренция, оппозиция, деятельность и процесс. Указанные понятия и категории выбраны не случайно, а вследствие наличия определенной взаимосвязи по отдельным признакам или параметрам.

Зачастую понятие *борьбы* определяют через понятие *конфликта* в связи со схожей смысловой коннотацией. В настоящее время конфликт как социальное явление является предметом изучения конфликтологии и ее специальных (отраслевых) теорий, каждая из которых предлагает свое определение. Социальный конфликт определяется как некоторый процесс, в рамках которого минимум две стороны находятся в противоречивом взаимодействии или противостоянии друг другу с целью разрешения существенных для их интересов противоречий [10, с. 253]. Политическая конфликтология определяет политический конфликт как выход за существующую систему правил и отношений, специфичных для двух и более сторон, вызванный несовместимыми интересами и ценностями [11, с. 69]. Под юридическим конфликтом необходимо понимать прямое или косвенное противостояние субъектов права, обусловленное противоречиями их юридически значимых интересов, возникающее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права и разрешаемое в особой процедурной форме [12]. Все эти определения объединяет ключевая мысль о противостоянии субъектов, вызванном разнонаправленными интересами. Получается, что конфликт обусловлен противоречивостью интересов сторон, а политическая борьба – одинаковым для всех стремлением к власти. Также отметим, что в политической борьбе реализуются как различные формы социальных конфликтов (словесная и физическая агрессия, скандал, бойкот, саботаж, забастовка, преследование, протест и бунт), политических конфликтов (война и революция) [13, с. 160], юридических конфликтов (избирательные споры), так и формы правового взаимодействия (соглашения, пакты, медиация). Учитывая сказанное, пола-

¹ К другим способам завоевания политической власти Н.А. Логинова относит политическое сотрудничество.

гаем, что политическая борьба – более широкое и сложное понятие, чем конфликт.

Нередко происходит смешение таких понятий, как *политическая борьба*, *политическая конкуренция* и *политическая оппозиция*. Обращение к Толковому словарю русского языка свидетельствует, что конкуренция буквально означает «соревнование, соперничество на каком-нибудь поприще»². Для политической сферы наличие альтернативных конкурирующих политических субъектов, способных оказывать значимое воздействие на процесс принятия политических решений, – явление положительное. В юридической науке предложены следующие дефиниции. Т.А. Оспанов политическую конкуренцию определяет как «соперничество на основе взаимодействия субъектов политических отношений, предполагающее законное противостояние различных политических сил в целях приобретения публичной власти на основе принципов равенства, справедливости и ведения свободной борьбы в публично-правовой сфере» [14, с. 9]. Ф.И. Долгих под политической конкуренцией понимает «совокупность общественных отношений, направленных на обеспечение равных условий участия субъектов политической деятельности в борьбе за осуществление политической власти» [15, с. 11]. Наличие политической конкуренции раскрывает содержание конституционного принципа многопартийности. Неотъемлемым элементом политической конкуренции выступает политическая оппозиция, которая является предметом изучения теории оппозиционных политических партий. Согласно мнению С.А. Авакьяна, оппозиционные политические партии выделяются по количественному критерию как «парламентское меньшинство», которое критически настроено к государству [16, с. 145–146]. По мнению С.В. Васильевой, политическую оппозицию можно назвать «оппонентом власти» [17]. Д.Р. Салихов предлагает в широком смысле оппозицию рассматривать как любую законную форму выражения несогласия, а в узком смысле – это организационно обособленное объединение граждан, деятельность которого направлена на противодействие власти [18]. Оппозиционные политические партии, как указывает С.М. Шахрай, имеют право на свободное выражение позиции, отличной от мнения большинства, право конструктивно критиковать и быть услышанными [19].

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин определяет политическую оппозицию как мирное, ненасильственное соперничество политических партий за участие в осуществлении государственной власти [20]. И.А. Алебастрова оценивает оппозицию как способ предостеречь правящую партию или правящий блок от ошибок, выявляя слабые места в деятельности правительства и содействуя тем самым повышению эффективности его деятельности, что позволяет осуществить мирную смену политических элит [21]. Таким образом, большинство ученых «оппозиционность» понимают как качество, характеризующее программные установки политической партии. Соответственно, политическая оппозиция, а далее и политическая конкуренция определяют качественную характеристику субъектов политической борьбы.

Таким образом, политическая борьба включает в себя в качестве способов осуществления и конфликт, и конкуренцию, в которой оппозиция составляет качественную характеристику субъектов политической борьбы.

Исходя из сущностного понимания политической борьбы как позитивной, необходимой и безусловной деятельности, следует отметить ее сходство с общетеоретическими категориями «юридическая деятельность» и «юридический процесс». В теории права *юридическую деятельность* определяют как элемент правовой системы общества, осуществляемый уполномоченными субъектами в соответствии с нормами права путем применения различных правовых средств, направленный на достижение социально значимых целей для удовлетворения частных и публичных интересов [22, с. 10]. В классификации Р.В. Шагиевой, соответственно, выделяется публично-правовая деятельность [23, с. 33]. Однако, как правило, субъектом юридической деятельности может быть лишь государство и его органы, наделенные компетенцией и полномочиями [24]. Государство не является участником политической борьбы за государственную власть, оно создает условия для закрепления политических прав, реализуемых субъектами политической борьбы, в законодательстве, гарантии их реализации [25, с. 9]. Учитывая сказанное, следует разграничивать юридическую деятельность и политическую борьбу в теоретико-правовом смысле.

² Толковый словарь Д.Н. Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=24717> (дата обращения: 23.01.2024).

Сходство политической борьбы с *юридическим процессом* в его широком значении [26], на наш взгляд, более очевидно. Сам по себе процесс определяется как повторяющаяся последовательность задач. Юридический процесс представляет собой системную и последовательную деятельность, урегулированную нормами права, а также правоотношения, которые возникают, существуют и прекращаются на основе и в связи с этой деятельностью [27]. По мнению Д.Н. Бахраха, юридический процесс следует относить к властной деятельности уполномоченных субъектов права, в которую входят процессы демократии, законодательные процессы, процессы деятельности исполнительной власти и процессы судопроизводства [28]. Юридическому процессу присущ признак стадийности, при этом стадии не всегда следуют друг за другом в хронологическом порядке. В свою очередь, стадия определяется как «обособленная во времени совокупность последовательно совершаемых действий и процедур, объединенных локальной самостоятельной целью и направленных на достижение предусмотренного процессуальной нормой результата, обеспечивающего достижение общей цели данного юридического процесса, характеризующаяся особым кругом участников» (цит. по: [29 с. 21–22]). Таким образом, предпринять попытку обосновать стадийность политической борьбы возможно исходя из особенностей ее объекта, целей, задач и участников.

Объектом политической борьбы является власть, что требует некоторого пояснения. Итак, власть изначально обладает конфликтной природой [30, с. 48], поскольку она есть способность и возможность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями и интересами [31]. Рассматривая политическую борьбу через призму конституционного права, следует учитывать, что в Российской Федерации функционирует единая система публичной власти. Как справедливо отметил Н.М. Добрынин, такой подход конституционного законодателя «основан на признании гомогенности природы и методов отправления в обществе любых форм публичной власти, основанных на применении юридически легализованных мер принуждения» [32, с. 14]. В юридической науке на основе положений Конституции РФ обосновывается существование различных моделей публичной власти. Так, по мнению Н.С. Малютина, публичная власть реализуется в формах государственной власти, общественной вла-

сти и власти местного самоуправления [33]. Более сложная структура представлена в исследованиях А.А. Югова, где публичная власть включает пять форм реализации – прямую публичную власть, публичную государственную власть, публичную муниципальную власть, публичную общественную (корпоративную) власть, публичную международно-правовую власть [34]. Следует определить, в каких формах реализации публичной власти происходит политическая борьба. Считаем, в тех формах, которые предполагают возможность непосредственного управления государством. Народ как источник власти в Российской Федерации не является субъектом борьбы за нее, поэтому прямую публичную власть следует исключить. Общественная власть представлена как власть институтов гражданского общества, в том числе общественных объединений. Она направлена не столько на управление государством, сколько на регулирование социальной жизни общества и связана с удовлетворением потребности людей в самоорганизации на основе общности интересов. Соответственно, политическая борьба разворачивается за государственную и муниципальную власть. Важно также учитывать особую конституционную природу муниципальной власти. По мнению Е.П. Забелиной, муниципальная власть приближена к государственной власти по своему предназначению и содержанию, но при этом она имеет особенность, которая проявляется в отсутствии муниципального аппарата принуждения, обеспечивающего исполнение муниципальных правовых нормативных актов [35]. Учитывая сказанное, объектом политической борьбы является государственная (муниципальная) власть.

Государственная (муниципальная) власть предполагает ее *легальность и легитимность*, т. е. опору на закон, и прежде всего на Конституцию, соответствие установкам и ожиданиям общества конкретного государства [36]. Учитывая это, политическая борьба призвана способствовать обретению этих качеств государственной (муниципальной) властью в России, а значит, она должна осуществляться строго в рамках правового поля. Поэтому *основные характеристики политической борьбы должны иметь конституционное закрепление*. Конституционно-правовые характеристики политической борьбы обозначил Конституционный Суд РФ при проверке положений Федерального закона «О политических партиях»³. Согласно его позиции, политические партии в открытой легальной борьбе на основе прин-

³ Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание

законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

ципов равноправия и политического плюрализма стремятся решающим образом влиять на государственную власть, участвовать в формировании органов власти и в контроле за их деятельностью. Политическая цель любой партии заключается в приобретении возможности управлять государством, а через него и всем обществом. Именно для этого они и вступают в открытую борьбу за места в парламенте⁴. Исходя из сказанного, основными конституционно-правовыми характеристиками политической борьбы являются ее *открытый и легальный характер, базирование на принципах равноправия и политического плюрализма, специальный субъектный состав участников, занимающихся политической деятельностью, наличие особой цели и правовых средств ее достижения*. Также необходимо отметить, что конституционно-правовые пределы политической борьбы установлены в ст. 3 Конституции РФ, согласно которой никто не может присваивать власть в Российской Федерации, захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону. Учитывая это, в военном праве изучают выходящие за эти пределы формы политической борьбы, например политический экстремизм [37] и войну [38]. Соперничество политических сил не должно выходить за конституционные пределы.

Следует отметить второй немаловажный аспект. *Политическая борьба способствует реализации принципа сменяемости власти*. Благодаря ей обеспечивается конкурентное участие в выборах представителей различных партий и движений, что позволяет осуществлять ненасильственную сменяемость власти, одновременно сохраняя ее преемственность и устойчивость суверенитета [39]. Указанный принцип способствует разрешению противоречий между народом и отделяемой от него властью, недопущению отчуждения власти от народа [40], что дополнительно обеспечивает легитимацию государственной (муниципальной) власти.

Основной целью политической борьбы является получение и сохранение государственной (муниципальной) власти, а также ее реализация в коллегиальном органе – парламенте или представительном органе муниципального образования.

Получение и сохранение государственной (муниципальной) власти объективируется путем занятия выборной должности главы государства, главы субъекта Российской Федерации, главы муниципального образования⁵, получения депутатского мандата. В этом случае субъектами политической борьбы в силу закона являются политические партии и кандидаты. Правовым способом достижения этой цели является участие в избирательном процессе и иных избирательных процедурах. Реализация государственной (муниципальной) власти лицом, занявшим выборную должность, осуществляется в пределах его компетенции и полномочий, что не предполагает политической борьбы.

В законодательном (представительном) органе в силу специфики процедуры принятия им властных решений политическая борьба продолжается посредством парламентского процесса, участия в работе представительных органов муниципальных образований. В этом случае круг субъектов политической борьбы включает депутатов, депутатские объединения (фракции) и политические партии.

3. Заключение

Учитывая вышеизложенное, представляется возможным считать политическую борьбу в конституционном праве одним из видов юридического процесса, имеющим две взаимообуславливающие стадии – стадию получения и сохранения государственной (муниципальной) власти и стадию ее реализации в законодательном (представительном) органе, каждая из которых имеет свою особую цель, правовое регулирование, круг субъектов, но в целом решающих единую конституционно-правовую задачу – обеспечение легализации, легитимации и сменяемости власти в демократическом государстве.

В заключение нашего исследования предлагаем следующее определение политической борьбы в конституционном праве. *Под политической борьбой в конституционном праве следует понимать открытый и легальный внутригосударственный процесс, включающий систему конституционно-правовых отношений, связанных с получением и сохранением государственной (муниципальной) власти, а также реализацией законодательным (пред-*

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2004 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона “О политических партиях” в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации “Православная партия России” и

граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 51. Ст. 5260.

⁵ Следует учитывать, что существуют иные модели избрания на должность главы субъекта Российской Федерации и главы муниципального образования, кроме прямых выборов. Это оказывает влияние на политическую борьбу.

ставительным) органом своих властных полномочий, основанный на принципах равноправия и политического плюрализма, призванный обеспечить легализацию, легитимацию и сменяемость государ-

ственной (муниципальной) власти. Дальнейшего изучения в связи с этим требуют конституционно-правовые принципы политической борьбы, стадии, правовые способы и средства ее осуществления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князев С. Д. Стабильность Конституции и ее значение для современного российского конституционализма / С. Д. Князев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 4–12.
2. Тихонова В. Я. Концепт «борьба» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Я. Тихонова. – Тюмень, 2005. – 22 с.
3. Философия : учеб. / под ред. Г. В. Андрейченко, В. Д. Грачева. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2001. – 245 с.
4. Алимов В. Ш. Тема борьбы в философских первоисточниках / В. Ш. Алимов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 5. – С. 113–117.
5. Борщ А. А. Политическая борьба как инструмент формирования среды обеспечения национальной безопасности государства в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / А. А. Борщ. – М., 2014. – 53 с.
6. Заикин А. А. Политическая борьба как борьба за лидерство и власть / А. А. Заикин // Управленческое консультирование. – 2019. – № 7. – С. 17–24. – DOI: 10.22394/1726-1139-2019-7-17-24.
7. Логинова Н. А. Политическая власть: формирование и функционирование в современной России (политико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Логинова. – М., 1992. – 23 с.
8. Романчук И. С. Свойства и признаки государственно-властных отношений / И. С. Романчук // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 11. – С. 6–8.
9. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве / С. С. Алексеев. – М., 1989. – 288 с.
10. Стребков А. И. Предметное поле и структура конфликтологии как науки и образовательной дисциплины / А. И. Стребков, М. М. Алдаганов, В. А. Антипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2009. – № 3. – С. 249–261.
11. Кинаш Ю. С. Концепт политического конфликта: попытка междисциплинарного анализа / Ю. С. Кинаш // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование: политология, экономика, право. – 2013. – Т. 6, № 3. – С. 59–71.
12. Худойкина Т. В. Юридический конфликт: теоретико-прикладное исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Т. В. Худойкина. – Н. Новгород, 2002. – 58 с.
13. Козырев Г. И. Политическая конфликтология : учеб. пособие / Г. И. Козырев. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2022. – 403 с.
14. Оспанов Т. А. Политическая конкуренция в России: конституционно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Оспанов. – М., 2015. – 23 с.
15. Долгих Ф. И. Политическая конкуренция в России и политические партии / Ф. И. Долгих // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 2. – С. 9–14.
16. Авакьян С. А. Конституционно-правовой статус политических партий в России : учеб. пособие / С. А. Авакьян. – М., 2011. – 320 с.
17. Васильева С. В. Конституционно-правовые гарантии оппозиционной деятельности / С. В. Васильева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 2. – С. 6–10.
18. Салихов Д. Р. Оппозиционная деятельность в России: проблемы и перспективы / Д. Р. Салихов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 7. – С. 52–56.
19. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для акад. бакалавриата и магистратуры / под ред. С. М. Шахрая. – 4-е изд., изм. и доп. – М., 2017. – 624 с.
20. Комментарий к Конституции Российской Федерации : постат. / под ред. В. Д. Зорькина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : Инфра-М, 2011. – 1007 с.
21. Алебастрова И. А. Большинство и меньшинство в демократической политической системе: к вопросу о гарантиях статуса оппозиции / И. А. Алебастрова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 1. – С. 17–23.

22. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. П. Беляев. – Саратов, 2006. – 55 с.
23. Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. В. Шагиева. – М., 2006. – 40 с.
24. Чуфаровский Ю. В. Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость / Ю. В. Чуфаровский // Юрист. – 1999. – № 4. – С. 13–18.
25. Московченко Ю. С. Административно-правовая охрана политических прав граждан России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. С. Московченко. – М., 2006. – 32 с.
26. Солдатова О. Е. Юридический процесс как категория общей теории права / О. Е. Солдатова // Известия Алтайского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 152–156. – DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-29.
27. Казанцев П. Г. Понятие юридического процесса и его признаки / П. Г. Казанцев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 12. – С. 2–5.
28. Бахрах Д. Н. Юридический процесс: понятие, особенности и виды / Д. Н. Бахрах // Государство и право. – 2009. – № 7. – С. 82–86.
29. Худолей Д. М. Понятие избирательного процесса / Д. М. Худолей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 18–28.
30. Федорин С. Э. Проблема власти в истории философии / С. Э. Федорин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 87. – С. 37–49.
31. Абдулазизов Т. Г. Власть как политическое основание права / Т. Г. Абдулазизов // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 21. – С. 4–8.
32. Добрынин Н. М. Конституционный принцип единства системы публичной власти: к вопросу об эволюции муниципального управления в России / Н. М. Добрынин // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 11. – С. 13–20.
33. Малютин Н. С. Публичная власть / Н. С. Малютин. – 2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. Югов А. А. Единая система публичной власти: понятие и общая характеристика / А. А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 2. – С. 16–22.
35. Забелина Е. П. Конституционная природа муниципальной власти / Е. П. Забелина // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 10. – С. 103–111. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.103-111.
36. Чиркин В. Е. Легализация и легитимация государственной власти / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1995. – № 8. – С. 65–73.
37. Пещеров Г. И. Политический экстремизм в современных условиях глобализации человечества: исторические факты, проблемы и решения / Г. И. Пещеров // Профилактика проявлений экстремизма и терроризма как фактор обеспечения социальной безопасности в современной России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – М. : РУДН, 2017. – С. 243–250.
38. Долгополов А. В. Современное понимание сущности и содержания войны / А. В. Долгополов // Вестник Академии военных наук. – 2017. – № 1. – С. 41–47.
39. Кондрашев А. А. Сменяемость власти как конституционная ценность / А. А. Кондрашев // Российский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 90–99.
40. Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти / В. А. Черепанов // Журнал российского права. – 2020. – № 11. – С. 30–44. – DOI: 10.12737/jrl.2020.131.

REFERENCES

1. Knyazev S.D. Stability of the constitution and significance thereof for the modern Russian federalism. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2015, no. 1, pp. 4–12. (In Russ.).
2. Tikhonova V.Ya. *The concept of "struggle" in the Russian language picture of the world*, Cand. Diss. Thesis. Tyumen, 2005. 22 p. (In Russ.).
3. Andreichenko G.V., Grachev V.D. (eds.). *Philosophy*, Textbook. Stavropol, Stavropol State University Publ., 2001. 245 p. (In Russ.).
4. Alimov V.Sh. Theme of struggle in philosophical source materials. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, no. 5, pp. 113–117. (In Russ.).

5. Borshch A.A. *Political struggle as a tool for forming an environment for ensuring national security of the state in the context of globalization*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 53 p. (In Russ.).
6. Zaikin A.A. Political Struggle as a Struggle for Leadership and Power. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2019, no. 7, pp. 17–24. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-7-17-24. (In Russ.).
7. Loginova N.A. *Political power: formation and functioning in modern Russia (political and legal aspect)*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1992. 23 p. (In Russ.).
8. Romanchuk I.S. Properties and features of state-power relations. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2010, no. 11, pp. 6–8. (In Russ.).
9. Alekseev S.S. *General permissions and prohibitions in Soviet law*. Moscow, 1989. 288 p. (In Russ.).
10. Strebkov A.I., Aldaganov M.M., Antipov V.A. Thematic field and the structure of conflict studies as a science and educational discipline. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political science. Law. International relations*, 2009, no. 3, pp. 249–261. (In Russ.).
11. Kinash Y.S. Concept of political conflict: the essay of inter-disciplinary analysis. *Problemy analiz i gosudarstvennoe upravlencheskoe proektirovanie: politologiya, ekonomika, pravo = Problem Analysis and Public Administration Projection*, 2013, vol. 6, no. 3, pp. 59–71. (In Russ.).
12. Khudoikina T.V. *Legal conflict: theoretical and applied research*, Doct. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2002. 58 p. (In Russ.).
13. Kozhev G.I. *Political conflictology*, Teaching aid, 2nd ed. Moscow, 2022. 403 p. (In Russ.).
14. Ospanov T.A. *Political competition in Russia: constitutional and legal aspects*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2015. 23 p. (In Russ.).
15. Dolgikh F.I. Political competition in Russia and political parties. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2019, no. 2, pp. 9–14. (In Russ.).
16. Avak'an S.A. *Constitutional and legal status of political parties in Russia*, Teaching aid. Moscow, 2011. 320 p. (In Russ.).
17. Vasil'eva S.V. Constitutional and legal guarantees of opposition activity. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2009, no. 2, pp. 6–10. (In Russ.).
18. Salikhov D.R. Oppositional activity in Russia: problems and perspectives. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2011, no. 7, pp. 52–56. (In Russ.).
19. Shakhrai S.M. (ed.). *Constitutional Law of the Russian Federation*, Textbook for academic undergraduate and graduate studies. Moscow, 2017. 624 p. (In Russ.).
20. Zor'kin V.D. (ed.). *Comments on the Constitution of the Russian Federation*, Article by article, 2nd ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2011. 1007 p. (In Russ.).
21. Alebastrova I.A. Majority and minority in democratic political system: on the issue of guarantees of the status of opposition. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2015, no. 1, pp. 17–23. (In Russ.).
22. Belyaev V.P. *Control and supervision as forms of legal activity: issues of theory and practice*, Doct. Diss. Thesis. Saratov, 2006. 55 p. (In Russ.).
23. Shagieva R.V. *The concept of legal activity in modern society*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 40 p. (In Russ.).
24. Chufarovskiy Yu.V. Legal activity: the concept and structure, its value and significance. *Yurist = Jurist*, 1999, no. 4, pp. 13–18. (In Russ.).
25. Moskovchenko Yu.S. *Administrative and legal protection of political rights of Russian citizens*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2006. 32 p. (In Russ.).
26. Soldatova O.E. The legal process as a category of the general theory of law. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*, 2014, no. 2, pp. 152–156. DOI: 10.14258/izvasu(2014)2.2-29. (In Russ.).
27. Kazantsev P.G. The concept of a legal process and its signs. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2008, no. 12, pp. 2–5. (In Russ.).
28. Bakhrah D.N. The legal process: concept, features and types. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2009, no. 7, pp. 82–86. (In Russ.).

29. Khudoley D.M. The concept of the electoral process. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University herald. Juridical sciences*, 2015, no. 2, pp. 18–28. (In Russ.).
30. Fedorin S. The issue of power in the history of philosophy. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, 2009, no. 87, pp. 37–49. (In Russ.).
31. Abdulazizov T.G. The power as the political basis of law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2009, no. 21, pp. 4–8. (In Russ.).
32. Dobrynin N.M. The constitutional principle of unity of the public government system: on the evolution of municipal administration in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2022, no. 11, pp. 13–20. (In Russ.).
33. Malyutin N.S. *Public power*. 2024. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).
34. Yugov A.A. The unified public government system: the concept and general characteristics. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2022, no. 2, pp. 16–22. (In Russ.).
35. Zabelina E.P. The Constitutional Nature of Municipal Power. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 10, pp. 103–111. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.155.10.103-111. (In Russ.).
36. Chirkin V.E. Legalization and legitimization of state power. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 1995, no. 8, pp. 65–73. (In Russ.).
37. Pescherov G.I. Political extremism in modern conditions globalization of mankind: historical facts, problems and solutions, in: *Profilaktika proyavlenii ekstremizma i terrorizma kak faktor obespecheniya sotsial'noi bezopasnosti v sovremennoi Rossii*, Proceeding of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, RUDN University Publ., 2017, pp. 243–250. (In Russ.).
38. Dolgopolov A.V. Modern understanding of the essence and substance of war. *Vestnik Akademii voennykh nauk*, 2017, no. 1, pp. 41–47. (In Russ.).
39. Kondrashev A.A. Removability of state power as a constitutional value. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2016, no. 3, pp. 90–99. (In Russ.).
40. Cherepanov V.A. On Legal Issues of the Alternation of Power. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 11, pp. 30–44. DOI: 10.12737/jrl.2020.131. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коновальчиков Ярослав Андреевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
E-mail: jarush999@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1739-7126
SPIN-код РИНЦ: 5632-4497

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yaroslav A. Konovalchikov – PhD in Law, Head, Department of Theory and History of State and Law
Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
6, Nizhegorodskaya ul., 630102, Novosibirsk, Russia
E-mail: jarush999@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1739-7126
RSCI SPIN-code: 5632-4497

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Коновальчиков Я.А. Понятие политической борьбы в конституционном праве / Я.А. Коновальчиков // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 68–77. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).68-77.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Konovalchikov Yu.A. The concept of political struggle in constitutional law. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 68–77. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).68-77. (In Russ.).

ИНФОРМИРОВАНИЕ И АГИТАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Н.Ю. Турищева^{1,2}

¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

² Избирательная комиссия Краснодарского края, г. Краснодар, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Информационное обеспечение выборов, предвыборная агитация, недостоверная информация, средства массовой информации, ответственность, цифровизация

Рассмотрены вопросы разграничения правового регулирования информирования и агитации в контексте возрастающего влияния на избирательное право глобальной информатизации и цифровизации. Правоприменительная практика демонстрирует расширение перечня субъектов, наделенных правом ведения агитации в социальных сетях, включение различных информационных ресурсов в сети «Интернет» в перечень источников распространения информации о выборах, возможность признания информационного характера в отношении материалов, распространяемых в СМИ теми субъектами, которые в силу закона являются субъектами агитационной деятельности. Стирание границ между информированием и агитацией свидетельствует о создании нового информационного электорального пространства и требует установления новых принципов его организации.

INFORMATION AND CAMPAIGNMENT IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ELECTORAL PROCESS

Natalia Y. Turischeva^{1,2}

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russia

² Electoral Commission of the Krasnodar region, Krasnodar, Russia

Article info

Received –

2025 January 20

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Election information support, election campaigning, false information, mass media, responsibility, digitalization

The subject. The article examines the basic approaches to the regulatory framework for informing and campaigning in the context of the growing influence of global digitalization on electoral law, the use of previously unknown digital technologies and the transfer of electoral legal relations to the Internet space.

The aim of the article is to identify the specific features of legal regulation of informing and campaigning in digital era.

The study of informing and campaigning was conducted with the methodology of a systems approach, formal legal interpretation of legislative acts and comparative legal analysis.

Main results. The search for an optimal mechanism for information support for elections in the context of changes in the content of the subjective rights of participants in the electoral process actualizes the need to improve the traditionally understood procedure for observing, implementing and using the law. The increasing complexity of the process of interaction between participants in legal relations and the expanding list of legal liability measures emphasize the importance of resolving law enforcement issues. The establishment of an expanded list of entities entitled to campaign in social networks, the inclusion of various information resources on the Internet (including the so-called "new media") in the list of sources of information dissemination, the possibility of recognizing the informational nature of materials distributed in the media by those entities that, by law, are subjects of campaigning activities – all this leads to the erasure of the boundaries between informing and campaigning and, in fact, to the creation of a new information electoral space for the preparation and holding of elections, requiring the establishment of new requirements and principles for its organization.

Conclusions The dissemination of campaigning in the field of the Internet space (digital services) transforms the rules for conducting campaigning. They become more unified, strictly ranked, which brings campaigning closer to informing and transfers the freedom of use of the right to the plane of compliance with the specified rules.

1. Введение

Отечественный законодатель обозначил непосредственную тесную связь между информированием и предвыборной агитацией, объединив их в общее интегрированное понятие «информационное обеспечение выборов». Однако правовая природа двух составляющих указанного понятия, а также способы их реализации продолжают оставаться дискуссионными в юридической литературе, находя различное отражение в судебной практике и решениях избирательных комиссий.

Особую актуальность указанные вопросы приобретают в преломлении кратно увеличивающимся объемам информации, размещаемой на различных ресурсах в сети «Интернет». Несмотря на минувшее 30-летие отечественной избирательной системы, поиск ответов на них продолжает оставаться в поле зрения электоральных юристов.

В известном постановлении Конституционного Суда РФ, разграничившем понятия информирования и агитации, наличие агитационной цели приведено в качестве основного критерия, позволяющего провести соответствующую грань между двумя составляющими информационного обеспечения выборов¹. Однако зачастую эта грань настолько тонка, что приводит к различному толкованию содержания указанных понятий.

Вместе с тем информирование и агитация, несмотря на очевидные различия принципов, лежащих в основе их реализации, демонстрируют тенденцию сближения правового регулирования, что особенно отчетливо проявляется в связи со смещением значительных объемов информации в интернет-пространство.

Информирование как обязанность донести до избирателей необходимую информацию об участниках избирательного процесса представляет исполнение возложенных на избирательные комиссии полномочий, в то время как агитация отражает использование принадлежащих кандидатам и партиям

прав на распространение информации о себе, своих политических взглядах и программах.

Поиск оптимального механизма информационного обеспечения выборов в контексте изменения содержания субъективных прав участников избирательного процесса актуализирует необходимость оптимизации традиционно понимаемого порядка соблюдения, исполнения и использования права в рамках информирования и агитации. Усложнение процесса взаимодействия участников правоотношений и расширяющийся перечень мер юридической ответственности подчеркивают значимость решения вопросов правоприменения.

2. Цифровая трансформация избирательного процесса

Присущие современной электоральной действительности активные процессы глобальной информатизации и цифровой трансформации избирательного права, широкое развитие общественных коммуникаций в сети «Интернет» вызывают необходимость решения соответствующих научных задач, поскольку именно праву отводится важнейшая роль в опосредовании значимых общественных отношений в сфере обеспечения информирования избирателей. По замечанию А.Е. Постникова, новые информационные реалии, связанные с повсеместным внедрением высокоэффективных средств электронных коммуникаций, дают основание применять к современному обществу такие определения, как «цифровое общество», «информационное общество», призванные отразить его новые качественные характеристики [1, с. 40].

Использование ранее неизвестных цифровых технологий, машиночитаемых форм документов влечет необходимость учета электоральных общественных отношений, которые связаны с применением новых юридических инструментов и современных коммуникаций [2, с. 59]. Возрастающее влияние цифровизации на избирательное право изменяет его содержание и формы его реализации. Как отме-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запро-

сом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 44. Ст. 4358.

чается в исследованиях, посвященных цифровым перспективам развития права, одной из его общих закономерностей станет изменение сущности права в результате конвергенции с технологическими инновациями и практиками. При этом предполагается, что нормы права и единицы информации, юридические нормы и алгоритмы станут взаимозаменяемыми [3, с. 96].

На сегодняшний день умение и желание использовать возможности и средства цифрового мира наряду со способностью к цифровому взаимодействию с ним [4, р. 182] наглядно демонстрируют, как вычислительное мышление занимает место многих других видов знания [5, с. 184].

Как отмечают Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, с изменением сферы правового регулирования происходит «появление новых явлений в праве, таких как нетипичные субъекты права, объекты правоотношений, нормы, регулирующие отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются не между людьми и их объединениями, а между цифровыми сущностями» [6, с. 85–87]. При этом возникают объективные проблемы, связанные с изменением механизма реализации права, усложнением осуществления контроля за процессом соблюдения (исполнения) соответствующих правовых предписаний.

По устоявшемуся в юридической литературе мнению, традиционное понимание права всегда было связано с отношениями между правоспособными субъектами. Однако с развитием цифровых технологий впервые появляется несубъектное право [7, с. 25]. Переход к технологиям будущего, главной из которых становится искусственный интеллект, способен изменить представление о праве как таковом².

По мнению Г.Д. Садовниковой, информационное обеспечение выборов является неотъемлемой частью избирательного процесса и, наряду с финансированием, – одной из его обеспечительных составляющих [8, с. 56].

Что изменяется в сфере информационного обеспечения выборов в связи с нарастающей цифровизацией избирательного процесса? Что сегодня представляют собой и как изменяются основные критерии информирования?

Современная российская избирательная система основана на альтернативности выбора кандидатов и партий, предусматривает право реального выбора, при этом альтернативность закрепляется за-

конодателем как обязательный и необходимый элемент проведения голосования. Информационное обеспечение выборов необходимо в силу возрастающих запросов общества на получение разносторонней информации об участниках избирательного процесса. Цифровая трансформация расширяет повестку информационного обеспечения выборов.

3. Информирование

Избирательные комиссии выступают в роли наиболее значимых субъектов, наделенных компетенцией в сфере информирования. Стало традицией в рамках конкретной избирательной кампании принимать нормативный документ об информационно-разъяснительной деятельности, устанавливающий перечень информационных материалов, доводимых до избирателей, виды комиссий, наделяемых соответствующими полномочиями по изготовлению и размещению информационных материалов, а также источники, используемые в качестве объекта размещения информации (телерадиокомпании, печатные СМИ, интернет-ресурсы, места для размещения печатной продукции и др.).

До сведения избирателей доводится разновекторная информация о виде выборов, кандидатах, способах голосования, в том числе о порядке голосования с использованием различных современных технологий – «мобильного избирателя», дистанционного электронного голосования, о возможностях использования интернет-сервисов, видеонаблюдения и др.

Информирование характеризуется особым субъектным составом, требованиями объективности и достоверности относительно предмета, в качестве которого выступает распространяемая информация [9, с. 87], а также особыми процессуальными требованиями соблюдения равенства прав участников избирательного процесса, стандартов свободных выборов [10, с. 28].

Очевидно влияние технологического прогресса на реализацию избирательных прав [11, с. 144]. Вместе с тем правоведами подчеркивается, что усталость общества от традиционных форм ведения избирательных кампаний требует новых подходов к организации электоральных процедур, основанных на технологическом и эмоциональном сближении избирателей и кандидатов [12, с. 47].

Отвечающей указанным требованиям стратегией является широкое информирование избирате-

² Сергей Переслегин: «СВО не самая важная часть фазового кризиса, голод будет страшнее!» // БИЗНЕС Online. 2024.

9 марта. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/625666> (дата обращения: 10.01.2025).

лей на официальных сайтах избирательных комиссий в сети «Интернет». Новацией явился также проект «ИнформУИК», реализованный в рамках избирательной кампании по выборам Президента РФ 2024 г. Главной идеологией проекта стало широкое информационное обеспечение, основанное на личном общении с избирателями, адресное информирование о возможных способах голосования и др.

Сегодня политика информационного обеспечения выборов всё больше ориентирована на расширение методов информирования и уточнение требований к содержанию агитационных материалов. В ходе избирательных кампаний последних лет была подчеркнута большая свобода СМИ по участию в информировании избирателей путем распространения значимой информации о выборах, о предвыборных мероприятиях, проводимых кандидатами, в том числе об агитационной деятельности кандидатов [13, с. 17].

4. Оценка содержания информационных (агитационных) материалов

Право оценки содержания соответствующих информационных (агитационных) материалов делегировано законодателем избирательным комиссиям, а также суду.

Особое значение имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ, разъясняющие порядок применения норм избирательного законодательства в конкретных ситуациях. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 17 раскрыто содержание понятий информационных и агитационных материалов, порядка их опубликования, сформулировано понятие представителей СМИ, в том числе интернет-изданий, уточнена ответственность лиц, которым адресованы предусмотренные законом требования опубликования (обнародования) информационных и агитационных материалов. Повышенное внимание уделено распространению информации в сети «Интернет», в том числе в социальных сетях³.

Значительное число рассматриваемых информационных споров позволяет Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК) РФ, опираясь на правовые позиции, выработанные судебной практикой, использовать их в своих постановлениях в качестве «информационно-разъяснительного контек-

ста». Так, в результате оценки различных материалов, выпускаемых в период избирательных кампаний, ЦИК РФ пришла к выводу о том, что простое упоминание фамилии гражданина, являющегося кандидатом, само по себе не свидетельствует об агитации со стороны редакции этого СМИ и, соответственно, не является нарушением закона. Кроме того, ЦИК РФ обратила внимание, что освещение в СМИ профессиональной деятельности кандидата не расценивается законом в качестве признака предвыборной агитации⁴.

Зачастую в правоприменительной практике не находит однозначной оценки вопрос о возможности осуществления информирования избирателей со стороны партий и кандидатов. Значительное число поступающих в избирательные комиссии обращений кандидатов содержит требование наказания их политических оппонентов за размещенную информацию в социальных сетях, блогах и т. п. Однако не вся информация, касающаяся выборов и исходящая от кандидатов и партий, является агитацией, в период избирательной кампании указанными субъектами могут распространяться и информационные материалы.

Так, в территориальную избирательную комиссию Славянская, наделенную полномочиями окружной, поступило для рассмотрения заявление кандидата П. о нарушениях избирательного законодательства при проведении выборов депутатов Государственной Думы восьмого созыва.

В своем заявлении П. указал на нарушения, допущенные, по его мнению, при размещении статьи «Новые люди назвали претендента на место в Госдуме от Анапы» в номере газеты «Вечерняя Анапа» от 8 июля 2021 г., просил привлечь к административной ответственности редакцию газеты по ст. 5.5 за нарушение порядка участия средств массовой информации в информационном обеспечении выборов и по ст. 5.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях за нарушение предусмотренных законодательством о выборах и референдумах порядка и условий проведения предвыборной агитации в периодических печатных изданиях, а в случае незаконности использования финансовых и материальных средств по размещению указанного материала – запретить его распространение. Территориаль-

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 17 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, посягающих на установленный порядок инфор-

мационного обеспечения выборов и референдумов» // СПС «Гарант».

⁴ Постановление ЦИК России от 26 августа 2016 г. № 43/441-7 // Вестник ЦИК России. 2016. № 16.

ная избирательная комиссия Славянская установила, что оспариваемая статья содержала информацию, поступившую от партии, о выдвижении на съезде политической партии «Новые люди» федерального списка кандидатов и кандидатов по одномандатным избирательным округам на выборах депутатов Государственной Думы восьмого созыва, о количестве кандидатов в общефедеральной части списка, числе сформированных региональных групп, а также о выдвижении кандидатов по каждому из восьми одномандатных избирательных округов, образованных на территории Краснодарского края.

В связи с однократностью размещения информации о партии «Новые люди», учитывая, что публикация не содержала прямых призывов голосовать за указанную партию и выдвинутых ею кандидатов, анализируемый материал не был признан агитационным. Комиссия пришла к выводу, что указанная информация соответствует принципам объективности и достоверности содержания информационных материалов, размещаемых в средствах массовой информации⁵.

5. Сближение правового регулирования информирования и агитации

Можно констатировать, что анализ законодательства и практики избирательных кампаний последних лет демонстрирует сближение правового регулирования информирования и агитации.

Наиболее ярко это проявляется в установленной законодателем обязательности публикации предвыборной программы партии, выдвинувшей не только пропорциональный список, но и кандидата по мажоритарному округу. Допустимость такой публикации наряду с печатным также и в интернет-издании в еще большей степени унифицирует этот процесс. Необходимо отметить, что такие требования традиционно предусматривает и зарубежное избирательное законодательство. Например, публикация партийных программ на выборах в Великобритании, когда политики и политические партии опубликовывают манифест в рамках своей кампании на всеобщих выборах⁶.

В мировой практике проведения выборов такой механизм позволяет сохранить партийную идентичность, обеспечивая упорядоченность в политическом процессе. При этом партии опираются на свой электорат, а в качестве инструмента борьбы за но-

вого избирателя используют программные отличия и харизму своего лидера [14].

Опубликование предвыборной программы партии фактически переводит этот материал из разряда агитационного, публикация которого предусмотрена в рамках предоставляемой в СМИ партии или кандидату печатной площади, в сферу информирования избирателей по таким признакам, как его обязательность, установление сроков публикации, указание источника опубликования и предоставление в избирательную комиссию отчетности о выполнении данных требований законодательства. При этом кандидат или партия выступают в качестве субъекта распространения этой информации. Значит ли это, что они могут выступать субъектами информирования?

Использование цифровых сервисов еще более подчеркивает сближение информирования и агитации. В частности, применение машиночитаемых форм для учета предоставляемых кандидатами и партиями агитационных материалов при вводе их образцов в задачу «Агитация» ГАС «Выборы» ведет к унификации и стандартизации этого механизма, расширяя возможности контроля агитационных материалов.

Цифровые сервисы отражают новый уровень взаимодействия участников избирательного процесса с системой избирательных комиссий в целом. При обращении кандидата (партии) к платформе госуслуг исчезает непосредственное взаимодействие между кандидатом и избирательной комиссией, кандидат взаимодействует с компьютерной программой, в связи с чем исключается субъективная оценка представляемых сведений и документов.

Информирование, осуществляемое избирательными комиссиями в сети «Интернет», приобретает характер государственной услуги. Обретая обязательные формы-параметры, предусматриваемые законом (машиночитаемые формы) для распространения информации в поле интернет-пространства (цифровых сервисов), правила проведения агитации и информирования становятся более унифицированными [15, с. 397], строго ранжированными, что сближает агитацию с информированием и переводит свободу использования права в плоскость соблюдения заданных правил [16, с. 1836].

⁵ О рассмотрении обращения кандидата П.: Решение территориальной избирательной комиссии Славянская от 30.07.2023 // Архив территориальной избирательной комиссии Славянская Краснодарского края за 2021 год.

⁶ General Elections UK: History & Principles // StudySmarter. URL: <https://www.studysmarter.co.uk/explanations/politics/uk-politics/general-elections-uk/> (дата обращения: 10.01.2025).

В сфере реализации избирательных прав особенно актуален тезис о том, что успех цифровой трансформации государственного управления в целом зависит от отношения к соблюдению прав человека [17, с. 140–141]. Использование цифровых форм реализации прав участников избирательного процесса переводит информационное обеспечение выборов на новый уровень, повышает эффективность процессов управления [18, р. 751]. Современные технологии позволяют автоматизировать ряд процессов, получать информацию о результатах в режиме реального времени. Тем самым подчеркивается влияние характера оказываемых государственных электронных услуг на показатели их качества [19, р. 651].

6. Агитация

Следует отметить устанавливаемое по умолчанию законодателя отсутствие требования достоверности агитационных материалов и отсутствие требования обязательности участия в агитации [20, с. 106]. Агитация кандидата или партии, в отличие от информирования, не имеет признаков обязательности, основана на добровольном решении (выборе) субъекта ее распространения. Особую оценку законодателя получила возможность распространения негативной агитации, наличие которой само по себе не означает ее недостоверность. Информация о кандидатах, распространяемая в период избирательной кампании, оценивается избирателями с точки зрения ее содержания, поскольку первое и самое главное предназначение такой информации – сформировать определенный образ кандидата или партии, что может быть достигнуто, в том числе путем использования манипулятивных технологий [21, с. 43–47]. Сфера повышенного риска – Интернет [22, с. 80]. Даже однократно распространенная несущая определенный негативный посыл информация уже достигает своей цели. Дальнейшие опровержения, запрет распространения не имеют принципиального значения в отношении оценки ее содержания, общим становится заявленное негативное направление информации. Однако данное положение закона подверглось критике как отражающее разницу правовых подходов регулирования права на предвыборную агитацию, с одной стороны, и права на свободу слова и распространение информации – с другой [23, с. 43–44].

7. Должна ли агитация быть достоверной?

В отличие от информационных, агитационные материалы не проходят проверку на достоверность, к ним не предъявляются требования документального

подтверждения изложенных фактов. Кандидат не несет ответственность за недостоверность информации, размещаемой им в своих агитационных материалах, а комиссии не наделены правом проверки достоверности размещенных кандидатом материалов. Как справедливо отмечает В.В. Игнатенко, обладая закрепленными в законе контрольными полномочиями по соблюдению порядка проведения предвыборной агитации, избирательные комиссии в то же время не наделены полномочиями по признанию достоверной или недостоверной информации, содержащейся в агитационных материалах, размещенных в установленном законом порядке [24, с. 24].

Учитывая повышенную значимость содержания распространяемой партиями и кандидатами в период избирательной кампании информации агитационного характера, Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 25 июня 2024 г. № 17 сформулировал правовую позицию о недопустимости создания (подготовки) агитационных материалов с использованием вводящих в заблуждение и выдаваемых за достоверные недостоверных изображений, аудио- и аудиовизуальной информации, в том числе созданных с помощью компьютерных технологий (п. 20). Тем самым впервые было сформулировано требование достоверности агитации.

Представляется целесообразным закрепить в законе положение о том, что в тех случаях, когда кандидатом используются в агитационных материалах признаки лица, наделенного специальным статусом (военнослужащий, представитель правоохранительных органов, лицо, наделенное правом ношения военной формы одежды, государственных наград и т. п.), он должен подтверждать правомерность использования соответствующего визуального образа путем предоставления необходимых документов в избирательную комиссию, организующую выборы.

8. Заключение

Предусмотренный федеральным законодателем симбиоз информирования и агитации нацелен на создание полного объема наиболее важной, разносторонней и максимально насыщенной информации, которая позволяет избирателям сделать объективный выбор. Перемещение информационного обеспечения выборов в интернет-пространство подчеркивает стирание границ между двумя составляющими информационного обеспечения выборов.

Установление расширенного перечня субъектов, наделенных правом ведения агитации в социальных сетях, включение различных информационных ресурсов в сети «Интернет» (в том числе так

называемых «новых медиа») в перечень источников распространения информации, возможность признания информационного характера в отношении материалов, распространяемых в СМИ теми субъектами, которые в силу закона являются субъектами агитационной деятельности, – всё это ведет к стиранию границ между информированием и агитацией и фактически – к созданию нового информационного электорального пространства подготовки и проведения выборов, требующего установления новых требований и принципов его организации.

Для исключения нарушений при проведении агитации в сети «Интернет» возможным является создание на портале «Госуслуги» страниц для размещения агитационных материалов партий и кандидатов, доступ к которым должны иметь избиратели соответствующего избирательного округа. При этом должны предусматриваться новые виды ответственности – административной и конституционно-правовой за нарушения при проведении агитации на подобных ресурсах.

Как показывает практика, информация, распространяемая в период избирательной кампании от имени кандидатов и партий, не обязательно носит агитационный характер. Предлагается закрепить в тексте Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме»⁷ положение о том, что наряду с другими уполномоченными субъектами информирование может осуществляться также кандидатами и избирательными объединениями.

Информационное обеспечение выборов в интернет-пространстве требует дальнейшего совершенствования, создания системы целостного устойчивого управления в рамках оказания государственных услуг [25], что способно привести, в свою очередь, к перестройке отношений между избирательными комиссиями и участниками избирательного процесса.

Должна быть расширена ответственность за недостоверность, искажение размещаемой информации о кандидатах и партиях. Праву на получение объективной и достоверной информации обо всех кандидатах должна корреспондировать ответственность за его нарушение [26, с. 44–45], что может быть достигнуто введением мер административной ответственности, в том числе за недостоверность размещаемой информации.

Информирование и агитация – две составляющие информационного обеспечения выборов, призванные обеспечить возможность осуществления избирателями полноценного и обоснованного выбора. Характерное для цифровой трансформации избирательного процесса сближение механизма правового регулирования информирования и агитации ведет к усилению контроля в целом за информационным обеспечением выборов, что в век расширения источников распространения информации, стирания границ между достоверной и фейковой информацией представляется обоснованным и закономерным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Постников А. Е. Конституционная модель политической системы России в условиях развития «цифрового общества» / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 38–49. – DOI: 10.12737/jrl.2020.053
2. Нардина О. В. Развитие альтернативных способов голосования, основанных на применении информационных технологий в избирательном процессе / О. В. Нардина, М. Д. Бандикян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 12. – С. 59–61.
3. Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции / Т. Я. Хабриева. – М. : Норма, 2024. – 168 с.
4. Papert S. Mindstorms: Children, Computers and Powerful Ideas / S. Papert. – New York, USA : Basic Books Inc. Publishers, 1980. – 238 p.
5. Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. – СПб. : Юридический центр, 2022. – 328 с.
6. Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева, Н. Н. Черногор // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 85–102. – DOI: 10.12737/art_2018_1_7.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

7. Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С. М. Зубарев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 23–32. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032.
8. Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития / под ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. – М. : Проспект, 2021. – 536 с.
9. Напсо М. Д. Тренды цифровой трансформации общества: актуальные проблемы реализации прав индивида в сфере информации / М. Д. Напсо, М. Б. Напсо // Журнал российского права. – 2021. – № 10. – С. 85–97. – DOI: 10.12737/jrl.2021.125.
10. Постников А. Е. Эволюция института выборов в России в контексте реализации конституционных принципов / А. Е. Постников // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 21–30. – DOI: 10.12737/art_2019_5_2.
11. Минбалеев А. В. Наилучшие доступные технологии и их использование для технологического развития / А. В. Минбалеев, М. А. Берестнев, К. С. Евсиков // Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле. – 2024. – № 1. – С. 144–161. – DOI: 10.46689/2218-5194-2022-2-1-509-525.
12. Волков В. Э. Электоральная идентификация: пределы индивидуализации участников избирательного процесса / В. Э. Волков // Lex russica. – 2015. – Т. 107, № 10. – С. 46–56. – DOI: 10.17803/1729-5920.2015.107.10.046-056.
13. Гончаров И. Г. Конституционные ценности в эпоху «цифровых технологий» / И. Г. Гончаров // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 11. – С. 15–17.
14. Краснов Ю. К. Победа Эммануэля Макрона на президентских выборах во Франции. Что это: спасение системы или пролог падения Пятой республики? / Ю. К. Краснов // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — Пенза : Наука и Просвещение, 2017. — Ч. 1. — С. 313–316.
15. Научные концепции развития российского законодательства : моногр. / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. – 8-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, – 2024. – 656 с.
16. Солопова Н. А. Анализ применения цифровых технологий в государственном и муниципальном управлении / Н. А. Солопова, Ж. В. Селезнева // Вестник МГСУ. – 2023. – Т. 18, № 11. – С. 1836–1845. – DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845.
17. Талапина Э. В. Права человека в цифровом государственном управлении / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 9. – С. 137–149. – DOI: 10.61205/S160565900030222-8.
18. Amelin R. The digital transformation of local government: notion and peculiarities / R. Amelin, S. Channov, A. Churikova, M. Lipchanskaya, A. Shindia, A. Sinitza // Revista Juridica: Journal of Law Studies. – 2023. – Vol. 2, no. 74. – P. 751–766. – DOI: 10.26668/revistajur.2316-753X.v2i74.4511.
19. Jansen A. The nature of public e-services and their quality dimensions / A. Jansen, S. Olnes // Government Information Quarterly. – 2016. – Vol. 33, no. 4. – P. 647–657. – DOI: 10.1016/j.giq.2016.08.005.
20. Турищева Н. Ю. Предвыборная агитация в системе правового и социально-политического регулирования выборов / Н. Ю. Турищева // Государство и право. – 2019. – № 1. – С. 102–111. – DOI: 10.31857/S013207690003654-1.
21. Васильева Л. Н. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития / Л. Н. Васильева, А. В. Григорьев // Журнал российского права. – 2020. – № 10. – С. 40–58. – DOI: 10.12737/jrl.2020.119.
22. Петрова Д. А. Правовые режимы защиты персональных данных в условиях цифровизации / Д. А. Петрова // Advances in Law Studies. – 2020. – Т. 8, № 5. – С. 79–85. – DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-79-85.
23. Арановский К. В. О конституционных основаниях запрета негативной предвыборной агитации / К. В. Арановский, О. Е. Шишкина // Российский юридический журнал. – 2009. – № 6. – С. 43–51.
24. Игнатенко В. В. Предвыборная агитация: особенности законодательного регулирования и судебной практики разрешения избирательных споров / В. В. Игнатенко // Избирательное право. – 2012. – № 1. – С. 5–25.
25. Xuesong Li. Holistic Governance for Sustainable Public Services: Reshaping Government–Enterprise Relationships in China’s Digital Government Context / Xuesong Li, Yunlong Ding // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – Vol. 17, Iss. 5. – Art. 1778. – DOI: 10.3390/ijerph17051778.
26. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, Е. Н. Клочкова, Э. В. Талапина, Я. Ю. Старцев. – М. : Дело, 2019. – 114 с.

REFERENCES

1. Postnikov A.E. Constitutional model of the political system of Russia in the context of the development of the "digital society". *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 5, pp. 38–49. DOI: 10.12737/jrl.2020.053. (In Russ.).
2. Nardina O.V., Bandikyan M.D. Development of alternative voting methods based on the use of information technology in the electoral process. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2019, no. 12, pp. 59–61. (In Russ.).
3. Khabrieva T.Ya. *Law in the Realities of the Technological Revolution*. Moscow, Norma Publ., 2024. 168 p. (In Russ.).
4. Papert S. *Mindstorms: Children, Computers and Powerful Ideas*. New York, USA, Basic Books Inc. Publishers, 1980. 238 p.
5. Lektorsky V.A. (ed.). *Man and artificial intelligence systems*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Publ., 2022. 328 p. (In Russ.).
6. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Law in the context of digital reality. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 1, pp. 85–102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7. (In Russ.).
7. Zubarev S.M. Legal risks of digitalization of public administration. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 23–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.023-032. (In Russ.).
8. Sinyukov V.N., Egorova M.A. (eds.). *Legal facts and their impact on sectoral legal institutions: problems and directions of development*. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 536 p. (In Russ.).
9. Napso M.D., Napso M.B. Trends in the digital transformation of society: current problems of realizing the rights of the individual in the field of information. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 10, pp. 85–97. DOI: 10.12737/jrl.2021.125. (In Russ.).
10. Postnikov A.E. Evolution of the institution of elections in Russia in the context of the implementation of constitutional principles. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 21–30. DOI: 10.12737/art_2019_5_2. (In Russ.).
11. Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S. Best Available Technologies and Their Use for Technological Development. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle = News of the Tula State University. Sciences of Earth*, 2024, no. 1, pp. 144–161. DOI: 10.46689/2218-5194-2022-2-1-509-525. (In Russ.).
12. Volkov V.E. Electoral Identification: Limits of Individualization of Participants in the Electoral Process. *Lex Russica*, 2015, Vol. 107, no. 10, pp. 46–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.107.10.046-056. (In Russ.).
13. Goncharov I.G. Constitutional values in the era of "digital technologies". *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2019, no. 11, pp. 15–17. (In Russ.).
14. Krasnov Yu.K. The victory of Emanuel Macron in the presidential election in France. What it is: The salvation of the system, or The prologue to the fall of the Fifth Republic?, in: *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika*, Collection of articles of the VII International scientific and practical conference, in 2 parts, Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2017, pt. 1, pp. 313–316. (In Russ.).
15. Khabrieva T.Ya., Tikhomirov Yu.A. (eds.). *Scientific concepts of the development of Russian legislation*, Monograph, 8th ed. Moscow, Norma Publ., 2024. 656 p. (In Russ.).
16. Solopova N.A., Selezneva Zh.V. Analysis of the use of digital technologies in state and municipal government. *Vestnik MGSU*, 2023, vol. 18, no. 11, pp. 1836–1845. DOI: 10.22227/1997-0935.2023.11.1836-1845. (In Russ.).
17. Talapina E.V. Human Rights in Digital Public Administration. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2024, Vol. 28, no. 9, pp. 137–149. DOI: 10.61205/S160565900030222-8. (In Russ.).
18. Amelin R., Channov S., Churikova A., Lipchanskaya M., Shindia A., Sinita A. The digital transformation of local government: notion and peculiarities. *Revista Juridica: Journal of Law Studies*, 2023, vol. 2, no. 74, pp. 751–766. DOI: 10.26668/revistajur.2316-753X.v2i74.4511.
19. Jansen A., Olnes S. The nature of public e-services and their quality dimensions. *Government Information Quarterly*, 2016, vol. 33, no. 4, pp. 647–657. DOI: 10.1016/j.giq.2016.08.005.
20. Turishcheva N.Yu. Pre-election agency in the system of legal and socio-political regulation of elections. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 1, pp. 102–111. DOI: 10.31857/S013207690003654-1. (In Russ.).
21. Vasilyeva L.N., Grigoriev A.V. Digitalization of society and prospects for constitutional development. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 10, pp. 40–58. DOI: 10.12737/jrl.2020.119. (In Russ.).

22. Petrova D.A. Legal regimes for the protection of personal data in the context of digitalization. *Advances in Law Studies*, 2020, vol. 8, no. 5, pp. 79–85. DOI: 10.29039/2409-5087-2020-8-5-79-85. (In Russ.).
23. Aranovsky K.V., Shishkina O. E. On the constitutional grounds for the ban on negative pre-election campaigning. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2009, no. 6, pp. 43–51. (In Russ.).
24. Ignatenko V.V. Pre-election campaigning: features of legislative regulation and judicial practice of resolving electoral disputes. *Izбирatel'noe pravo*, 2012, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.).
25. Xuesong Li, Yunlong Ding. Holistic Governance for Sustainable Public Services: Reshaping Government–Enterprise Relationships in China's Digital Government Context. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, vol. 17, iss. 5, art. 1778. DOI: 10.3390/ijerph17051778.
26. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Efremov A.A., Klochkova E.N., Talapina E.V., Startsev Ya.Yu. *The digital future of public administration based on results*. Moscow, Delo Publ., 2019. 114 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Турищева Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ¹доцент кафедры конституционного и административного права, ²секретарь
¹ Кубанский государственный университет
² Избирательная комиссия Краснодарского края
¹ 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
² 350000, Россия, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 30
E-mail: nturischeva23@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1032-4271
РИНЦ AuthorID: 508263

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Турищева Н.Ю. Информирование и агитация в контексте цифровой трансформации избирательного процесса / Н.Ю. Турищева // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 78–87. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).78-87.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Natalia Y. Turischeva – PhD in Law, Associate Professor; ¹Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law; ²Secretary
¹ Kuban State University
² Electoral Commission of the Krasnodar region
¹ 149, Stavropol'skaya ul., Krasnodar, 350040, Russia
² 30, Gimnazicheskaya ul., Krasnodar, 350000, Russia
E-mail: nturischeva23@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1032-4271
RSCI AuthorID: 508263

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Turischeva N.Y. Information and campaigning in the context of digital transformation of the electoral process. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 78–87. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).78-87. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ THE LAW ENFORCEMENT BY THE LOCAL AUTHORITIES

УДК 342.25+342.9+349.442

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).88-99

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИЙ «УМНОГО» ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Е.В. Гриценко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 июля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

«Умный» город, цифровая трансформация, правовое регулирование, международные стандарты «умных» устойчивых городов, показатели эффективности «умных» городов в России, муниципально-территориальное устройство, административно-территориальное устройство, пространственное развитие

«Умный» город рассматривается в качестве предмета правового регулирования с учетом разнообразных трактовок как самого понятия, так и выработанных в мировой практике и в урбанистической теории моделей «умных» городов. На основе анализа международно-правовых документов обосновывается необходимость перехода к комплексному восприятию «умного» города, включающему, помимо технологического элемента, достижение целей устойчивого развития на местах, вовлечение в процесс принятия решений всех заинтересованных субъектов, а также эффективное взаимодействие всех уровней публичной власти. Делаются выводы о том, что практика реализации в Российской Федерации ведомственного проекта цифровизации городского хозяйства, как и связанных с ним проектов безопасного города, экологического благополучия, цифровизации государственного и муниципального управления, демонстрирует насущную потребность упорядочения и внутреннего согласования показателей, входящих в стандарт «умного» города. Кроме того, необходимо выработать единый подход к базовым понятиям территориального устройства и пространственного развития, преодолеть смещение муниципального и административно-территориального устройства. Только на этой основе возможно системное восприятие территорий, в рамках которых обеспечивается комплексное развитие с использованием информационных технологий.

THE LEGAL FRAMEWORK FOR SMART CITY CONCEPTS: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Elena V. Gritsenko

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2025 July 10

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Smart city, digital transformation, legal regulation, international standards of smart sustainable cities, key performance indicators of smart cities in Russia, municipal-territorial structure, administrative-territorial structure, spatial development

The subject. The content of a smart city as a subject of legal regulation is revealed, taking into account various interpretations of both the concept itself and the models of smart cities developed in world practice and urban theory (technocratic model, triple helix model, quadruple helix model). Various options for legal formalization of the smart city concept in the Russian Federation are considered.

The purpose of the article is to identify problems and deficiencies in the existing legal framework for smart cities in the Russian Federation and to develop proposals for overcoming them.

Methodology. The methodological basis of this research includes, in addition to formal legal method, methods of comparative legal analysis, historical-legal method, and modeling method. Moreover, sociological methods were used.

Main results. Based on the analysis of international legal documents, the necessity of transition to a comprehensive perception of a smart city is substantiated. This perception includes, in addition to the technological element, the achievement of sustainable development goals at the local level, involvement of all stakeholders (science, business, civil society) in the decision-making process, and effective interaction of all levels of public authority.

Conclusions. The legal framework of Russian smart cities, represented by sublegislative acts implementing plans and programs, is characterized by flexibility, mobility, and inconsistency.

The practice of implementing the departmental project for digitalization of urban economy in the Russian Federation, as well as related projects of safe city, environmental well-being, and digitalization of state and municipal governance, demonstrates the urgent need for streamlining and internal coordination of indicators included in the smart city standard. Furthermore, it is necessary to develop a unified approach to basic concepts of territorial structure and spatial development, and to overcome the confusion between municipal and administrative-territorial structure. Only on this basis is it possible to achieve a systematic perception of territories where comprehensive development using information technologies is ensured.

1. Введение

Решение задачи комплексного развития территории на современном этапе не может обойтись без использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в целях достижения устойчивого развития и обеспечения достойного уровня благосостояния граждан в местах их непосредственного проживания. Описание этих целей наиболее полно и точно воплотилось в концепции «умного» города (*smart city*) – глобальном тренде, получившем распространение и признание не только на муниципальном, региональном, национальном уровнях, но и в наднациональном и международном масштабе.

Российская Федерация также активно движется в указанном направлении. Москва с 2019 г. имеет сертификат ООН за достижения в развитии «умного» устойчивого города в рамках глобальной инициативы «Объединяйтесь ради умных устойчивых городов» (*United for Smart Sustainable Cities, U4SSC*), причем этот сертификат был вновь подтвержден столицей в 2024 г. по результатам оценки по 80 критериям¹. Кроме того, всё более широкое распространение получают отечественные рейтинги и конкурсы по определению качества продвижения муниципалитетов в реализации концепции «умного» города. Приказом Минстроя России в 2020 г. в конкурсе «Лучшая муниципальная практика» была введена номинация, связанная с внедрением цифровых технологий и платформенных решений в модернизацию городского хозяйства².

Несмотря на заметный бум в развитии концепций и технологий «умных» городов в мировом мас-

штабе и активизацию междисциплинарного исследовательского интереса к этому феномену со стороны представителей различных научных направлений: экономистов, географов, урбанистов, регионоведов, управленцев, экологов, программистов, информатиков, инженеров, архитекторов-градостроителей, социологов, политологов, юристов, – сохраняется разнообразие подходов как к пониманию «умного» города, так и к трактовке показателей его эффективности. При этом существенно отстает поиск адекватных правовых инструментов, необходимых для выработки оптимальной модели «умного» города, ее эффективного внедрения с учетом минимизации и предотвращения негативных последствий цифровизации на муниципальном уровне.

Рассмотрим подробнее, что же включается в понятие «умного» города, каково значение международно-правового регулирования концепций и показателей «умных» городов, каковы особенности правовой регламентации «умных» городов и показателей их эффективности в Российской Федерации и каковы перспективы комплексного интегративного подхода к этому регулированию.

2. «Умный» город как предмет правового регулирования

«Умный» город – достаточно условное понятие, его значение не ограничивается сугубо буквальным смыслом. Соответственно, определение «умный», или, в иных переводах слова *smart* на русский язык, «разумный», «интеллектуальный», «интеллигентный», вовсе не ограничивается связанностью с информационными технологиями. Речь идет также об инновациях во всех сферах жизнедеятельности и

¹ Москва получила сертификат ООН за достижения в развитии умного города // Портал Мэра и Правительства Москвы. 2024. 15 окт. URL: <https://www.mos.ru/news/item/145234073/>.

² Приказ Минстроя России от 9 июля 2020 г. № 368/пр «Об утверждении формы конкурсной заявки муниципального образования и методики оценки конкурсных заявок муницип-

ципальных образований, представляемых для участия в номинации «Модернизация городского хозяйства посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений ("умный город")» Всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика»». Здесь и далее, если не указано иное, нормативные правовые акты и судебные решения приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

достижении целей устойчивого развития. При этом под городом понимается не только городское поселение как муниципальный субъект, населенный пункт или административно-территориальная единица, но и иная территория – сельские поселения, общины, а иногда и части городских или сельских поселений, реализующие проекты «умного» города. Так, участниками второй категории номинации конкурса «умных» городов в России являются сельские поселения. В роли «умных» городов по всему миру выступают сообщества, муниципалитеты, общины, коммуны (*communities*), в которых реализуются местные инновационные системы и проекты «умных» городов³. Наконец «умными» городами называются и не имеющие самостоятельного муниципального статуса специально создаваемые пространства для реализации новаторских инновационных проектов, являющиеся частью территорий других городов, причем зачастую также обладающих статусом «умных» мегаполисов (как, например, Экспо-сити в Шанхае (Китай), Рублёво-Архангельское (СберСити) в Москве; также см.: [1, с. 810]).

Содержательное наполнение «умного» города различается в зависимости от избранной модели *smart city*. Моделирование же увязывается с типом «умного» города либо с этапом его становления и развития. Типология «умных» городов проводится обычно по критериям не только численности населения, муниципального или административно-территориального статуса модернизируемой территории, но и по порядку реализации проекта «умный город». По последнему критерию выделяются: 1) новые, специально создаваемые инновационные «умные» города – как специализирующиеся на конкретном направлении, так и нацеленные на комплексное развитие на основе ИКТ и с использованием искусственного интеллекта (Сонгдо в Южной Корее, Масдар в ОАЭ, Дхолера в Индии, Фудзисава в Японии, Неом в Саудовской Аравии, Сколково и Иннополис в России и мн. др.); 2) города со своей историей, существовавшие и до реализации проекта «умного» города в качестве самостоятельных муниципальных или административно-территориальных единиц и переживающие этап модернизации городского хозяйства и управления в новых условиях [1, с. 810; 2, с. 3].

Этапы создания и дальнейшей модернизации *smart cities* также лежат в основе их дифференци-

ции по поколениям. На эту эволюцию «умных» городов было обращено внимание и в докладе Фонда «Центр стратегических разработок Северо-Запад» о технологиях для «умных» городов, где авторы с опорой на зарубежные источники выделили три поколения «умных» городов: *smart city* 1.0 (доступ сити-менеджеров к цифровой инфраструктуре), *smart city* 2.0 (развитие городского управления с включением предпринимательских структур в рыночные сегменты «умного» города) и *smart city* 3.0 (вовлечение всех групп участников – частного сектора, академической среды, кластеров, сообществ, граждан, власти – в формирование устойчивых экосистем) [2, с. 5–6]. В российской экономической литературе можно встретить и несколько отличающиеся интерпретации поколений «умных» городов, которые в целом не противоречат подходу, представленному в докладе Фонда [3, с. 795]. Таким образом, можно констатировать, что выбор модели «умного» города зависит от типа модернизируемой территории, этапа и уровня развития городской и цифровой инфраструктуры, социально-экономического и экологического состояния города или муниципалитета, культурных особенностей, уровня гражданской активности и вовлеченности граждан в решение городских проблем.

Как показывает анализ урбанистической литературы, для моделирования «умных» городов могут быть использованы концепции, предложенные исследователями урбанизации еще во второй половине прошлого века. Они удачно адаптируются к современным тенденциям развития «умных» городов. Так, *технократическая модель* города будущего, предложенная еще П. Холлом [4], дала основу современным подходам к трактовке «умных» городов как, прежде всего, использующих передовые технологии. Технократическая концепция сосредоточена на внедрении цифровых технологий, оценке эффективности в зависимости от уровня цифровизации городской инфраструктуры и автоматизации процессов. Соответственно, технократическая модель «умного» города характерна прежде всего для специально и заново создаваемых инновационных городов, под которые собирается население, также она получает распространение на первом этапе создания «умных» городов, когда первоочередной задачей выступает внедрение цифровых технологий в городское управление и хозяйство (первое поколение «умных» городов).

³ Технический комитет 268 Международной организации по стандартизации (далее – ИСО), в котором разрабатываются стандарты для «умных» городов, в связи с этим име-

ется *Sustainable cities and communities* («Устойчивые города и сообщества»).

Следующим шагом в продвижении представлений о модернизации территориального экономического развития явилась так называемая *модель «тройной спирали»* (*The Triple Helix Model*), предложенная еще в 1995 г. Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом [5]. Ученые представили инновационное развитие как взаимодействие трех звеньев спирали – трех групп субъектов, а именно: университетов, промышленности и правительства. Модель тройной спирали характерна для этапа сервисного государства и сервисного муниципалитета, она предполагает наличие в качестве рамочных условий развитой научной и образовательной основы и благоприятной предпринимательской среды. Применительно к современным концепциям «умного» города модель «тройной спирали» представляет *smart city* как эффективную кооперацию науки, бизнеса и всех уровней власти для обеспечения качества оказываемых услуг (второе поколение «умных» городов), т. е. акцент делается на сервисный характер «умного» города и на публично-частное партнерство.

Существенный вклад в понимание комплексного характера инновационного развития внесла модель «четверной спирали» (*The Quadruple Helix Innovation Model*), раскрытая в серии статей Э. Караянниса и Д. Кэмпбелла, предложивших в 2009 г. дополнить модель тройной спирали четвертым звеном – гражданским обществом [6]. Примечательно, что и до 2009 г. в урбанистических исследованиях настойчиво продвигалась идея «умного» города как основанного на «умном» сочетании способностей и действий самостоятельных, независимых и сознательных граждан. Именно так определял *smart city* Центр регионалистики Венского технологического университета (*Centre of Regional Science Vienna University of Technology*) в отчете по проекту «Умные города. Система построения рейтинга европейских городов, средних по площади и численности населения»⁴.

Дальнейшее развитие этой интегративной модели направлено также на учет, наряду с демократи-

ческим участием, экологических аспектов и потребностей, которые могут характеризоваться уже как пятое звено спирали [7]. Данный комплексный подход применительно к «умному» городу позволяет рассматривать его как целостную экосистему. Интегративная модель «умного» города, именуемая также «субъектной», получила широкое распространение и в российской урбанистической и регионоведческой литературе: она предполагает более полный учет роли всех субъектов в процессе реализации концепции «умного» города, дальнейшее усиление гражданского участия в принятии умных решений и достижении целей устойчивого развития, формирование городской идентичности с учетом культурных и национальных особенностей [8–10]. Модель четверной спирали и ее дальнейшие модификации связаны с последним поколением *smart cities*, усложнением задач «умных» городов и использованием для их решения элементов партисипаторной демократии и потенциала гражданской активности, они утверждают комплексный подход к понятию «умного» города, акцентируя внимание на экологических аспектах и целях устойчивого развития.

3. Международно-правовое регулирование «умных» городов: «мягкое право»

Международно-правовая основа концепций «умных» городов включает как общие международно-правовые акты «мягкого права», устанавливающие фундаментальные принципы, связанные с доступом к информации, информационным технологиям, развитием цифровой инфраструктуры и электронного правительства, использованием искусственного интеллекта по всем направлениям⁵, так и акты, программы, инициативы, стандарты, непосредственно определяющие жизнедеятельность «умных» городов и также носящие рекомендательный характер. Последние связаны в первую очередь с уже упомянутой выше глобальной инициативой ООН *U4SSC*, стартовавшей в мае 2016 г. в качестве продолжения предшествующих программ и проектов ООН

⁴ Отчет был представлен в 2007 г. по результатам реализации проекта, направленного на выработку системы построения рейтинга европейских городов, средних по площади и численности населения (от 100 тыс. до 500 тыс. жителей), с целью оценки привлекательности городских регионов. Несмотря на то, что термин *smart city* к тому времени уже был известен в литературе по пространственному планированию и урбанистике, его целостное восприятие отсутствовало, см.: Smart cities: Ranking of European medium-sized cities. Vienna: Vienna University of Technology,

2007. Р. 11. URL: https://www.smart-cities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf.

⁵ Для развития проектов «умных» городов ключевое значение имеют, в частности, Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. (Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56), Рекомендации Совета ОЭСР по искусственному интеллекту от 22 мая 2019 г. (<https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>).

по объединенным «умным» городам⁶ и выступающей в качестве международной платформы для обмена опытом институциональных реформ и цифровой трансформации в соответствии с целями устойчивого развития (далее – ЦУР), и прежде всего ЦУР 11 – обеспечение инклюзивности, безопасности, устойчивости и стабильности городов и населенных пунктов. Сочетание идеи «умного» города с целями устойчивого развития и гражданского участия нашло отражение также в Рекомендациях Международного союза электросвязи (*International Telecommunication Union, ITU*; далее – МСЭ)⁷. Помимо общих подходов к характеристике *smart city*, рекомендации МСЭ создают международно-правовую основу стандартизации «умных» устойчивых городов, устанавливают имеющие рекомендательный характер *ключевые показатели эффективности и результативности (Key Performance Indicators, KPI)* по трем ведущим направлениям – экономика, окружающая среда, социально-культурное развитие (общество и культура)⁸.

При этом значимой формой международно-правового регулирования стандартов для «умных» устойчивых городов являются документы упомянутой выше МОС (*International Organization for Standardization, ISO*; <https://www.iso.org/about>), независимой неправительственной экспертной ассоциации, всемирной федерации национальных органов по стандартизации из более чем 170 стран. Международные стандарты, издаваемые МОС и перио-

дически пересматриваемые, не являются обязательными, также имеют рекомендательный характер и служат ориентиром для выработки национальной политики в соответствующей сфере, для стратегического планирования, организации учета, упорядочения отчетности, мониторинга и контроля.

Применительно к «умным» устойчивым городам МОС предложила целую серию международных стандартов. Так, Стандарт ISO 37120, разработанный комитетом TC 268 «Устойчивые города и сообщества», актуализированный в 2018 г., содержит индикаторы городских услуг и качества жизни, основанные на сочетании показателей «разумности», «интеллектуальности» города (*smart city*), с одной стороны, и показателей его устойчивости и адаптивности (*resilience city*) – с другой⁹. Несмотря на условное разделение показателей на две группы, стандарт устанавливает методологию комплексной и целостной оценки эффективности городских услуг и качества жизни на основе системы индикаторов, которые позволяют обеспечить единый подход к тому, что и как измеряется, и применимы к городам и муниципалитетам, независимо от их размера и месторасположения. Предложенный стандарт опирается на принципы управления, закрепленные в ISO 37101¹⁰ и других стратегических документах. Стандарт ISO 37122, выпущенный в 2019 г. в развитие ISO 37120, обобщает показатели интеллектуальности и устойчивости как индикаторы эффективности для

⁶ С 2014 г. тема «умных» устойчивых городов являлась приоритетом в работе Европейской экономической комиссии ООН, тогда же был запущен проект «Объединенные умные города» (*United smart cities*), подробнее см.: Доклад Habitat III, Issue papers 21 “Smart cities”, 2015. URL: https://habitat3.org/wp-content/uploads/Habitat-III-Issue-Paper-21_Smart-Cities-2.0.pdf.

⁷ См. определение понятия ««умный» устойчивый город» (*smart sustainable city*): «это инновационный город, использующий информационно-коммуникационные технологии и другие средства для повышения качества жизни, эффективности деятельности и услуг в городах, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, природоохранных, а также культурных аспектах» (п. 3.2.2 Рекомендации ITU-T Y.4900/L.1600 «Обзор ключевых показателей деятельности “умных” устойчивых городов» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12627>)).

⁸ См., прежде всего, рекомендации МСЭ серии ITU-T Y.4900 – *Key performance indicators definitions for smart sustainable cities: ITU-T Y.4901/L.1601* «Ключевые показатели деятельности, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий в “умных”

устойчивых городах» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12661>), Y.4902/L.1602 «Ключевые показатели деятельности, связанные с воздействием информационно-коммуникационных технологий на устойчивость “умных” устойчивых городов» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12662>), ITU-T Y.4903/L.1603 «Ключевые показатели деятельности “умных” устойчивых городов для оценки достижения целей в области устойчивого развития» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12884>) – и приложение 39 (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12977>) к ней, а также рекомендации ITU-T L.1430 «Методика оценки воздействия на окружающую среду проектов по снижению выбросов парниковых газов и потребления энергии на основе информационно-коммуникационных технологий» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/11904>) и ITU-T L.1440 «Методика оценки воздействия информационно-коммуникационных технологий на окружающую среду на уровне городов» (<https://handle.itu.int/11.1002/1000/12431>).

⁹ ISO 37120:2018 Sustainable cities and communities – Indicators for city services and quality of life. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/68498.html>.

¹⁰ ISO 37101:2016 Sustainable development in communities – Management system for sustainable development –

«умных» городов, предлагая комплексное определение *smart city*¹¹.

Стандарты МОС воспринимаются государствами-участниками в качестве национальных стандартов и таким образом включаются в национальные правовые системы. В Российской Федерации названные стандарты были утверждены в качестве национальных стандартов и введены в действие приказами Росстандарта¹² в соответствии с Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 162). Согласно ст. 26 ФЗ № 162 они подлежат добровольному применению в российской правовой системе, однако могут приобретать обязательный характер для субъекта, принимающего на себя обязанность соответствия этому стандарту. Кроме того, с включением национальных стандартов в российскую правовую систему открываются возможности для их добровольного применения при разработке профильными министерствами показателей для «умных» городов, как, например, стандарта «Умного города» Минстроя России и показателей цифровой зрелости органов публичной власти, утверждаемых приказами Минцифры России.

Кроме того, развитие проектов «умных» городов является одним из приоритетных направлений Организации экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD*; далее – ОЭСР), которая с июля 2019 г. запустила Программу по «умным» городам и инклюзивному росту (*The OECD Programme on Smart Cities and Inclusive Growth*) для оценки и измерения эффективности «умных» городов и их вклада в инклюзивный рост и благополучие¹³. Программа ОЭСР и предложенные в ней показатели и рекомендации являются важным ориентиром для разработки

национальных, региональных и муниципальных программ, стратегий развития, планов модернизации и цифровизации, методологической основой для формирования национальных методик оценки эффективности развития городских территорий на основе единых критериев, для создания систем мониторинга городского развития и механизмов контроля инвестиций, для обеспечения баланса между технологическим развитием и социальными потребностями. Наконец, развитие «умных» устойчивых городов в мировом масштабе соответствует также целям Всемирного банка как международной финансовой организации, стремящейся к реализации долгосрочных экономических проектов и сокращению бедности в мире, в том числе через Программу глобального партнерства «Умный город» (*Global Smart City Partnership Program, GSCP*), учрежденную в 2018 г.¹⁴

Отсутствие юридически обязательного характера у международных актов, посвященных «умным» городам, не умаляет их роли как вспомогательной и методологической основы, ориентирующей для разработки национальных стратегий развития информационного общества, электронного правительства, «умных» городов, для формирования национальной политики и национального законодательства в указанных сферах.

4. Развитие правовой основы «умных» городов в Российской Федерации

В России задача развития «умных» городов признаётся в качестве приоритетной на уровне национальных проектов, федеральных, региональных и муниципальных программ и стратегических планов¹⁵. Вместе с тем российские законы, регулирующие осуществление публичной власти в субъектах

Requirements with guidance for use / Устойчивое развитие в сообществах. Система менеджмента для устойчивого развития. Требования и руководство для использования. URL: <https://www.iso.org/standard/61885.html>.

¹¹ ISO 37122:2019 Sustainable cities and communities – Indicators for smart cities. URL: <https://www.iso.org/ru/standard/69050.html>.

¹² См.: ГОСТ Р ИСО 37101–2018 Устойчивое развитие в сообществах: утв. Приказом Росстандарта РФ от 7 авг. 2018 г. № 461-ст: введ. в действие с 1 марта 2019 г.; ГОСТ Р ИСО 37120–2020 Показатели городских услуг и качества жизни: утв. Приказом Росстандарта РФ от 25 авг. 2020 г. № 523-ст: введ. в действие с 1 авг. 2021 г.; ГОСТ Р ИСО 37122–2023 Устойчивое развитие сообществ. Показатели для умных городов: утв. Приказом Росстандарта от 16 авг. 2023 г. № 663-ст: введ. в действие 1 сент. 2023 г.

¹³ URL: <https://www.oecd.org/en/about/programmes/the-oecd-programme-on-smart-cities-and-inclusive-growth0.html>.

¹⁴ Подробнее см.: URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/global-smart-city-partnership-program>. По состоянию на 2023 г. GSCP поддержала 22 проекта, преимущественно в сфере городского хозяйства и транспорта, при этом на Африку приходится самая значительная доля – 32 %.

¹⁵ В Российской Федерации реализуется ведомственный проект по цифровизации городского хозяйства «Умный город», паспорт которого утвержден Приказом Минстроя России от 27 декабря 2021 г. № 1014/пр (<https://www.minstroyrf.gov.ru/docs/379141/>), в рамках федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» Национального проекта «Инфраструктура для жизни» (до 2025 г. – Национального проекта «Жилье и городская среда»). Ведомственный проект направлен на достижение

Российской Федерации и на местах, продолжают ориентироваться преимущественно на «аналоговые», а не цифровые правоотношения. Так, и в принятых после конституционной реформы 2020 г. российских законах об организации публичной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации новые цифровые возможности региональной и местной власти практически не получили отражения, за исключением положений о допущении «дистанционного взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти», а также «дистанционного участия депутатов в заседаниях представительных органов», порядок которых устанавливается законами субъектов Российской Федерации и уставами муниципальных образований¹⁶.

Таким образом получается, что современная правовая основа «умных» городов в России представлена разрозненными подзаконными актами, принимаемыми на базе стратегических и программных документов. Речь идет в первую очередь об актах Минстроя России, который во исполнение ведомственного проекта «Умный город» Приказом от 28 сентября 2023 г. № 696/пр утверждает стандарт «Умного города» – перечень базовых и дополнительных показателей, характеризующих достижение целевых требований по цифровизации городского хозяйства; их плановые значения; методику расчета и оценки эффективности цифровой трансформации городского хозяйства в Российской Федерации (*IQ* городов), а также порядок проведения отбора муниципальных образований в целях реализации пилотных проектов и оценки их эффективности¹⁷. Здесь же определяются показатели стандарта «Умного города» в 15 сферах: цифровая трансформация государственного и муниципального управления; развитие городской среды и ЖКХ; строительство; энергетика; безопасность; геоинформационные технологии; здравоохранение; куль-

тура; молодежная политика; наука и высшая школа; образование; предпринимательство; спорт; транспорт; экология (Приложение № 1).

Объектом учета являются субъекты Российской Федерации и муниципальные образования типа городских и муниципальных округов (районов). Соответственно, Индекс «*IQ* городов» предлагается рассчитывать по муниципальным образованиям указанных типов в зависимости от численности населения в них. Именно эти муниципалитеты в рамках своей категории участвуют в отборе для реализации проектов по Приказу Минстроя России от 28 сентября 2023 г. № 696/пр, они же выступают третьей стороной соглашения с Минстроем России и субъектом Российской Федерации о реализации пилотного проекта цифровизации городского хозяйства на территории муниципального образования в случае успешного прохождения отбора.

В то же время практически каждая из названных сфер учета не исчерпывается базовыми и дополнительными показателями «умного» города, оценка ее состояния и развития более подробно раскрывается в приказах других уполномоченных министерств и в рамках других смежных национальных проектов. Например, базовые и дополнительные показатели сферы безопасности стандарта «Умного города» не охватывают всего комплекса вопросов безопасной среды, а касаются только доли транспортных средств определенных категорий, используемых для перевозки опасных грузов (п. 5 Приложения № 1 к Приказу Минстроя России от 28 сентября 2023 г. № 696/пр). Таким образом, система «Безопасный город» в правовом отношении пока не интегрирована в стандарт «Умного города», реализуется параллельно, имеет собственную программную и правовую основу на всех уровнях публичной власти, собственные показатели оценки эффективности.

национальных целей и стратегических задач развития Российской Федерации, получивших отражение в программных указах Президента РФ (см., напр., Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542>)). Также о принципах и этапах развития современного «умного» города в Санкт-Петербурге см. пп. 2 п. 6 и п. 9 Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года, утвержденной Законом Санкт-Петербурга от 19 декабря 2018 г. № 771-164 (https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/).

¹⁶ Часть 2 ст. 2 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – ФЗ № 414), ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33).

¹⁷ Приказ Минстроя России от 28 сентября 2023 г. № 696/пр «Об организации исполнения ведомственного проекта Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации цифровизации городского хозяйства «Умный город» и признании утратившими силу некоторых актов Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации».

Согласно Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 3 декабря 2014 г. № 2446-р; далее – Концепция «Безопасный город») функция главного координатора по вопросам внедрения системы и ее контроля на федеральном уровне возложена на МЧС РФ, которое и устанавливает *критерии и показатели* эффективности использования комплекса «Безопасного города» для субъектов Российской Федерации и далее через уполномоченные органы субъектов Российской Федерации – *критерии и показатели* для муниципальных образований¹⁸.

Точно так же сфера экологии имеет продолжение в не охватываемых стандартом «Умного города» показателях реализации национальной цели развития и национального проекта «Экологическое благополучие», государственной программы РФ «Охрана окружающей среды» через различные федеральные проекты («Чистый воздух», «Сохранение биоразнообразия и развитие экологического туризма», «Генеральная уборка», «Чистая вода» и др.)¹⁹. Эти показатели определяются, соответственно, профильным Министерством природных ресурсов и экологии (Минприроды России)²⁰.

Наконец, задачи повышения качества и цифровизации муниципальных услуг, муниципальных сервисов и функций, а также развития электронной коммуникации в сфере публичного управления явля-

ются предметом еще одного федерального проекта – «Экономика данных и цифровая трансформация государства»²¹. При этом показатель «Цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта, наряду с другими показателями качества среды для жизни, качества дорожного хозяйства в опорных населенных пунктах, городских агломерациях и городах, является одним из критериев оценки эффективности деятельности глав регионов²². По поручению Правительства РФ показатель цифровой зрелости государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы определяет Минцифры России как уполномоченный федеральный исполнительный орган в этой сфере через применение цифровых платформ, искусственного интеллекта и больших данных²³. При этом среди отраслей социальной сферы, помимо образования, здравоохранения, науки, физкультуры и спорта, выделяется также «Городская среда и ЖКХ» с платформами «Умный город» и «Безопасная среда». А к ключевым отраслям экономики, помимо топливно-энергетического комплекса, обрабатывающих отраслей промышленности, финуслуг, относятся строительство, транспорт, сельское хозяйство, экология и природопользование, туристическая индустрия.

¹⁸ Разд. VI Концепции «Безопасный город»; План мероприятий по реализации Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса технических средств «Безопасный город» на период 2016–2020 гг., утв. Министерством по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий РФ 15 июня 2016 г. № 2-4-35-64-14.

¹⁹ Пункты 1 «г», 5 Указа Президента РФ № 309 от 7 мая 2024 г.; Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 326 в ред. от 14 мая 2025 г. № 640 «Об утверждении государственной программы РФ «Охрана окружающей среды»».

²⁰ См., напр., Сводный индекс обработки (сортировки), утилизации и захоронения ТКО, утвержденный Приказом Минприроды РФ от 29 декабря 2020 г. № 1119.

²¹ Реализация федерального проекта «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика РФ» была завершена 31 декабря 2024 г. С 2025 г. паспорт федерального проекта был обновлен в рамках национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (обновленный паспорт проекта утвержден протоколом проектного комитета 26 ноября 2024 г. № 1-пр). Паспорта федеральных проектов сформированы и размещены в государственной интегрированной

информационной системе управления общественными финансами «Электронный бюджет» (<https://budget.gov.ru/Национальные-проекты/Перечень-федеральных-проектов>), см.: Письмо-разъяснение Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 9 ноября 2021 г. № П19-20582-ОГ // СПС «КонсультантПлюс».

²² Перечень показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации в настоящее время утвержден Указом Президента РФ от 28 ноября 2024 г. № 1014. Также см.: Методики расчета фактически достигнутых и плановых значений показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации: утв. Постановлением Правительства от 28 января 2025 г. № 58 (ред. от 17 июня 2025 г.).

²³ Методика расчета показателя «Достижение “цифровой зрелости” государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы»: утв. Приказом Минцифры РФ № 1210 от 28 декабря 2024 г.

Подводя промежуточный итог анализу столь пестрого и динамичного подзаконного регулирования показателей, так или иначе затрагивающих характеристику территории в качестве «умной», можно констатировать, во-первых, весьма узкий подход к трактовке «умного» города при определении его стандарта в актах Минстроя России, а во-вторых, отсутствие достаточной проработки и учета утвержденных Росстандартом и введенных в действие с 2019 по 2023 г. для добровольного применения национальных стандартов «умных» городов ГОСТ Р ИСО. Например, хотя в п. 3.4 ГОСТ Р ИСО 37122–2023 было предложено комплексное определение умного города (*smart city*), Минстрой России сосредоточил свое внимание лишь на его технологической составляющей (цифровизации городского хозяйства), затронув по касательной или вовсе оставив за пределами учета и оценки показатели безопасности, адаптивности, устойчивости, а также вовлеченности населения в решение задач «умного» города. В-третьих, объектами учета в рамках стандартизации «умного» города являются как муниципальные образования, так и субъекты Российской Федерации. Содержательный анализ учитываемых показателей свидетельствует об отсутствии во многих случаях у муниципалитетов необходимых полномочий для обеспечения их исполнения. Категоризация муниципальных образований для определения стандарта «Умного города», как и «IQ городов», предлагаемая Минстроем России, производится без учета муниципального и административно-территориального статуса объектов учета. При этом в актах Минстроя России не находит объяснения тот факт, что в качестве муниципальных объектов учета избраны исключительно сложносоставные муниципалитеты, которые, в свою очередь, охватывают различные городские и сельские населенные пункты, а следовательно, имеют свою специфику с точки зрения возможностей и приоритетов пространственного развития. Более того, действующие ныне акты Минстроя России, исключаящие из порядка стандартизации, оценки эффективности и участия в пилотных проектах все иные муниципальные образования, помимо городских и муниципальных округов (районов), не согласуются с недавно в основном вступившим в силу ФЗ № 33 об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, который допустил сохранение поселений в рамках двухуровневой системы муниципально-территори-

ального устройства в соответствии с законами субъектов Российской Федерации (ч. 7 ст. 9, ст. 89).

В-четвертых, при сопоставлении показателей стандарта «Умного города» Минстроя России с иными ведомственными показателями цифровой трансформации городов в отдельных сферах бросается в глаза существенная рассогласованность как содержательного наполнения выделяемых и подлежащих учету сфер цифровой зрелости, так и различия в методиках подсчета, в определении территории, развитие которой оценивается. Например, если Минстрой России под «городами» (муниципальными объектами учета) понимает *городские и муниципальные округа (районы)*, то в актах Президента РФ, Правительства РФ и Минцифры России, устанавливающих показатели цифровой зрелости государственного и муниципального управления, речь идет о развитии *опорных населенных пунктов, агломераций, городов*, что и учитывается при оценке эффективности деятельности глав и исполнительных органов субъектов Российской Федерации.

В-пятых, примечательна разница в характере юридического действия установленных показателей. Так, показатели стандарта «Умного города» Минстроя России важны для упорядочения учета достижений, организации отчетности и выстраивания рейтинга тех муниципальных образований, которым они адресованы. Эти показатели не влияют напрямую на конституционно-правовой статус муниципальных субъектов, субъектов Российской Федерации и их органов. Что же касается показателей цифровой зрелости государственного и муниципального управления, то они являются элементом законодательного института оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 35 ФЗ № 414) и органов местного самоуправления (ст. 40 ФЗ № 33). В соответствии с указанными положениями законов об организации публичной власти в субъектах Российской Федерации и местного самоуправления, перечни показателей для оценки эффективности утверждаются Президентом РФ или в порядке, им определяемом, и могут влиять на конституционно-правовой статус органов и должностных лиц. Результаты достижения показателей отражаются в ежегодных отчетах высших должностных лиц и служат основанием дляощрения – получения грантов из бюджетов вышестоящих уровней и межбюджетных трансфертов. А применительно к муниципальному уровню публич-

ной власти систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления²⁴ рассматривается в качестве основания для привлечения главы муниципального образования к ответственности в форме его удаления в отставку (п. 6 ч. 3 ст. 21 ФЗ № 33).

5. Заключение: направления совершенствования правовой основы «умных» городов в Российской Федерации

В настоящее время можно констатировать, что складывающаяся в Российской Федерации программно-правовая основа «умных» городов в виде стратегий, проектов, концепций, планов и программных документов, с одной стороны, и подзаконного регулирования уполномоченных исполнительных органов власти, с другой, отличается гибкостью, подвижностью, рассогласованностью, отсутствием системного интегративного подхода к трактовке «умного» города. При этом наблюдается также определенный разрыв между международно-правовыми стандартами «умных» городов и российскими показателями. В российской литературе уже не раз звучали предложения о необходимости законодательного оформления концепции «умного» города путем либо включения соответствующих положений в Федеральный закон об общих принципах организации местного самоуправления [11, с. 40], либо принятия отдельного закона о технологиях «умного» города по южнокорейскому образцу [1, с. 817]. Последнее предложение, однако, также не исключает, а, напротив, предполагает согласование нового закона с действующим законодательством о публичной власти и местном самоуправлении.

Несмотря на привлекательность и логичность продвижения идеи отдельного и самостоятельного регулирования статуса и порядка осуществления проектов «умных» городов в Российской Федерации с учетом комплексного подхода к их трактовке, а также наличия компетенции всех уровней публичной власти по данному вопросу и, соответственно, необходимости регламентации форм взаимодействия между ними, а также общих универсальных правил, диктуемых цифровизацией [12, с. 18], реализация данной идеи на современном этапе представляется преждевременной.

В первую очередь необходимо определиться с концептуальным подходом к «умному» городу, с восприятием и возможностями имплементации международно-правового регулирования концепций «умных» городов в российских условиях. Рассогласованность в терминологии, наблюдаемая в ведомственных актах Российской Федерации, посвященных показателям «умных» городов, во многом обусловлена отсутствием универсального и системного подхода к территориальному устройству, базовым понятиям территориального и пространственного развития, смешением административно-территориального и муниципального устройства. Задачу определения и разграничения указанных понятий можно решить различными способами: как через расширение предмета регулирования Градостроительного кодекса РФ, так и через самостоятельное регулирование базовых понятий и принципов пространственного развития, включая экосистемный подход к «умному» городу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихалева Е. Ю. «Умные города»: правовое регулирование и потенциал развития / Е. Ю. Тихалева // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2023. – Т. 1, № 3. – С. 803–824. – DOI: 10.21202/jdtl.2023.35.
2. Технологии для умных городов : докл. Фонда «Центр стратегических разработок Северо-Запад». – СПб., 2017. – 107 с. – URL: https://csr-nw.ru/upload/iblock/f6e/doklad_tehnologii_dlya_umnyh_gorodov.pdf.
3. Лыщикова Ю. В. Эволюция концепции «умный город»: от технократизма к антропоцентризму и «умному обществу» / Ю. В. Лыщикова // *Финансовая экономика*. – 2019. – № 11. – С. 794–796.
4. Hall P. *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century* / P. Hall. – Oxford, UK ; New York, NY, USA : Blackwell, 1988. – xvi, 473 p.

²⁴ Действующий в настоящее время перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, утвержденный Указом Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607, в отличие от перечня, установленного для оценки эффективности деятельности выс-

ших должностных лиц и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, явно устарел и не связан с показателями цифровой зрелости. В связи с этим его синхронизацию с перечнем 2024 г., как представляется, можно ожидать в ближайшем будущем.

5. Etzkowitz H. The Triple Helix: university–industry–government relations: a laboratory for knowledge-based economic development / H. Etzkowitz, L. Leydesdorff // *EASST Review*. – 1995. – Vol. 14, No. 1. – P. 14–19.
6. Carayannis E. G. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem / E. G. Carayannis, D. F. J. Campbell // *International Journal of Technology Management*. – 2009. – Vol. 46, No. 3/4. – P. 201–234. – DOI: 10.1504/IJTM.2009.023374.
7. Carayannis E. G. Democracy of Climate and Climate for Democracy: the Evolution of Quadruple and Quintuple Helix Innovation Systems / E. G. Carayannis, D. F. J. Campbell // *Journal of the Knowledge Economy*. – 2021. – No. 12. – P. 2050–2082. – DOI: 10.1007/s13132-021-00778-x.
8. Кичатинова Е. Л. Концепция «четверной спирали» и инновационное развитие регионов / Е. Л. Кичатинова, И. В. Олейников // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. – 2019. – Т. 29. – С. 53–62. – DOI: 10.26516/2073-3380.2019.29.53.
9. Кириллова Е. А. Трансформация модели тройной спирали в условиях формирования инновационных экосистем в промышленности / Е. А. Кириллова, М. И. Дли, Т. В. Какатунова, В. А. Епифанов // *Дискуссия*. – 2022. – Вып. 110, № 1. – С. 16–30. – DOI: 10.46320/2077-7639-2022-1-110-16-30.
10. Александров Н. Д. Система государственного управления умными городами: отечественная практика и международный опыт / Н. Д. Александров // *Инновации и инвестиции*. – 2020. – № 4. – С. 73–78.
11. Белоцерковский К. Е. Технологии «умный город» и «безопасный город»: содержание и правовое регулирование / К. Е. Белоцерковский // *Законность и правопорядок*. – 2024. – № 1 (41). – С. 39–44.
12. Романовская О. В. Право и «умный город» / О. В. Романовская // *Правовые вопросы недвижимости*. – 2024. – № 3. – С. 15–18.

REFERENCES

1. Tikhaleva E.Y. “Smart Cities”: Legal Regulation and Potential of Development. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, vol. 1, no. 3, pp. 803–824. DOI: 10.21202/jdtl.2023.35.
2. *Technologies for smart cities*, Report of the Foundation “Center for Strategic Research North-West”. St. Petersburg, 2017. 107 p. Available at: https://csr-nw.ru/upload/iblock/f6e/doklad_tehnologii_dlya_umnyh_gorodov.pdf. (In Russ.).
3. Lyshchikova J.V. Evolution of the „Smart City“ Concept: from Technocracy to Anthropocentrism and “Smart Society” . *Finansovaya ekonomika*, 2019, no. 11, pp. 794–796. (In Russ.).
4. Hall P. *Cities of Tomorrow: An Intellectual History of Urban Planning and Design in the Twentieth Century*. Oxford, UK; New York, NY, USA, Blackwell Publ., 1988. xvi + 473 p.
5. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix: university–industry–government relations: a laboratory for knowledge-based economic development. *EASST Review*, 1995, vol. 14, no. 1, pp. 14–19.
6. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. “Mode 3” and “Quadruple Helix”: Toward a 21st Century Fractal Innovation Ecosystem. *International Journal of Technology Management*, 2009, vol. 46, no. 3/4, pp. 201–234. DOI: 10.1504/IJTM.2009.023374.
7. Carayannis E.G., Campbell D.F.J. Democracy of Climate and Climate for Democracy: the Evolution of Quadruple and Quintuple Helix Innovation Systems. *Journal of the Knowledge Economy*, 2021, no. 12, pp. 2050–2082. DOI: 10.1007/s13132-021-00778-x.
8. Kichatinova E.L., Oleynikov I.V. The “Quadruple Helix” Concept and Innovative Development of the Regions. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 29, pp. 53–62. DOI: 10.26516/2073-3380.2019.29.53. (In Russ.).
9. Kirillova E.A., Dli M.I., Kakatunova T.V., Epifanov V.A. Transformation of triple helix model in the conditions of innovative ecosystems formation in industry. *Diskussiya = Discussion*, 2022, vol. 110, no. 1, pp. 16–30. DOI: 10.46320/2077-7639-2022-1-110-16-30. (In Russ.).
10. Aleksandrov N.D. Smart cities management system: domestic and foreign practice. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*, 2020, no. 4, pp. 73–78. (In Russ.).
11. Belotserkovsky K.E. Technologies “Smart City” and “Safe City”: Content and Legal Regulation. *Zakonnost' i pravoporyadok = Legality and Legal Order*, 2024, no. 1 (41), pp. 39–44. (In Russ.).

12. Romanovskaya O.V. The Law and a “Smart City”. *Pravovye voprosy nedvizhimosti*, 2024, no. 3, pp. 15–18. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гриценко Елена Владимировна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: el_gritsenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5602-1693

ResearcherID: L-8425-2013

Scopus AuthorID: 56409733700

SPIN-код РИНЦ: 8926-1326

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena V. Gritsenko – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Constitutional Law *St. Petersburg University*

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: el_gritsenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5602-1693

ResearcherID: L-8425-2013

Scopus AuthorID: 56409733700

RCSI SPIN-code: 8926-1326

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Гриценко Е.В. Правовые формы реализации концепций «умного» города: проблемы и перспективы / Е.В. Гриценко // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 88–99. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).88-99.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Gritsenko E.V. The legal framework for smart city concepts: challenges and opportunities. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 88–99. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).88-99. (In Russ.).

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.Ю. Киреева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
10 апреля 2025 г.
Дата принятия в печать –
20 июля 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Муниципальный финансовый контроль, финансовый контроль, контрольно-счетные органы муниципальных образований, бюджетный процесс, муниципальный бюджет, методы финансового контроля, внешний контроль, общественный контроль

Рассматриваются изменения в системе организации муниципального финансового контроля в контексте проводимой в Российской Федерации реформы организации местного самоуправления с целью выявить основные тенденции в развитии муниципального финансового контроля и дать их характеристику. В результате проведенного исследования выявлены тенденции сохранения соотношения доли контрольно-счетных органов к общей численности муниципальных образований, совершенствования форм и методов муниципального финансового контроля, его автоматизации за счет внедрения современных информационных технологий, что усиливает прозрачность бюджетного процесса на всех уровнях публичной власти.

MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL: TRENDS AND PROSPECTS

Elena Y. Kireeva

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Article info

Received –
2025 April 10
Accepted –
2025 July 20
Available online –
2025 December 20

Keywords

Municipal financial control, financial control, control and accounting bodies of municipalities, budgetary process, municipal budget, methods of financial control, external control, public control

Subject. The article considers changes in the system of municipal financial control organization in the context of the ongoing reform of local government organization in the Russian Federation. The purpose of the study is to identify the main trends in the development of municipal financial control and their characteristics.

Methodology. The following methods of analysis were used in the work: statistical, data synthesis, formal legal, system-structural, comparative legal, as well as the general scientific dialectical method of cognition.

Main results. The trends of maintaining the ratio of the share of municipal audit and accounts chambers to the total number of municipalities, improving the forms and methods of municipal financial control, and automating it through the introduction of modern information technologies are identified, which increases the transparency of the budget process at all levels of public authority.

Conclusions. Summing up the trends analysis in the municipal financial control development, it should be noted such a quality of the organization system as sustainability. Although, in the context of the territorial foundations of local self-government reform, there has been a sharp decrease in the number of municipalities, the ratio of the share of control and accounting bodies of municipalities to the total number of municipalities remains at the level of 12%. The forms (preliminary) and methods of organizing municipal financial control are being improved, and the participation of individual subjects (citizens) in its implementation is being intensified. The introduction of modern information technologies, on the one hand, ensures transparency of the budget process, and, on the other, poses new challenges in the training and advanced training of specialists engaged in control activities.

1. Введение

Принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ обозначило новые векторы в осуществлении муниципальной реформы в Российской Федерации. Насколько заложенные в законе трансформации повлияли на функционирование муниципального финансового контроля, рассмотрим в рамках настоящей статьи.

Одним из направлений реформы стало изменение территориальных основ местного самоуправления, переход к одноуровневой системе его организации. Намечившаяся на протяжении последнего десятилетия тенденция сокращения количества муниципальных образований не оказывает существенного влияния на число муниципальных контрольно-счетных органов (далее – КСО). На наш взгляд, это происходит потому, что среди существующих типов муниципальных образований сокращается численность сельских и городских поселений, в которых КСО не функционируют.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных тенденций в развитии муниципального финансового контроля и их характеристика.

Методология. Используются частно-научные методы, такие как статистические методы, метод анализа, синтеза, формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, а также общенаучный диалектический метод познания.

2. Система организации муниципального финансового контроля

Согласно проведенному мониторингу КСО субъектов Российской Федерации на территории Российской Федерации по состоянию на 1 января 2024 года насчитывается 17 750 муниципальных образований, в которых создано 2 111 КСО, из них 1 992 – со статусом юридического лица. За отчетный период с 1 января 2023 г. по 1 января 2024 г. количество муниципальных образований уменьшилось на 708 единиц в связи с административно-территориальным переустройством муниципальных образований (табл. 1).

На протяжении последних семи лет прослеживается процесс укрупнения муниципальных образо-

ваний, что привело к уменьшению их количества на 4 577 единиц, или 20 % (с 22 327 до 17 750)². К началу 2025 г. это число уменьшилось до 17 397³.

Таблица 1

Число муниципальных контрольно-счетных органов (КСО) в Российской Федерации (на 1 января указанного года)

Показатель	2023	2024	Изменение
Число муниципальных образований	18 458	17 750	–708
Число КСО	2 190	2 111	–79
В том числе юридических лиц	1 945	1 992	47
Отношение числа муниципальных КСО к числу муниципальных образований, %	11,9	11,9	–

Как следует из приведенных выше статистических данных, хотя в абсолютном выражении число КСО сократилось, их отношение к общему количеству муниципальных образований сохранилось и составляет около 11,9 %.

Отказ от муниципальных районов (в рамках двухуровневой системы местного самоуправления) в пользу муниципальных округов (с одноуровневой системой) радикально на численность КСО не повлияет при условии, что в муниципальных округах будут созданы КСО на смену их районным предшественникам.

Одну из наиболее емких характеристик существующих тенденций в организации финансового контроля выделили коллеги из Финансового университета при Правительстве РФ: «в настоящее время происходит системный переход от осуществления общего финансового контроля к контролю в отдельных сферах финансовой деятельности государства и муниципальных образований. В настоящее время большое внимание уделяется финансовому контролю в бюджетной сфере, который... направлен на повышение эффективности и результативности соблюдения финансовой дисциплины при расходовании бюджетных средств» [1, с. 24].

Именно КСО муниципальных образований призваны осуществлять данную деятельность.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

² О результатах мониторинга создания и развития муниципальных контрольно-счетных органов в Российской Федерации по состоянию на 01.01.2024 (аналитическая справка) // Портал Счетной палаты Российской Феде-

рации и контрольно-счетных органов Российской Федерации. URL: https://portalkso.ru/mkso_union/documents/analytical/5722275/ (дата обращения: 09.04.2025).

³ Информация на основе анализа данных портала ГИС «Электронный бюджет РФ», см.: URL: <https://budget.gov.ru/Регионы?regionId=45000000> (дата обращения: 05.04.2025).

3. Основные тенденции в развитии муниципального финансового контроля

Можно выделить следующие основные тенденции в развитии муниципального финансового контроля.

1. *Усиление прозрачности бюджетного процесса*, прежде всего, связанное с введением Государственной информационной системы «Электронный бюджет» (<https://budget.gov.ru>), позволяющей в режиме реального времени получить информацию о бюджете любого уровня бюджетной системы Российской Федерации, включая бюджеты муниципальных образований.

2. *Внедрение современных информационных технологий для автоматизации контроля*. Все существующие информационные ресурсы можно подразделить на несколько групп:

а) системы электронного документооборота – для упрощения процессов обработки и хранения документов;

б) бюджетные информационные системы – для планирования и анализа бюджетов;

в) системы управления финансами – для мониторинга и контроля расходов и доходов;

г) аналитические платформы – для обработки больших объемов данных и получения отчетов (к примеру, «1С:Предприятие», «Яндекс.Облако», «КриптоПро», *Metrika* и др.);

д) блокчейн-технологии – для повышения прозрачности и доверия к финансовым операциям;

е) автоматизированные системы аудита – для проведения независимых финансовых проверок;

ж) CRM-системы – для управления взаимодействием с гражданами и учета обращений.

Здесь особо хотелось бы отметить существование таких информационных ресурсов, как ГИАС⁴ и портал КСО⁵, Портал государственного и муниципального финансового аудита.

Приказом Счетной палаты РФ № 128, Минфина России № 214н от 25 декабря 2015 г.⁶ предусмотрено, что ГИС ЕСГФК предназначена для повышения эффективности внешнего и внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, осуществляемого в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации и Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ⁷.

Также необходимо отметить, что Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.⁸, определяющая цели и основные задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, среди которых увеличение в 2030 г. доли работников, имеющих навыки использования технологий искусственного интеллекта, в общей численности работников не менее чем до 80 % по сравнению с 5 % в 2022 г.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.⁹ предусмотрены бюджетные инвестиции, включая муниципальные бюджеты, в приоритетные направления поддержки и развития информационных и коммуникационных технологий (п. 47), поставлена задача развития технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления (пп. «д» п. 40).

По мнению аналитиков, «цифровая трансформация опосредовала не только факт преобразования

⁴ Положение о государственной информационно-аналитической системе контрольно-счетных органов Российской Федерации (утв. приказом Председателя Счетной палаты РФ от 10 октября 2011 г. № 100) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приказ Счетной палаты РФ от 26 декабря 2014 г. № 157 «Об утверждении Регламента функционирования Портала Счетной палаты Российской Федерации и контрольно-счетных органов Российской Федерации в сети Интернет» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Приказ Счетной палаты РФ № 128, Минфина России № 214н от 25 декабря 2015 г. «Об утверждении Положения о государственной информационной системе “Официальный сайт Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» (ред. от 24 августа 2017 г.) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 29.

⁷ Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, федеральных территорий и муниципальных образований» (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 903.

⁸ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») (ред. от 15 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901.

действительности, но и выступила “техническим” инструментарием повышения эффективности бюджетных процессов, придав управлению государственными финансами необходимую “гибкость”» [2, с. 30].

3. *Интеграция деятельности КСО муниципальных образований.* В объединении КСО муниципальных образований особую роль сыграло создание Союза муниципальных контрольно-счетных органов (далее – Союз МКСО) решением первой Всероссийской конференции, которая состоялась 13 мая 2002 г. в г. Светлогорске Калининградской области. Численность участников на дату создания составила 23 муниципальных образования. На конференции была принята Декларация о создании Союза МКСО. Декларацией провозглашено, что Союз МКСО имеет целью объединение усилий муниципальных КСО на решении задач социально-экономического развития муниципальных образований, повышении эффективности управления финансовыми и материальными ресурсами муниципальных образований.

4. *Акцент на профилактику финансовых нарушений (превентивный контроль).* Предварительный контроль осуществляется в целях предупреждения и пресечения бюджетных нарушений в процессе исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 265 Бюджетного кодекса РФ¹⁰).

В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 28 декабря 2024 г.)¹¹ в отдельной гл. 10 обозначен перечень профилактических мероприятий, среди которых принятие программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям (ст. 44), виды профилактических мероприятий (ст. 45), стимулирование добросовестности контролируемых лиц по соблюдению обязательных требований, информирование населения, обобщение правоприменительной практики и т. д.

По мнению экспертов, «к 2021 году была проведена основательная подготовка к переходу от последующего контроля к контролю предварительному». Данный вывод они обосновывают поэтапной

реализацией ведомственного проекта Министерства финансов «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для управленческих решений»¹², который был утвержден 21 мая 2021 г. [3, с. 28].

5. *Развитие внешнего контроля со стороны общественности.* По мнению О.В. Бурдоновой, «активное развитие общественного контроля в последние годы говорит о готовности интеграции общества в систему управления экономическими и политическими процессами в государстве» [4, с. 14]. Профессор Г.Н. Чеботарев отмечает, что «общественный контроль можно рассматривать как одну из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления, а также его важнейший принцип» [5, с. 45].

В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (ред. от 25 декабря 2023 г.)¹³, законодательством о местном самоуправлении основные механизмы общественного финансового контроля включают:

- *Общественный мониторинг финансовых потоков* – отслеживание бюджетных средств и их расходования.

- *Общественные палаты*, которые могут создаваться в муниципальных образованиях, – обеспечивают участие граждан в оценке расходов и качества финансирования. Как отмечает С.А. Бурмистров, данные органы формируются в целях развития институтов гражданского общества, поиска конструктивных путей диалога органов местного самоуправления и некоммерческих организаций, повышения открытости деятельности органов местного самоуправления, выработки общей позиции жителей и органов местного самоуправления по вопросам развития и управления муниципальным образованием [6, с. 8]. Детальная классификация субъектов осуществления общественного контроля представлена в статье М.А. Килессо [7, с. 240].

- *Гражданский контроль* – вовлечение граждан через общественные инспекции, группы общественного контроля в процесс оценки и контроля бюджетных расходов. По мнению специалистов,

¹⁰ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

¹² Ведомственный проект «Электронный СМАРТ-контроль (контроллинг) и учет государственных финансов для

управленческих решений»: утв. 21 мая 2021 г. // Министерство финансов Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/projects/electronic_SMART_control/ (дата обращения: 10.04.2025).

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

«самая важная функция субъектов общественного контроля в области финансовой деятельности государства и муниципальных образований заключается не только в расширении границ свободы и в то же время властных полномочий населения, но и в вовлечении его в процесс политической и социально-экономической жизни государства» [4, с. 10].

В ноябре 2021 г. Федеральным законом № 384-ФЗ в бюджетное законодательство был включен принцип участия граждан в бюджетном процессе (ст. 28 Бюджетного кодекса РФ).

Н.А. Саттарова трактует данный принцип как «непрерывное взаимодействие граждан с органами государственной власти в принятии решений в определении направлений и целей расходования бюджетных средств, а также в последующем контроле их использования» [8, с. 27].

С.М. Миронова предлагает рассматривать данный принцип в нескольких контекстах: по соотношению участия граждан и учета мнения граждан, субъектному составу участников, формам участия, территориальному критерию, нормативному регулированию и стадиям бюджетного процесса, в которых могут принимать участие граждане [9, с. 22].

• *Общественные инициативы* – проекты и предложения от населения для улучшения управления бюджетом. В специальной финансово-правовой литературе отмечается, что «принцип участия граждан в бюджетном процессе реализуется за счет запуска программ инициативного бюджетирования. Особенно это ощутимо на региональном уровне и уровне муниципальных образований» [10, с. 54].

Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 236-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный

закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»¹⁴ в указанный нормативный правовой акт была включена ст. 26.1 «Инициативные проекты». Практика их применения по оценкам Минфина России следующая: в 2022 г. на территории 35 субъектов Российской Федерации реализовывались 298 муниципальных практик инициативного бюджетирования – на 24 практики больше, чем в 2021 г. (см. рис.). Наибольшее количество реализуемых муниципальных практик выявлено в Краснодарском крае (60), Самарской области (40), Оренбургской области (32), Ставропольском крае (25). Общая стоимость всех реализованных инициативных проектов в рамках практик муниципального уровня в 2022 г. составила 3,3 млрд руб. Объем бюджетных ассигнований из муниципальных бюджетов на реализацию проектов инициативного бюджетирования составил 2,82 млрд руб. (85 % от стоимости муниципальных проектов)¹⁵ (табл. 2).

Динамика муниципальных практик инициативного бюджетирования в 2018–2022 гг.

Таблица 2

Практики инициативного бюджетирования в 2022 г.

Показатель	Региональные практики	Муниципальные практики
Общее количество реализованных проектов	27 045	2 326
Средняя стоимость одного реализованного проекта (млн руб.)	1,52	1,42
Средний размер субсидии из бюджета субъекта на один реализованный проект (млн руб.)	0,88	–
Средний размер субсидии из муниципального бюджета на один реализованный проект (млн руб.)	0,17	1,21
Средний размер внебюджетной поддержки на один реализованный проект (млн руб.)	0,09	0,21

¹⁴ Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4762.

¹⁵ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов

Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/09/main/0609_Doklad_2023_.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

В 2023 г., по данным Минфина России, инициативное бюджетирование в Российской Федерации продолжило демонстрировать устойчивую динамику развития, положительные изменения также произошли и в системе регулирования инструментов участия граждан в бюджетном процессе. В настоящее время 82 субъекта Российской Федерации утвердили 190 нормативных правовых актов, предусматривающих мероприятия по развитию механизма инициативного бюджетирования (по состоянию на 30 апреля 2024 г.). Количество проектов, в выборе и реализации которых участвовали граждане, достигло 33 640, что превысило показатели 2022 г. на 14,6 %. Таким образом, в 2023 г. было реализовано каждое одиннадцатое выдвинутое гражданами проектное предложение¹⁶.

• *Реализация принципа прозрачности бюджета* – доступ к информации о расходовании и планировании бюджета для граждан. Как уже отмечалось ранее, данный доступ призвана обеспечить ГИС «Электронный бюджет РФ». В целом же данный принцип в специальной литературе трактуется весьма широко. По мнению ряда авторов, «принцип прозрачности (открытости) в бюджетном процессе России является комплексным принципом, включающим в себя несколько составляющих, среди которых следует отметить гласность, подотчетность государственных органов исполнительной власти, равно как и органов местного самоуправления законодательным (представительным) органам соответствующего уровня, открытость бюджетного процесса для общественности, ясность и недвусмысленность положений закона (решения) о бюджете, а также использование различных информационных систем с правом доступа к информации всех участников бюджетного процесса» [11, с. 29].

Характеризуя инструменты, обеспечивающие реализацию данного принципа, аналитики СПС «КонсультантПлюс» отмечают общественные (публичные) слушания, которые «проводятся по вопросам государственного и муниципального управления в сферах охраны окружающей среды, закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных

и муниципальных нужд и в других сферах, предусмотренных законодательством» [12]. И здесь нельзя не отметить п. 2 ч. 2 ст. 47 Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ, в соответствии с которым на публичные слушания должны выноситься проект местного бюджета и отчет о его исполнении, что свидетельствует об их значимости в системе муниципальной демократии. Данная норма призвана обеспечить, с одной стороны, информирование граждан о состоянии муниципального бюджета и, с другой, их участие в разработке, обсуждении и контроле его реализации.

6. *Стандартизация и унификация методов контроля*. В этом направлении большая работа проделана как КСО федерального и регионального уровней, так и Союзом МКСО. В п. 11.2 информации об итогах применения муниципальными контрольно-счетными органами методического материала, разработанного комиссией Союза МКСО по вопросам методического обеспечения и утвержденного Президиумом Союза МКСО¹⁷, отмечено, что по состоянию на 1 июля 2024 г. Президиумом Союза МКСО утверждено 38 методических документов, в том числе 12 стандартов, 26 методических рекомендаций и 1 методика, разработанных комиссией, которые применяются от 78 до 84 % КСО, входящих в Союз МКСО.

Достаточно подробно вопросы стандартизации внутреннего финансового контроля представлены в работе И.О. Антропцевой, которая вместе с тем отмечает необходимость «принять единый стандарт, определяющий требования к внутреннему финансовому контролю, основные его характеристики и их понятия» [13, с. 10]. С данным выводом солидарен И.Б. Лагутин, подчеркивая, что «унификация не только качественно изменит проведение самих контрольных мероприятий, но и позволит усовершенствовать подходы к анализу эффективности работы самих органов контроля, что впоследствии даст возможность для совершенствования в целом системы управления на региональном и местном уровне» [14, с. 14].

7. *Акцент на обучении и повышении квалификации специалистов*. В данном контексте важно

¹⁶ Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2024 г. URL: https://bft.ru/newspictures/4_к Оп.2.4_Доклад_Лучш практики ИБ_2024.pdf (дата обращения: 09.04.2025).

¹⁷ Информация об итогах применения муниципальными контрольно-счетными органами методического матери-

ала, разработанного комиссией Союза МКСО по вопросам методического обеспечения и утвержденного Президиумом Союза МКСО: одоб. решением Президиума Союза МКСО, протокол № 5 (100) от 18.09.2024. URL: https://portalkso.ru/mkso_union/documents/analytical/5018463/ (дата обращения: 09.04.2025).

помнить о тех вызовах, которые в настоящий момент стоят перед системой образования, исходя из Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹⁸, обозначившего цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы. Для этой трансформации нужны специалисты, владеющие не только знаниями в области финансового контроля, но и обладающие навыками работы со всеми специализированными электронными ресурсами, включая их закрытую часть, доступа к которой образовательные учреждения в настоящий момент не имеют даже на уровне демоверсий.

Как отмечают специалисты, «благодаря огромному скачку в развитии информационных технологий, в использовании больших данных, а также с учетом создания решений на основе искусственного интеллекта, основанных на алгоритмах машинного обучения, и распределенных нейросетей решение задач финансового контроля, представляется, может перейти на качественно новый уровень» [15, с. 22]. Для решения данной задачи цифровые инструменты должны быть внедрены в образовательный процесс, также необходимо включить цифровые модули в

классические дисциплины в учебных планах подготовки специалистов в области финансового контроля. Как альтернатива возможно формирование цифровых компетенций по использованию специализированных сервисов в рамках программ дополнительного профессионального образования (второй квалификации).

4. Заключение

Подводя итоги анализу тенденций развития муниципального финансового контроля, следует отметить такое качество системы его организации, как устойчивость. Хотя в условиях реформы территориальных основ местного самоуправления наблюдается резкое сокращение числа муниципальных образований, соотношение доли КСО муниципальных образований к общей численности муниципальных образований сохраняется на уровне 12 %.

Совершенствуются формы (предварительный) и методы организации муниципального финансового контроля, активизируется участие отдельных субъектов (граждане) в его реализации.

Внедрение современных информационных технологий, с одной стороны, обеспечивает прозрачность бюджетного процесса, а с другой, ставит новые задачи в обучении и повышении квалификации специалистов, осуществляющих контрольную деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин А. Ю. Виды, формы и методы государственного финансового контроля в бюджетной сфере / А. Ю. Ильин, О. Е. Царева, С. А. Андреев // Финансовое право. – 2016. – № 5. – С. 24–31.
2. Ильичева (Кошелева) И. А. Цифровая трансформация как инструмент повышения эффективности бюджетных процессов / И. А. Ильичева (Кошелева) // Финансовое право. – 2021. – № 10. – С. 30–36.
3. Царева Л. М. Направления развития партнерских взаимоотношений при внедрении новых методов внутреннего государственного финансового контроля / Л. М. Царева // Местное право. – 2024. – № 4. – С. 28–35.
4. Бурдонова О. В. Значение общественного финансового контроля в системе государственного управления / О. В. Бурдонова // Современное право. – 2017. – № 11. – С. 10–14.
5. Чеботарев Г. Н. Общественный контроль в системе местного самоуправления / Г. Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 45–48.
6. Бурмистров С. А. Общественные палаты – форма общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления / С. А. Бурмистров // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2008. – № 4. – С. 8–11.
7. Килессо М. А. Субъекты, осуществляющие общественный контроль над деятельностью органов местного самоуправления в России / М. А. Килессо // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 237–240. – DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14320.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.

8. Саттарова Н. А. Принцип участия граждан в бюджетном процессе / Н. А. Саттарова // Финансовое право. – 2022. – № 6. – С. 26–29.
9. Миронова С. М. Принцип участия граждан в бюджетном процессе как принцип бюджетной системы Российской Федерации: понятие и правовое закрепление / С. М. Миронова // Финансовое право. – 2022. – № 6. – С. 20–25.
10. Болтинова О. В. Принцип участия граждан в бюджетном процессе / О.В. Болтинова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 7. – С. 54–61. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.054-061.
11. Михайлов Д. Л. Правовое обеспечение принципа прозрачности бюджетного процесса современной России: актуальные вопросы интерпретации и реализации / Д. Л. Михайлов, Е. И. Семерина, В. В. Субочев // Финансовое право. – 2020. – № 12. – С. 25–29.
12. Зайцев Е. И. Общественные обсуждения и публичные слушания как формы общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления / Е. И. Зайцев. – 2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Антропцева И. О. Проблемы правового регулирования внутреннего финансового контроля на уровне субъектов Российской Федерации и муниципальных образований / И. О. Антропцева // Финансовое право. – 2023. – № 10. – С. 10–13.
14. Лагутин И. Б. Виды, формы и методы финансового контроля: общие вопросы теории и практика правового регулирования на региональном уровне / И. Б. Лагутин // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 10–14.
15. Лукичев К. Е. К вопросу об использовании искусственного интеллекта при проведении государственного (муниципального) финансового контроля / К. Е. Лукичев // Финансовое право. – 2022. – № 9. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Ilyin A.Yu., Tsareva O.E., Andreev S.A. Types, forms and methods of state financial control in the budget field. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2016, no. 5, pp. 24–31. (In Russ.).
2. Ilicheva (Kosheleva) I.A. The digital transformation as a tool of raising the efficiency of budget processes. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2021, no. 10, pp. 30–36. (In Russ.).
3. Tsareva L.M. Directions for the development of partnerships when introducing new methods of internal state financial control. *Mestnoe pravo*, 2024, no. 4, pp. 28–35. (In Russ.).
4. Burdonova O.V. The importance of social financial control in the system of public administration. *Sovremennoe pravo*, 2017, no. 11, pp. 10–14. (In Russ.).
5. Chebotarev G.N. Public control in local self-government system. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2017, no. 9, pp. 45–48. (In Russ.).
6. Burmistrov S.A. Public chambers – a form of public control over the activities of local governments. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2008, no. 4, pp. 8–11. (In Russ.).
7. Kileso M.A. Subjects exercising public control over the activities of local self-government bodies in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*, 2015, no. 3, pp. 237–240. DOI: 10.7256/1999-2807.2015.3.14320. (In Russ.).
8. Sattarova N.A. The principle of participation of citizens in the budgeting process. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2022, no. 6, pp. 26–29. (In Russ.).
9. Mironova S.M. The principle of participation of citizens in the budgeting process as a principle of the budgetary system of the Russian Federation: the concept and legal consolidation. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2022, no. 6, pp. 20–25. (In Russ.).
10. Boltinova O.V. The Principle of Citizens' Participation in the Budget Process. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 7, pp. 54–61. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.152.7.054-061. (In Russ.).
11. Mikhaylov D.L., Semerina E.I., Subochev V.V. Legal support of the principle of transparency of the budget process of modern Russia: topical issues of interpretation and implementation. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2020, no. 12, pp. 25–29. (In Russ.).
12. Zaitsev E.I. *Public discussions and public hearings as forms of public control over the activities of public authorities and local governments*. 2025. Available at ConsultantPlus. (In Russ.).

13. Antroptseva I.O. Problems of the legal regulation of internal financial control on the level of the constituent entities of the Russian Federation and municipal structures. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2023, no. 10, pp. 10–13. (In Russ.).

14. Lagutin I.B. Types, forms and methods of financial control: general issues of theory and practice of legal regulation at the regional level. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2012, no. 6, pp. 10–14. (In Russ.).

15. Lukichev K.E. ON The use of artificial intelligence in carrying out of state (municipal) financial control. *Finansovoe pravo = Financial law*, 2022, no. 9, pp. 21–25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киреева Елена Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, и. о. декана факультета управления персоналом и государственной службы Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119606, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84/1
E-mail: kireeva-ey@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-2090-5299
ResearcherID: S-3721-2017
SPIN-код РИНЦ: 3144-7190

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elena Y. Kireeva – Doctor of Law, Professor; Acting Dean, Faculty of Personnel Management and Public Administration of the Institute of Public Administration and Civil Service
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119606, Russia
E-mail: kireeva-ey@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-2090-5299
ResearcherID: S-3721-2017
RSCI SPIN-code: 3144-7190

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киреева Е.Ю. Муниципальный финансовый контроль: тенденции и перспективы развития / Е.Ю. Киреева // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 100–108. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).100-108.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kireeva E.Y. Municipal financial control: trends and prospects. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 100–108. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).100-108. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.98

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).109-118

МОДЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИСТОЧНИКОВ ОРИЕНТИРУЮЩЕГО И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ*

Д.В. Воронков, А.М. Сосновикова

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,

г. Екатеринбург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

11 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Криминалистическая техника,
цифровизация криминалистики,
компьютерная информация,
экспертно-аналитическая
система, автоматизированный
комплекс, система поддержки
принятия решений, SigVer,
мобильный справочник

Раскрываются основные группы современных технологий, которые могут быть использованы для повышения эффективности следственной деятельности, описываются пути их проникновения в криминалистическую практику и обозначается значение информации, получаемой в результате их применения. Выделяются четыре группы технологий: комплексы, направленные на автоматизацию; системы поддержки принятия решений; средства работы с компьютерной информацией; иные технологии, повышающие эффективность традиционных процессов. На основе анализа конкретных примеров сформулированы принципы, которыми можно руководствоваться при внедрении в следственную деятельность новых технологий: презумпция свободы следователя (дознателя); автономность решений; сохранение значения информации при соблюдении ее целостности.

MODELS OF THE INVESTIGATOR'S USE OF MODERN INFORMATION SOURCES OF ORIENTING AND EVIDENTIARY VALUE**

Dmitry V. Voronkov, Anna M. Sosnovikova

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –

2025 January 11

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Subject. The authors reveal the main groups of modern technologies that can be used to improve the effectiveness of investigative activities, to describe the ways of their penetration into forensic practice and to outline the value of information that can be obtained as a result of their application. The relevance of this work is due to the fact that scientific and technological progress affects all spheres of society, including law enforcement, in this regard, special attention today among the professional community deserve the issues of competent implementation of technical achievements in the practice of detection and investigation of crimes.

The purpose of this study was to prove that the introduction of modern technologies only after the prior enshrinement of the possibility of their use in the law, is currently irrational.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10011 «Концептуальные и прикладные аспекты разработки практико-ориентированных цифровых проектов криминалистического значения» (<https://rscf.ru/project/23-78-10011/>).

** The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10011 “Conceptual and applied aspects of developing practice-oriented digital projects of forensic significance” (<https://rscf.ru/en/project/23-78-10011/>).

Keywords

Forensic technology, digitalization of forensics, computer information, expert-analytical system, automated complex, decision support system, SigVer, mobile directory

Such an approach is not conditioned by the existing rules and negatively affects the effectiveness of investigative activities.

The methodology. The authors used the interdisciplinary approach, methods of analogy, analysis and synthesis.

The main results. As a result of the study, four groups of technologies were identified: complexes aimed at automation; decision support systems; means of working with computer information; other technologies that increase the efficiency of traditional processes. In each group, specific technologies that are most in demand in today's practice are described. Based on this, the basic principles that can guide the introduction of new technologies in investigative activities are formulated: the presumption of free determination of technical means for the production of investigative actions; restriction of human rights only by judicial authorization; autonomy of decisions of an official; preservation of the value of information while maintaining its integrity.

Conclusions. According to the results of the conducted research it is concluded that the reliance on the proposed principles, as well as the action by analogy with the considered specific models will allow investigators to successfully determine how to adapt the new technology to solve the problems of detection and investigation of crimes.

1. Введение

Всеобщая цифровизация приводит к тому, что ученые-криминалисты сегодня исследуют достаточно широкий спектр технологий в части их возможного приложения к практике раскрытия и расследования преступлений [1; 2], однако это требует квалифицированной реакции законодателя: правовой регламентации там, где это необходимо, введения диспозитивного регулирования там, где это возможно. Очень важно найти баланс между защитой прав участников уголовного судопроизводства через нормативную регламентацию и сохранением за Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) РФ статуса закона, а не справочника, инструкции [3, с. 42; 4].

Цель настоящей работы – комплексно изучить отдельные группы современных технологий, выработав для них оптимальные модели имплементации в криминалистическую практику. Для этого мы: охарактеризовали основные группы применяемых или потенциальных технологий; описали правовые механизмы внедрения; рассмотрели значение, которое может приобретать информация, полученная посредством таких технологий.

Нами использовался общенаучный диалектический метод, логические методы анализа – при рассмотрении отдельных примеров технологий, синтеза – при их группировке, аналогии – при обращении к моделям, в соответствии с которыми применяются уже внедренные технологии. В основу работы был положен междисциплинарный подход, позволивший объединить знания из юриспруденции с достижениями компьютерно-технических наук.

2. Технологии автоматизации

Сегодня для России стала актуальной проблема нехватки кадров в правоохранительной сфере, что в условиях сохраняющегося высокого уровня преступности приводит к формированию существенной нагрузки на работников, значительная часть которой носит рутинный характер. Современный следователь значительную часть служебного времени занимается механическими операциями по оформлению и переоформлению документов, а не получением и изучением доказательств. Указанная проблема разрешается путем внедрения в практику субъектов криминалистической деятельности автоматизированных комплексов.

Для ускорения процессов формирования протоколов следственных действий и судебных заседаний, заключений экспертов целесообразно использовать *транскрайберы* – системы перевода устной речи в текст [5, с. 70; 6]. Их применение позволит следователю сосредотачиваться на собственных действиях и поведении иных участников, записывая всё посредством диктофона или видеокамеры, а затем не тратить время и силы на то, чтобы перепечатать зафиксированное в протокол. В результате не только повысится качество самого следственного действия, но и сохранятся силы для глубокой аналитической работы.

Сегодня существуют различные коммерческие предложения систем-транскрайберов, однако они имеют три существенных недостатка: 1) разработаны зарубежными компаниями; 2) распространяются на платной основе; 3) ориентированы на массового потребителя. Обеспечить такими системами все

правоохранительные органы невозможно, а их прикладное значение оказывается ограниченным из-за отсутствия встроенного словаря специальных юридических терминов, без которого итоговый текст необходимо существенно корректировать. Даже методы машинного обучения не вполне справляются с распознаванием юридической речи, которая может обогащаться узкоспециализированной лексикой. Считаем, что необходимо сформировать государственный заказ на создание отечественного транскрайбера, в котором будут предусмотрены специальные термины. Даже один этот шаг существенно снизит объем рутинной нагрузки.

Остановившись на вопросе правовой регламентации и значения получаемых сведений, подчеркнем, что описанные системы не создают новой информации, их использование носит исключительно инструментальный характер (как компьютеров при подготовке протоколов вместо ручки и бумаги), в связи с чем связывать их внедрение с предварительным нормативным санкционированием излишне. То же касается и содержания полученной информации – проверенный уполномоченным лицом (следователем, экспертом, судьей) транскрибированный текст ничем не отличается от обычного протокола (заключения), в связи с чем и значение имеет такое же, как и данные акты.

Следующий аспект косвенно связан с вопросами автоматизации и затрагивает проблему параллельного документооборота, когда все процессуальные акты, учетные материалы и пр. должны вестись одновременно в бумажной и электронной формах. Заслуживает внимания позиция ученых, рассматривающих перспективы полного перехода на *электронное уголовное дело* [7–9].

Продолжающееся дублирование информации, в том числе существующей только в пределах системы государственных органов, видится чрезмерным. Безусловно, в России еще есть регионы, отстающие от глобальных процессов цифровизации, а также отдельные люди, которым такие технологии чужды, однако мы не предлагаем полностью исключить из числа обязательных компонентов рабочего места бумагу и копировально-множительные аппараты: переведя весь документооборот по уголовным делам в электронный формат, можно сохранить вариант создания бумажных копий материалов, приравненных к цифровым, в исключительных случаях.

Здесь специфика информации также ничем не отличается от традиционной, существующей в уголовном процессе, и все материалы, хранящиеся на

электронных носителях, приобретают то значение, которое сегодня имеют бумажные документы. Однако сложнее обстоит вопрос с правовой регламентацией. С конца 2023 г. введена в действие ст. 474.2 УПК РФ, которая разрешает оборот процессуальных документов в электронной форме, однако в ней идет речь о копиях таких актов, из чего следует, что изначально документы всё равно изготавливаются на бумажных носителях. К тому же, продолжают действовать положения ст. 166, 189.1 и т. д. УПК РФ, в которых прямо указывается на необходимость подписания (что следует из контекста – рукописного) протоколов и иных процессуальных документов. То есть сегодня не существует легальной возможности для полноценного перехода на электронный документооборот, хотя технические препятствия отсутствуют – при необходимости заверения правильности акта иными, кроме следователя, участниками уголовного процесса можно направлять соответствующий запрос через систему «ГосКлюч». Считаем, что чрезмерно осторожная позиция законодателя неоправданна и требуется активизировать процессы перехода на электронный документооборот, исключая дублирование всех актов.

Следующей задачей, которую можно автоматизировать, является анализ больших массивов информации. В этом направлении уже получили достаточно широкое распространение *видеокамеры с автоматической фиксацией правонарушений, встроенными функциями распознавания образов* [10]. Они позволяют вести поиск угнанных автомобилей; устанавливать местонахождение лиц, объявленных в розыск; определять лиц, совершающих правонарушения, и др.

Несмотря на отсутствие прямо предусмотренной возможности их использования именно в уголовно-процессуальной деятельности, отмечается, что задействование камер видеонаблюдения, в том числе с системой автоматического распознавания образов, значительно повышает эффективность раскрытия и расследования преступлений [11]. То есть, практика признаёт допустимость обращения к данным техническим средствам без непосредственной их регламентации в специальных актах. Но возникает неоднозначная ситуация при определении значения получаемой информации. С одной стороны, материалы фото- и видеофиксации сами по себе могут иметь доказательственное значение, входя в группу иных документов. Так, если на видеокамеру было запечатлено уголовно-наказуемое ДТП, то эта запись может лечь в основу обвинения водителя;

или фиксация камерой факта нахождения человека в определенное время в определенном месте – явиться доказательством его алиби. Однако описанные практические ситуации вступают в противоречие с ч. 1, 2 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», которые устанавливают общее правило запрета принятия юридически значимых решений на основе исключительно автоматизированной обработки персональных данных и вводят исключение в виде прямой регламентации обратного в специальном законе. Если вопрос с отнесением автомобильного номера к персональным данным весьма неоднозначен, то изображение лица – легально имеет статус биометрических персональных данных. В этой связи надлежит сделать вывод о недопустимости прямого доказательственного использования информации, полученной с камеры видеонаблюдения, оснащенной технологией компьютерного зрения, пока такая возможность не будет прямо оговорена в УПК РФ.

Другой аспект автоматизации связан с функциональными возможностями офисных пакетов, входящих в базовую комплектацию программного обеспечения. Так, при работе с текстовыми файлами можно ускорить процесс обнаружения интересующих следствия данных с помощью поиска по ключевым словам. Чуть более сложно эти функции реализуются в различных *экспертных системах*. В первом случае никаких отдельных санкций на применение систем автоматизации со стороны государства или руководителя правоохранительного органа не требуется, так же как не возникает вопросов относительно роли полученной информации, поскольку указанные системы – обычное техническое средство, действующее по аналогии с увеличительным стеклом, которое упрощает обнаружение определенных объектов. Новые сведения не появляются, следовательно работает с уже имеющейся у него информацией.

Несколько сложнее обстоит дело с экспертными системами, которые надлежит рассматривать во второй группе технологий.

3. Системы поддержки принятия решений

Суть всех компонентов данной группы сводится к тому, чтобы посредством анализа определенного массива данных предоставить на конкретный поставленный пользователем вопрос ответ, который будет положен в основу решения человека, в том числе юридически значимого.

Так, *автоматизированные экспертно-аналитические комплексы* не только облегчают работу по

анализу больших массивов информации, но и способны брать на себя решение отдельных экспертных задач, (установление, одним или разными лицами выполнены две подписи [12, с. 70–72], определение марки и модели оружия, из которого был произведен выстрел).

Широкое распространение таких комплексов влечет за собой риск дискредитации судебно-экспертной деятельности, так как фактически исследование проводит не эксперт, а машинная система. С позиций актуального уголовно-правового законодательства это недопустимо, поскольку все подобные автоматизированные комплексы, функционируя на основе технологии искусственного интеллекта, характеризуются феноменом «черного ящика» [13], который не позволяет проследить весь процесс работы, а значит, делает невозможным поэтапное воспроизведение процедуры экспертизы для проверки итогового заключения.

Таким образом, использование экспертно-аналитических комплексов должно быть ограничено на основе следующих принципов:

1. Сохранение в экспертной практике «неинтеллектуальных» автоматизированных комплексов, процесс принятия решения которыми очевиден и воспроизводим в ручном режиме, а также полуавтоматизированных комплексов, где алгоритм производит только предварительную обработку сырых данных. Например, в разработанной А.Ю. Комиссаровым системе «Автор» устанавливается частота встречаемости определенных языковых категорий в представленных текстах, после чего полученные данные подвергаются статистическому анализу, по результатам которого эксперт самостоятельно принимает решение: является ли автором обоих текстов одно лицо [14, с. 167–172].

2. Ограничить сферу применения аналитических комплексов предэкспертной верификацией. В таком случае системы поддержки принятия решений ориентированы на лиц, не обладающих специальными познаниями, и содействуют в определении целесообразности назначения профильной экспертизы. Именно такой подход реализуется в системе верификации подложной рукописной подписи *SigVer*. Ожидается, что следователь, подозревающий неоригинальность реквизита на каком-либо документе, загрузит изображения достоверно оригинальной и спорной подписей в программу, которая определит вероятность того, что спорный реквизит подложный. Если количественные показатели данной вероятности окажутся достаточно высокими,

следователь назначит почерковедческую экспертизу, в противном случае – сможет принять документ как подлинный.

3. Смоделировать интерфейс автоматизированных комплексов таким образом, чтобы результат их работы минимально ограничивал свободу человека при принятии решения. Нужно, чтобы рассматриваемые системы советовали, но не подменяли собой волеизъявление человека. Для упомянутой системы *SigVer* экспериментальным путем установлено, что наибольшая самостоятельность решения пользователя достигается, если результат работы программы представлен в виде градиентной цветовой шкалы, на которой ярко-зеленый цвет означает, что спорная подпись достоверно подлинная, а ярко-красный – достоверно подложная [15].

Резюмируя, подчеркнем, что результат работы автоматизированных комплексов поддержки принятия решений должен носить лишь ориентирующее значение, выступать как еще один источник информации, из которого уполномоченное лицо делает полностью самостоятельные выводы. Вместе с тем, если подобные комплексы внедряются в экспертную практику, они должны найти свое закрепление в соответствующих методических рекомендациях, прошедших сертификацию, тогда как при их использовании иными субъектами какого-либо санкционирования, на наш взгляд, не требуется.

4. Технологии обработки электронной информации

Всеобщая цифровизация, развивающаяся очень быстрыми темпами, в том числе, к увеличению внутреннего разнообразия группы технологий, направленных на работу с информацией, хранящейся в электронном виде [16].

Необходимо рассмотреть различные программные и программно-аппаратные модули, которые предназначены для получения доступа к *такого рода информации* («Мобильный криминалист», *Celebrite UFED* и пр.). Нередко их использует следователь-криминалист или иной специалист, приглашенный для изъятия электронных носителей информации, в рамках следственных действий либо эксперт – в процессе производства судебной экспертизы. В этой связи требуется, чтобы эти системы были сертифицированы, соответствовали всем техническим регламентам и стандартам качества, были разработаны в России на отечественных платформах. Вместе с тем каких-либо специальных норм, в которых бы прямо закреплялось право уполномоченного субъекта применять то или иное техническое средство из данной

категории, не требуется, равно как в УПК РФ не содержится правил о том, какие инструменты может использовать следователь при необходимости в процессе обыска вскрыть сейф.

В части определения значения получаемых сведений подчеркнем, что при соблюдении всех правил работы с электронными носителями информации их искажения и иной модификации не происходит, сохраняется та процессуальная роль данных, которая была присуща им изначально. Важно обратить внимание: значение полученная информация будет иметь только тогда, когда не было допущено никаких ошибок, влекущих модификацию или утрату сведений. Однако следователи сегодня в основном не обладают достаточными для этого компетенциями и должны обращаться за помощью к специалистам или экспертам.

После получения доступа к информации, хранящейся на электронном носителе, встает задача обнаружить, изъять и исследовать криминалистически значимые материалы. В отдельных случаях ее может решить и сам следователь в рамках осмотра, однако это позволяет подвергнуть обработке только явные сведения, что не требует использования специфических технологических решений. Более глубокое изучение объектов, позволяющее выявить зашифрованную информацию, скрытые каналы коммуникации, логи системы и пр., расположено в сфере отдельных подвидов компьютерно-технической экспертизы.

Изучение компьютерной информации может осуществляться следователем и для решения иных задач, не связанных с изъятием электронных носителями информации. Как уже было указано, цифровизация получила повсеместное распространение. Одним из последствий этого стало агрегирование больших объемов различных сведений о человеке в сети «Интернет». Значительное их число пользователи самостоятельно и инициативно размещают, часть попадает в открытый доступ в результате неумышленных действий человека либо противоправных нарушений секретности различных электронных баз данных.

Все эти сведения могут быть получены с использованием специализированных программных сервисов группы *OSINT* через дорки (оптимизированные запросы для поисковых систем), боты в мессенджерах или самостоятельное программное обеспечение (последнее чаще встречается для операционных систем на базе *Linux*). Данное направление в последние годы привлекает значительное внимание криминалистов [17–20], его допустимость оценива-

ется неоднозначно, однако представляется, что в данном случае нет оснований говорить о нарушении прав граждан на личную и семейную тайну, поскольку вся информация, к которой может получить доступ субъект криминалистической деятельности, уже находится в открытом доступе, а упомянутые и многие другие специализированные сервисы лишь профильно ориентированы на ее обнаружение и систематизацию.

Однако в современных условиях к полученным посредством *OSINT* сведениям нужно подходить осторожно, поскольку широкое распространение получают *deepfake* – искаженные фото-, видеоизображения и аудиозаписи голосов реальных людей. Различными организациями и научными коллективами создаются системы распознавания *deepfake* [21], однако их применение видится возможным пока только в процессе экспертного исследования. Существует риск, что следователь обнаружит ложную информацию, которая повлияет на принимаемые им решения. В любом случае сведения, собранные посредством *OSINT*, пусть эта технология и не требует специального нормативного закрепления, могут носить лишь ориентирующее значение и использоваться, например, для изучения личности допрашиваемого лица в рамках предварительной подготовки к следственному действию.

5. Иные технологии

Во-первых, внимания заслуживают *дроны* (беспилотные летательные аппараты), которые позволяют делать фотосъемку протяженных (например, троп), крупногабаритных (например, мест автотранспортных или железнодорожных катастроф) объектов без искажения и необходимости использовать крупногабаритное подъемное оборудование. С их помощью можно осмотреть и зафиксировать места происшествия, на которых нахождение человека небезопасно (места пожаров, взрывов), непосредственно опасные объекты. При этом дроны – лишь модифицированная фото-, видеокамера, поэтому отдельное закрепление возможности их применения в практике раскрытия и расследования преступлений не требуется, а получаемая информация может иметь доказательственное значение, будучи

приложенной в форме иллюстрационной таблицы к протоколу.

Во-вторых, развивая тему фотофиксации, существенный потенциал имеют *стереокамеры с функцией охвата пространства в 360°* [22, с. 34]. Такие устройства могут устанавливаться в центре места предстоящего следственного действия, а также в проекции этой точки над землей (с помощью дрона или закрепленными на потолке), в результате фиксируя одним кадром всё пространство, потенциально содержащее криминалистически значимую информацию. Исследование позже таких фотоснимков повышает шанс обнаружения важных деталей, которые могли быть упущены при работе на местности, что, с одной стороны, может минимизировать негативные последствия следственных ошибок, а с другой – обеспечить большую наглядность обстановки для иных участников уголовного процесса (главным образом, суда). Правовой режим использования таких фотокамер и значение получаемых изображений аналогичны данным характеристикам дронов.

Наконец, последняя технология, которой хотелось бы уделить внимание в настоящем исследовании, опирается на факт почти всеобщей обеспеченности смартфонами. Весьма полезно с позиций повышения эффективности следственной деятельности использование мобильных справочных систем. Авторами настоящей работы создано мобильное приложение «*CrimLib* – Справочник следователя»¹, которое содержит в себе краткие криминалистические рекомендации и алгоритмы по осмотру и описанию различных объектов; организации расследования; назначению экспертиз; допросу по различным уголовным составам и т. д. Данный справочник и аналогичные проекты [23] могут использоваться начинающими следователями для минимизации ошибок в работе. При этом мобильный телефон сегодня повсеместно сопровождает человека, не занимает много места и имеет незначительный вес, а электронные сервисы поддерживают функции регулярного обновления, которое производится квалифицированными представителями отрасли. Это выгодно отличает мобильные справочники от бумажных книг или интернет-ресурсов.

¹ См.: Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021613578 Российская Федерация. Мобильное приложение «CrimLib.info – Справочник следователя» для устройства на операционной системе Android: № 2021612706: заявл. 05.03.2021: опубл.

11.03.2021 / Д.В. Бахтеев. 1 с.; Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021614227 Российская Федерация. Мобильное приложение «CrimLib.info – Справочник следователя» для устройства на iOS: № 2021612686: заявл. 05.03.2021: опубл. 22.03.2021 / Д.В. Бахтеев. 1 с.

6. Заключение

Безусловно, нами проведен обзор далеко не исчерпывающего перечня новых технологических средств, которые могут помочь следователю, однако на основании изложенного можно сформулировать обобщенные принципы использования современных источников доказательственного и ориентирующего значения в криминалистической деятельности.

1. Ориентируясь на собственное правосознание, следователь должен руководствоваться положением ч. 6 ст. 164 УПК РФ, закрепляющим его право свободно использовать технические средства при производстве следственных действий, уведомляя об этом иных участников и отражая данный факт в протоколе.

2. Если применение какой-либо технологии может ограничить законные права и свободы человека, но следственное действие такой возможности не предполагает (осуществляется без санкции суда), то применение указанной технологии недопустимо.

3. Все, особенно юридически значимые, решения следователя должны носить самостоятельный характер, их подмена результатом работы информационной системы недопустима.

4. Если применение технологии не приводит к модернизации, искажению, иному сущностному преобразованию исходной информации, то ее значение в процессе доказывания не должно изменяться, в противном случае – допустимо ее использование только в качестве ориентирующей.

При этом по каждой технологии в различных следственных ситуациях должна производиться уникальная оценка возможности ее использования, пределов и значения такого применения. Наука может только подготавливать рекомендации, которые никогда не учтут всего многообразия жизненных ситуаций. Однако опора на рассмотренные примеры и действие по аналогии может существенно помочь отдельным следователям при адаптации к процессам цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kruger E. The dimensions of “forensic biosecurity” in genetic and facial contexts / E. Kruger, G. Porter, P. Birch, L. Bizo, M. Kennedy // *Security Journal*. – 2024. – Vol. 37, Iss. 4. – P. 1746–1768. – DOI: 10.1057/s41284-024-00445-1.
2. Harshith P. Exploring the Potential of Augmented Reality for Forensic Crime Scene Reconstruction: A Review / P. Harshith, P. Ramakrishnan // *International Journal Of Trendy Research In Engineering And Technology*. – 2023. – Vol. 7, Iss. 3. – P. 28–34. – DOI: 10.54473/IJTRET.2023.7305.
3. Россинский С. Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? / С. Б. Россинский // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2021. – № 6. – С. 42–46.
4. Победин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция / А. В. Победин // *Библиотека криминалиста*. – 2017. – № 3 (32). – С. 101–111.
5. Сотников К. И. О возможностях внедрения транскрибации в практику допроса на стадии предварительного расследования преступлений / К. И. Сотников // *Юридические исследования*. – 2023. – № 11. – С. 66–75. – DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68738.
6. Вахмянина Н. Б. Возможности использования программ-транскрайберов при производстве следственных действий / Н. Б. Вахмянина, Э. А. Иванов // *Российский следователь*. – 2019. – № 2. – С. 6–9.
7. Зуев С. В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени / С. В. Зуев // *Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Шестой всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24 мая 2024 г.)*. – Екатеринбург, 2024. – С. 77–82.
8. Singarimbun D. A. Implementation of the Electronic Criminal Case File Transfer System / D. A. Singarimbun, K. Pakpahan // *YURISDIKSI: Jurnal Wacana Hukum dan Sains*. – 2024. – Vol. 20, No. 1. – Pp. 58–65. – DOI: 10.55173/yurisdiksi.v20i1.229.
9. Qin H. The development of China’s electronic case file regulations and its future implications / H. Qin, L. Chen, L. Mou // *Computer Law & Security Review*. – 2024. – Vol. 52. – Art. 105930. – DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105930.
10. Shyam R. Automatic Face Recognition in Digital World / R. Shyam, Y. Singh // *Advances in Computer Science and Information Technology*. – 2022. – Vol. 2, No. 1. – P. 64–70.

11. Цурлуй О. Ю. Синхронизация криминалистической науки, правоприменения, законодательства и технологий – процесс необходимый и неизбежный / О. Ю. Цурлуй // Российский следователь. – 2024. – № 4. – С. 24–28. – DOI: 10.18572/1812-3783-2024-4-24-28.
12. Бахтеев Д. В. Компьютерное зрение и распознавание образов в криминалистике / Д. В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 3 (111). – С. 66–74. – DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-66-74.
13. Suman R. R. Extracting State Models for Black-Box Software Components / R. R. Suman, R. Mall, S. Sukumaran, M. Satpathy // Journal of Object Technology. – 2010. – Vol. 9, No. 3. – P. 79–103. – DOI: 10.5381/jot.2010.9.3.a3.
14. Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи с использованием ЭВМ : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Комиссаров. – М., 2001. – 225 с.
15. Бахтеев Д. В. Интерфейс в интеллектуальной системе поддержки принятия решения как фактор принятия решения на примере проекта по верификации подписей / Д. В. Бахтеев, А. Д. Цветкова // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы Пятой междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 мая 2023 г.). – Екатеринбург : Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиБ», 2023. – С. 47–48.
16. Зайченко К. С. Діджиталізація економік та суспільства: світові тенденції / К. С. Зайченко // Актуальні проблеми економіки. – 2023. – № 9 (267). – С. 21–30. – DOI: 10.32752/1993-6788-2023-1-267-21-30.
17. Бессонов А. А. Использование в раскрытии преступлений информации из открытых источников информации (OSINT) / А. А. Бессонов // Актуальные вопросы теории и практики оперативной-разыскной деятельности : сб. науч. тр. Межведомств. науч.-практ. конф. (Москва, 16 сент. 2022 г.). – М. : Моск. ун-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 40–45.
18. Иванов В. Ю. Использование OSINT в раскрытии и расследовании преступлений / В. Ю. Иванов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (37). – С. 62–66.
19. Янгаева М. О. OSINT. Получение криминалистически значимой информации из сети Интернет / М. О. Янгаева, Н. О. Павленко // Алтайский юридический вестник. – 2022. – № 2 (38). – С. 131–135.
20. Yadav A. Open-source intelligence: a comprehensive review of the current state, applications and future perspectives in cyber security / A. Yadav, A. Kumar, V. Singh // Artificial Intelligence Review. – 2023. – Vol. 56, No. 11. – P. 12407–12438. – DOI: 10.1007/s10462-023-10454-y.
21. Бодров Н. Ф. Дипфейк как объект судебной экспертизы / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Нижний Новгород, 22–23 мая 2024 г.). – Н. Новгород : Нац. исследоват. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2024. – С. 42–50.
22. Арсентьева С. С. Использование метода сферической фиксации места происшествия / С. С. Арсентьева, С. А. Морозов // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – Т. 4, Вып. 2. – С. 33–36. – DOI: 10.24411/2618-8236-2019-14204.
23. Хужаев А. Т. Мобильное приложение «Справочник дознавателя МЧС» / А. Т. Хужаев, А. И. Васильев // Актуальные проблемы обеспечения безопасности в Российской Федерации : сб. материалов Дней науки с междунар. участием, посвящ. 90-летию Гражд. обороны России (Екатеринбург, 30 мая 2022 г.) : в 2 ч. – Екатеринбург : Ур. ин-т Гос. противопожар. службы МЧС России, 2022. – Ч. 1. – С. 204–209.

REFERENCES

1. Kruger E., Porter G., Birch P., Bizo L., Kennedy M. The dimensions of “forensic biosecurity” in genetic and facial contexts. *Security Journal*, 2024, vol. 37, iss. 4, pp. 1746–1768. DOI: 10.1057/s41284-024-00445-1.
2. Harshith P., Ramakrishnan P. Exploring the Potential of Augmented Reality for Forensic Crime Scene Reconstruction: A Review. *International Journal Of Trendy Research In Engineering And Technology*, 2023, vol. 7, iss. 3, pp. 28–34. DOI: 10.54473/IJTRET.2023.7305.
3. Rossinskiy S.B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedural form or a “memo” for illiterate law enforcers. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 42–46. (In Russ.).

4. Pobedkin A.V. Criminal procedural code: a form of live law or a “soul-less” instruction. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2017, no. 3 (32), pp. 101–111. (In Russ.).
5. Sotnikov K.I. On the possibilities of introducing transcription into the practice of interrogation at the stage of preliminary investigation of crimes. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*, 2023, no. 11, pp. 66–75. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.11.68738. (In Russ.).
6. Vakhmyanina N.B., Ivanov E.A. Possibility to Use of Transcription Software in Investigative Activities. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 2, pp. 6–9. (In Russ.).
7. Zuev S.V. Information-Technological Process of Criminal Proceedings: A Matter of Time, in: *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii*, Proceedings of the Sixth All-Russian Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, May 24, 2024), Yekaterinburg, 2024, pp. 77–82. (In Russ.).
8. Singarimbun D.A., Pakpahan K. Implementation of the Electronic Criminal Case File Transfer System. *YURISDIKSI: Jurnal Wacana Hukum dan Sains*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 58–65. DOI: 10.55173/yurisdiksi.v20i1.229.
9. Qin H., Chen L., Mou L. The development of China's electronic case file regulations and its future implications. *Computer Law & Security Review*, 2024, vol. 52, art. 105930. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105930.
10. Shyam R., Singh Y. Automatic Face Recognition in Digital World. *Advances in Computer Science and Information Technology*, 2022, vol. 2, no. 1, pp. 64–70.
11. Tsurluy O.Yu. Synchronization of the Criminalistic Science, Law Enforcement, Laws And Technologies: A Required And Inevitable Process. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2024, no. 4, pp. 24–28. DOI: 10.18572/1812-3783-2024-4-24-28. (In Russ.).
12. Bakhteev D.V. Computer Vision and Pattern Recognition in Forensic Science. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2019, no. 3 (111), pp. 66–74. DOI: 10.34076/2410-2709-2019-3-66-74. (In Russ.).
13. Suman R.R., Mall R., Sukumaran S., Satpathy M. Extracting State Models for Black-Box Software Components. *Journal of Object Technology*, 2010, vol. 9, no. 3, pp. 79–103. DOI: 10.5381/jot.2010.9.3.a3.
14. Komissarov A.Yu. *Forensic Examination of Written Speech Using a Computer*, Doct. Diss. Moscow, 2001. 225 p. (In Russ.).
15. Bakhteev D.V., Tsvetkova A.D. Interface in Intelligent Decision Support System as a Decision-Making Factor on Example of Signature Verification Project, in: *Tekhnologii XXI veka v yurisprudentsii*, Proceedings of the Fifth International scientific and practical conference (Yekaterinburg, May 19, 2023), Yekaterinburg, KrimLib Criminology Development Assistance Center Publ., 2023, pp. 43–50. (In Russ.).
16. Zaichenko K.S. Digitalization of Economies And Society: Global Trends. *Aktual'ni problemi ekonomiki = Actual Problems of Economics*, 2023, no. 9 (267), pp. 21–30. DOI: 10.32752/1993-6788-2023-1-267-21-30. (In Ukrainian).
17. Bessonov A.A. The Use of Information From Open Sources of Information (OSINT) in the Disclosure of Crimes, in: *Aktual'nye voprosy teorii i praktiki operativno-razysknoi deyatel'nosti*, Collection of scientific papers of the Interdepartmental scientific and practical conference (Moscow, September 16, 2022), Moscow, Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia Publ., 2022, pp. 40–45. (In Russ.).
18. Ivanov V.Yu. Using OSINT in Detecting and Investigating Crimes. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2023, no. 1 (37), pp. 62–66. (In Russ.).
19. Yangaeva M.O., Pavlenko N.O. OSINT. Obtaining Forensic Significant Information From the Internet. *Altaiiskii yuridicheskii vestnik = Altai Law Journal*, 2022, no. 2 (38), pp. 131–135. (In Russ.).
20. Yadav A., Kumar A., Singh V. Open-source intelligence: a comprehensive review of the current state, applications and future perspectives in cyber security. *Artificial Intelligence Review*, 2023, vol. 56, no. 11, pp. 12407–12438. DOI: 10.1007/s10462-023-10454-y.
21. Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Deepfakes as an Object of Forensic Examination, in: *Natsional'nye i mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy*, Collection of reports of the Scientific and Practical Conference with international participation (Nizhny Novgorod, May 22–23, 2024), Nizhny Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2024, pp. 42–50. (In Russ.).
22. Arsenteva S.S., Morozov S.A. Using the Spherical Fixation Method of the Place of Incident. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, 2019, vol. 4, iss. 2, pp. 33–36. DOI: 10.24411/2618-8236-2019-14204. (In Russ.).

23. Khuzhaev A.T., Vasil'ev A.I. Mobile Application «Directory of The Investigator of The Ministry of Emergency Situations», in: *Aktual'nye problemy obespecheniya bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii*, Collection of materials from the Days of Science with international participation, dedicated to the 90th anniversary of the Civil Defense of Russia (Yekaterinburg, May 30, 2022), in 2 parts, Yekaterinburg, UISFS of EMERCOM of Russia Publ., 2022, pt. 1, pp. 204–209. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронков Дмитрий Валерьевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой криминалистики имени И.Ф. Герасимова, заведующий лабораторией цифровых технологий в криминалистике

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: ae@crimlib.info

ORCID: 0000-0002-0869-601X

SPIN-код РИНЦ: 8301-7165

Сосновикова Анна Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории цифровых технологий в криминалистике

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

620066, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

E-mail: at@crimlib.info

ORCID: 0000-0002-1631-9265

SPIN-код РИНЦ: 7460-5805

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Dmitry V. Voronkov – Doctor of Law, Associate Professor; Head, Department of Criminalistics named after I.F. Gerasimov; Head, Laboratory of Digital Technologies in Criminalistics

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620066, Russia

E-mail: ae@crimlib.info

ORCID: 0000-0002-0869-601X

RSCI SPIN-code: 8301-7165

Anna M. Sosnovikova – Junior researcher, Digital Technologies in Criminalistics

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620066, Russia

E-mail: at@crimlib.info

ORCID: 0000-0002-1631-9265

RSCI SPIN-code: 7460-5805

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воронков Д.В. Модели использования следователем современных информационных источников ориентирующего и доказательственного значения / Д.В. Воронков, А.М. Сосновикова // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 109–118. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).109-118.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Voronkov D.V., Sosnovikova A.M. Models of the investigator's use of modern information sources of orienting and evidentiary value. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 109–118. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).109-118. (In Russ.).

«НЕ НАВРЕДИ»: НОРМАТИВНАЯ И ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ НЕОКАЗАНИЯ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В.А. Никулина

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

06 августа 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Вред здоровью человека,
причинная связь, общественно
опасные последствия,
медицинская помощь, судебно-
медицинская экспертиза,
недостаток оказания
медицинской помощи,
квалификация преступлений,
преступления против жизни,
преступления против здоровья

Анализируется влияние нормативных изменений о причинении вреда здоровью на правоприменительную практику по делам о неоказании или ненадлежащем оказании медицинской помощи. Фиксируется, что большинство новелл 2025 г. направлено на устранение недочетов, существовавших в правовом регулировании. Нормативные акты о признаках вреда здоровью не только служат руководством к экспертному исследованию, но и подлежат непосредственному применению судами по уголовным делам. Недостаток оказания медицинской помощи является оценочной категорией, которая должна устанавливаться исходя из качественных критериев. Причинная связь при бездействии врача носит социальный характер и должна устанавливаться судом. В статье проанализированы особенности оценки механизма причинения последствий в результате деяний медицинских работников.

“FIRST, DO NO HARM”: A REGULATORY AND EXPERT ASSESSMENT OF THE CONSEQUENCES OF FAILURE TO PROVIDE OR IMPROPER PROVISION OF MEDICAL CARE

Viktoriya A. Nikulina

HSE University – St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2025 August 06

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Harm to human health, causal
relationship, socially dangerous
consequences, medical care,
forensic medical expertise,
shortcoming of medical care,
qualification of crimes, crimes
against life, crimes against health

The subject of research are regulatory acts which in their comprehensive interrelation define the characteristics of harm inflicted on human health, including its description as publicly dangerous consequence of failure to provide medical care, or improper provision thereof. The study was conducted with regard to criminal and healthcare legislation provisions, as well as regulation of particularities of forensic medical expert examination. The paper aims to test the hypothesis on the regulatory amendments' to medical legal acts influence on the understanding of iatrogenic crimes, and the practice of their qualification by criminal courts.

Historical-legal methodology is deployed to show preconditions, grounds and directions of development of legislation defining criteria of infliction of harm on human health. Systemic analysis methodology allowed the author to disclose the particularities of interconnections between criminal and forensic-medical legislation, to prove the blanket nature of the characteristics of crimes against human life and health. The comparative-legal methodology of research allowed identification of the constant part of legal framework related to provision of medical care, and the definitions extensively transformed by the legislator (harm to human health, shortcomings of medical care provision, consequences of improper provision of medical care). Methods of philosophy and logic allowed for disclosure of particularities of the causation connection to publicly dangerous consequences, and the specificity of causation in criminal cases on medical workers' omission (including with regard to failure to provide medical care to a patient).

Main results. It was established that infliction of harm in the course of, or as the result of provision of medical care cannot be considered an intentional crime, but rather is either innocent or negligent. Inaction of a doctor, as seen from the forensics point of view, is not a harmful external factor, and therefore the feature of infliction of harm on the health of a patient must be established legally (juridically) rather than through expert examination. New normative regulations are aimed at clarifying the features of shortcomings of medical care and their harmful consequences, thus seeking to eliminate some matters of argument and ensure the unified law-enforcement practice. When considering criminal cases related to harm inflicted by medical workers the courts must not only base themselves upon the results of forensic medical expert examinations, but also separately apply the normative regulatory provisions to which there is a blanket reference in the criminal legislation, and which themselves define the criteria of properly qualified medical care as well as the assessment of harm inflicted where said care was improper.

Conclusions. The scientific analysis carried out by the author has confirmed the hypothesis of the research, and proved direct application of medical legal acts by courts considering criminal cases on failure to provide medical care to patients or improper provision thereof.

1. Введение

2025-й год ознаменовался рядом нормативных изменений, существенно влияющих на оценку последствий, наступающих в процессе или после оказания медицинской помощи. Во-первых, 8 января этого года вступили в силу поправки, исключившие медицинских работников из круга субъектов преступления, предусмотренного ст. 238 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ¹. Законодатель императивно поставил точку в споре о квалификации случаев причинения вреда жизни или здоровью при выполнении медиками своих профессиональных обязанностей [1, с. 152; 2, с. 127; 3, с. 25]. И хотя ранее Конституционный Суд (далее – КС) РФ не выявил в этой статье неопределенности², но введение к ней примечания предельно уменьшило саму возможность противоречивой правоприменительной практики по таким делам. Во-вторых, с 1 сентября утрачивает силу Постановление Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека»³, в связи с чем *de facto* исключено данное в нем развернутое определение понятия «вред, причиненный здоровью чело-

века», что увеличивает значимость выводов судебно-медицинских экспертов по этому вопросу. В-третьих, с этой же даты начнет действовать Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (далее также – Порядок определения степени тяжести вреда здоровью, Порядок)⁴, который сменил Приказ Минздравсоцразвития России от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (далее – Медицинские критерии 2008 г.) и существенно пересмотрел положения о вредных последствиях оказания медицинской помощи⁵. Всё это трансформирует и квалификацию таких деяний, что еще не получило достаточного научного исследования.

Автор сопоставляет нормативные изменения и анализирует, как они повлияют на правоприменительную оценку последствий неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи.

2. Влияние изменения терминологии на применение норм уголовного закона

Введение примечания к ст. 238 УК РФ, исключившего медицинскую помощь из понятия небез-

¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8524.

² Определение КС РФ от 25 июня 2024 № 1476-О. Здесь и далее нормативные правовые и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Правительства РФ от 26 июля 2025 г. № 1110 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

⁴ Приказ Минздрава России от 8 апреля 2025 г. № 172н «Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

⁵ Пункт 25 Медицинских критериев 2008 г. предусматривал, что «ухудшение состояния здоровья человека, обусловленное дефектом оказания медицинской помощи, рассматривается как причинение вреда здоровью».

опасных услуг, связано с тем, что предусмотренное в ней преступление признаётся совершаемым только умышленно⁶. Между тем ст. 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» определяет медицинскую помощь как комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг (п. 2 ч. 1). Эта субъективная направленность характеризует общественно полезную цель любой медицинской услуги (которая является частью медицинской помощи), что исключает осознание общественной опасности при ее оказании, а потому вредные последствия если и наступают, то по неосторожности или невиновно.

Представляется, что воля законодателя как раз и была основана на такой логике: медицинские услуги, входящие в медицинскую помощь, не могут оказываться с умыслом на вредные последствия. Если же у лица есть такой умысел, то это уже не медицинская деятельность, а проявление умышленного преступления против жизни или здоровья (не случайно именно в гл. 16 УК РФ включены нормы о неоказании помощи больному и оставлении в опасности, т. е. о деяниях, совершаемых умышленно).

Поэтому примечание к ст. 238 УК РФ не столько исключает привлечение к ответственности по этой статье за негативные последствия оказания медицинской помощи (которое и до того не предполагалось при системном толковании), сколько предупреждает возможные ошибки правоприменения.

Ранее существовавшее нормативное определение понятия «вред, причиненный здоровью человека» связывало его с воздействием «физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды» (п. 5 Медицинских критериев 2008 г.). Такие повреждающие факторы были перечислены исчерпывающим образом, что не учитывало их многообразия, а заболевания и патологические состояния в их числе вовсе не упоминались. По сути, данное определение не охватывало вред здоровью вследствие дефектов оказания медицинской помощи. Также оно, по мнению отдельных ученых, совсем не отражало тонкости воздействия такого фактора, как медицинская помощь [4, с. 170–172]. Многие недостатки критериев проистекали из неверного, по сути, определения понятия «вред здоровью» [5, с. 37]. На это неоднократно указывали пред-

ставители судебно-медицинской и уголовно-правовой науки [6, с. 17–18; 7, с. 33], что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования и корректировки терминологии.

Новый Порядок определения степени тяжести вреда здоровью разрубил гордиев узел, полностью отказавшись от раскрытия понятия «вред здоровью» и ограничившись лишь констатацией в п. 4, что вред, причиненный здоровью человека, квалифицируется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий, средней тяжести или легкий).

Хотя отдельным видом научной дискуссии является спор о терминах, но отказ нормотворца от раскрытия понятия «вред здоровью» вполне объясним. Буквальный смысл нормативного определения не соответствовал складывающейся правоприменительной практике, в первую очередь по делам в отношении медицинских работников. По сути, не определяя общую категорию «вред здоровью», новый Порядок относит к нему все те повреждения, которые и перечисляет.

Таким образом, вместо определения через родовое понятие с видовыми признаками использован метод индукции, вследствие чего для установления вреда здоровью достаточно соотнести определенное последствие с конкретной позицией из списка.

3. Последствия недостатков медицинской помощи как «причиненный вред»

В отношении Медицинских критериев 2008 г. существенную критику вызывал признак «причиненный». Подобная формулировка не охватывает медицинской помощи, сопровождающейся невыполнением необходимых диагностических и лечебных мероприятий, т. е. бездействием, а ошибкой экспертов считается обоснование причинения вреда из бездействия медицинского работника, поскольку «законодатель четко определил, что сутью вреда, причиненного здоровью человека, является только внешнее воздействие» [8, с. 75]. Такое понимание имеет давнюю историю.

Еще И.Г. Вермель отстаивал точку зрения, что причиной, в частности, смерти является наличие или каких-либо заболеваний, или воздействий определенных факторов внешней среды, вследствие чего неоказание или ненадлежащее оказание медицинской помощи не может рассматриваться такой причиной [9, с. 67]. Следуя его логике, в случае неоказания помощи причиной наступления последствий,

⁶ Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о

преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации».

описанных в ст. 124 УК РФ, является не бездействие врача, а патологические состояния, заболевания, травмы потерпевшего. Но такое понимание по своей сути исключает саму возможность уголовной ответственности по этой статье.

Отказ от признания в качестве причины вреда здоровью частично выполненного действия или бездействия не мог не привести к противоречию между медицинским и уголовным правом. В итоге одни специалисты в области судебной медицины старались обосновать причиняющий эффект бездействия как причины в закономерном процессе [10, с. 97], другие указывали на необходимость реформирования текста уголовного закона, чтобы выработать унифицированный подход [11, с. 7], а третьи пытались путем толкования примирить уголовно-правовую практику с медицинской терминологией [12].

Таким образом, наблюдалось расхождение между признанием в ст. 124 УК РФ бездействия повлекшим вредные последствия и медицинской оценкой отсутствия у него причиняющего характера. Поскольку новый Порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в самом названии содержит слово «причиненный», то этот аспект дискуссии сохранился и в настоящее время.

Предшествующей попыткой устранить накопившиеся в практике противоречия можно считать разработку в 2017 г. рекомендаций об установлении причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи⁷. Однако они также стали предметом критики, поскольку: «потенцируют терминологическую путаницу» [13, с. 88]; оперируют медико-правовыми, а не медицинскими понятиями [4, с. 171]; безапелляционно и без достаточных оснований утверждают «об исключительности “прямой” причинной связи в уголовном праве» [14, с. 62]. Действительно, рекомендации исходят из того, что «наличие не прямой (косвенной, опосредованной) причинной связи... означает, что это деяние лежит за пределами юридически значимой причинной связи», а «установление наличия или отсутствия причинной (прямой) связи между действием (бездействием) медицинского работника и наступлением у пациента неблагоприятного исхода для экспертной комиссии явля-

ется обязательным»⁸. Соответственно, они ориентируют судебно-медицинских экспертов на разграничение видов причинной связи, среди которых только прямая означает, что неоказание или ненадлежащее оказание медицинской помощи причинило (повлекло) вредные последствия. Недостатком такого понимания является отсутствие критериев разграничения видов таких связей.

Наряду с этим методические рекомендации расширили понятие вреда, причиненного здоровью человека, включив в число его причин не только внешние повреждающие факторы, но и неоказание помощи больному, а также ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. По сути, они устранили недостаток определения, который существовал в Медицинских критериях 2008 г. [15, с. 9]. И отказ Минздрава России (как органа, уполномоченного федеральным законодателем осуществить необходимое регулирование в этом вопросе) нормативно конкретизировать понятие «вред, причиненный здоровью» свидетельствует о том, что *de facto* подход методических рекомендаций признан правильным.

Медицинские критерии 2008 г. в п. 25 указывали на возможность установления вреда здоровью в случае его причинения вследствие дефектов оказания медицинской помощи. Нормативно само понятие «дефект» не раскрывалось, что вызывало дискуссии и допускало возможность различных интерпретаций [4, с. 39; 16]. Вместо этого новый Порядок использует категорию «недостаток оказания медицинской помощи» (п. 18 и 19).

С одной стороны, «дефект оказания медицинской помощи» нередко определяют через «недостаток», признавая эти понятия равнозначными и синонимичными [17, с. 10, 15]. С другой стороны, считается, что в выводах судебно-медицинских экспертиз предпочтительнее использовать понятие «недостаток оказания медицинской помощи» как более определенное и ясное (простое) [18, с. 33]. Кроме того, стоит отметить, что Методические рекомендации 2017 г., рассмотренные выше, как раз оперируют понятием «недостаток», хотя и не раскрывают его.

Толковый словарь государственного языка, опубликованный в соответствии с Распоряжением

⁷ Ковалев А.В. Порядок проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи: метод. рекомендации. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РЦСМЭ Минздрава России, 2017. 32 с.

⁸ Там же. Цит. по: URL: <https://legalacts.ru/doc/porjadok-provedeniya-sudebno-meditsinskoi-ekspertizy-i-ustanovleniya-prichinno-sledstvennykh-svyezey-po/> (дата обращения: 06.06.2025).

Правительства РФ от 30 апреля 2025 г. № 1102-р, указывает два значения слова «недостаток»: «отрицательное свойство, качество кого-либо, чего-либо, какое-либо несовершенство, изъян» и «отсутствие кого-либо, чего-либо в нужном, достаточном количестве»⁹. Соответственно, недостаток может быть качественным или количественным.

Однако ст. 21 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ использует только категорию «качество медицинской помощи»¹⁰. А с 1 сентября 2025 г. начали действовать критерии оценки качества медицинской помощи¹¹ и порядок осуществления экспертизы ее качества¹². С учетом этого недостатком оказания медицинской помощи можно признать такое ее оказание, которое не отвечает нормативно установленным критериям качества ее оказания. Сами недостатки могут носить существенный и несущественный характер, что предполагает возможность причинной связи вреда здоровью только с существенным недостатком оказания медицинской помощи. Таким образом, понятие «недостаток оказания медицинской помощи» носит оценочный характер.

Важной новеллой стало обозначение видов последствий ненадлежащего оказания медицинской помощи, признаваемых вредом здоровью (п. 18 и 19 Порядка). Теперь к вреду отнесен неблагоприятный исход оказания медицинской помощи и осложнение медицинского вмешательства. Такая конкретизация очевидно будет способствовать более предсказуемой правоприменительной практике.

Так, в утвержденных Минздравом России в 2004 г. методических рекомендациях к осложнениям медицинских вмешательств в стационарах перечислены соответствующие последствия (например, побочные эффекты лекарственных препаратов как осложнения медикаментозной терапии, постинъекционные флебиты, абсцессы как осложне-

ния медицинских манипуляций, острый инфаркт миокарда в ходе лечения больного с гипертонической болезнью как осложнение заболевания, развившееся после медицинского вмешательства)¹³.

Несмотря на близость анализируемых понятий, видна логика нормативного регулирования. Исходом можно считать результат для здоровья пациента, который наступает по завершении (окончании) комплекса медицинских услуг. При этом в случае благоприятного исхода (выздоровления, устранения симптомов или последствий заболевания, травмы, отравления и т. д.) недостатки отдельных медицинских услуг не могут считаться признаком причинения вреда. С учетом использования терминологии в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ осложнение медицинского вмешательства представляет собой побочный результат выполнения того или иного медицинского обследования и (или) медицинской манипуляции, который выражается в ухудшении состояния здоровья, ухудшении течения основного заболевания (появление новых симптомов или состояний) или в развитии нового заболевания (травмы, повреждения и т. д.).

Таким образом, нормативные изменения терминологии снимают многие накопившиеся споры и в целом расширяют перечень случаев, когда медицинские работники могут быть привлечены к уголовной ответственности.

4. Причинная связь при неоказании медицинской помощи

По буквальному смыслу п. 18 и 19 Порядка определения степени тяжести вреда здоровью они не охватывают случаи неоказания медицинской помощи, поскольку лежащие в их основе термины «оказание» и «вмешательство» предполагают активное поведение медицинского работника, но никак не бездействие. Здесь видимо различается юриди-

⁹ Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 ч. / под науч. ред. Н.М. Кропачева, С.А. Белова, С.А. Кузнецова. СПб., 2025. Ч. 1: А–Н. С. 366. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/doc/normativnyje_slovari/tolkovyj_slovar_chast1_A-N.pdf (дата обращения: 06.06.2025).

¹⁰ Пункт 21 определяет качество медицинской помощи как «совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата».

¹¹ Приказ Минздрава России от 14 апреля 2025 г. № 203н «Об утверждении критериев оценки качества медицинской помощи».

¹² Приказ Минздрава России от 14 апреля 2025 г. № 204н «Об утверждении Порядка осуществления экспертизы качества медицинской помощи, за исключением медицинской помощи, оказываемой в соответствии с законодательством Российской Федерации об обязательном медицинском страховании».

¹³ Непрерывное совершенствование лечебно-диагностического процесса и обеспечение безопасности пациента в условиях индустриальной модели управления качеством медицинской помощи в стационаре. Методические рекомендации № 2004/46 (утв. Минздравом России 19 марта 2004 г.).

ческое (уголовно-правовое) и экспертное (судебно-медицинское) понимание причинной связи.

Конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, предполагает, что бездействие лица, обязанного оказывать медицинскую помощь, причиняет (способно повлечь) вред здоровью или даже смерть человека. Но с точки зрения судебной медицины ближайшей и закономерной причиной этих последствий будет то заболевание (состояние, травма, отравление и т. д.), которое и требовало оказания такой помощи. Не случайно именно по делам о бездействии медицинских работников отсутствует единый экспертный подход к установлению причинно-следственной связи, в том числе высказываются сомнения о возможности ее судебно-медицинской оценки [12; 15, с. 8]. Впрочем, и в уголовно-правовой науке продолжается дискуссия, с преобладанием позиции, что между бездействием и общественно опасными последствиями имеется не причинная, а обуславливающая связь [19], что расходится с «буквой» уголовного закона.

Соответственно, эксперт не может установить, что бездействие причиняет, но может ответить на вопросы, в частности, имелась ли возможность оказать помощь, какой должна была быть помощь, могла ли она предотвратить наступление последствий (при этом ответ на последний вопрос обычно носит вероятностный характер, а признаки преступления подлежат доказыванию вне разумных сомнений). В зависимости от ответов уже суд должен установить, что бездействие медицинского работника повлекло указанный в уголовном законе вред.

Следует *inter alia* заметить, что и ст. 196 УПК РФ не требует обязательного экспертного исследования причин вреда здоровью. Ранее уже критиковалось стремление правоприменителей переложить на судебных экспертов бремя установления причинной связи между деянием медика и наступившими неблагоприятными последствиями [20, с. 89], или даже «давать юридическую оценку действиям медицинских работников» [21, с. 58].

Безусловно, толкование многих признаков, связанных со смертельным исходом либо вредом здоровью человека, весьма затруднительно без специальных медицинских познаний [22, с. 167], но «судебно-медицинская экспертиза призвана описать фактические обстоятельства с экспертно-медицинской точки зрения, а дать им правовую квалификацию может только суд» [13, с. 125]. Между тем в основе эксперт-

ной оценки причинной связи лежит клинико-морфологический, а не юридический или философский подходы [15, с. 9]. Например, клиническая картина последствий травмы будет одинаковой как в том случае, когда потерпевший сам решит не обращаться за помощью, так и в случае отказа ему в такой помощи. Но для суда это совершенно разные ситуации.

Поскольку бездействие представляет собой в наиболее обобщенной характеристике невыполнение юридической обязанности (т. е. обязанности, существующей нормативно в социальных отношениях и не сводимой к миру физическому), то и причинная связь от бездействия является связью социальной, которая устанавливается от обратного путем умозаключений правоприменителя.

Соответственно, установление причинно-следственной связи между неоказанием медицинской помощи и неблагоприятным исходом (осложнения медицинского вмешательства нет, поскольку в его выполнении как раз и имел место отказ) выходит за рамки чисто медицинской компетенции и приобретает правовой характер.

5. Прямая причинная связь с общественно опасными последствиями как специальный признак ненадлежащего оказания медицинской помощи

Наиболее важным (хотя и не бесспорным) представляется решение Минздрава России нормативно закрепить, что неблагоприятные последствия оцениваются как вред только в случае установления прямой причинно-следственной связи их возникновения с недостатком оказания медицинской помощи.

Сегодня имеет место научная дискуссия о характере акта, определяющего признаки вреда здоровью. С одной стороны, Медицинские критерии 2008 г. оценивались как адресованные, прежде всего, специалистам в области судебной медицины, но не субъектам правоприменения [23, с. 50]. С другой стороны, считается, что подобные правовые акты хотя и направлены на установление экспертной процедуры по определению тяжести причиненного вреда, но имеют материально-правовой характер, вследствие чего могут применяться и следователем, и судом непосредственно как нормативные акты, соединенные с уголовно-правовыми запретами [24]. То есть, сам признак «причинение вреда здоровью» является бланкетным [25]. Основываясь на конституционно-правовом толковании¹⁴, можно признать, что новый Порядок раскрывает критерии вреда, ко-

¹⁴ Постановление КС РФ от 11 января 2024 г. № 1-П.

торые подлежат учету правоприменителем при квалификации преступлений. Поэтому положение об установлении исключительно прямой причинно-следственной связи между недостатками оказания медицинской помощи и общественно опасными последствиями носит нормативный характер, не только повышает стандарты доказывания причинной связи, но и подлежит непосредственному применению судами по уголовным делам.

В споре о прямой или косвенной причинной связи определение того, имеют ли место основания для ответственности за причинение вреда, возложено на суды общей юрисдикции¹⁵. Но теперь установление любой причинной связи, кроме прямой (т. е. косвенной, опосредованной, кумулятивной, атипичной и др. [26]), исключает возможность отнесения последствий ненадлежащего оказания медицинской помощи к вреду здоровью, а также квалификацию такого деяния как преступления.

6. Заключение

Проанализированные нормативные изменения 2025 г. существенно влияют на практику квалификации случаев неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. При этом новый Порядок определения степени тяжести вреда здоровью предназначен для применения не только экспертами, но и судами, которые должны не слепо

следовать за выводами экспертов, а соотносить их с нормативными положениями о качестве медицинской помощи, признаках вреда здоровью. Поэтому реализация положений уголовного закона о вреде здоровью невозможна без толкования судами медицинских нормативных актов и включения результатов такого толкования в мотивировочную часть своих решений.

Вступившие в силу с 1 сентября 2025 г. новеллы устраняют большинство дискуссионных вопросов (о форме вины медицинского работника, о понятии «вред здоровью» и об отнесении к нему последствий бездействия). Но сохраняется проблема понимания причинной связи при неоказании помощи больному, которая должна устанавливаться судом как социальная – исходя из обязанностей конкретного лица и наличия у него возможностей предотвратить неблагоприятный исход. Собственно недостатки оказания медицинской помощи носят оценочный характер, коррелируя с несоответствием установленным критериям качества. Гарантией определенности нормативного регулирования и правовой защищенности врачей должно послужить указание на прямую причинную связь медицинской помощи с неблагоприятными последствиями, однако в практике необходимо уделять повышенное внимание особенностям кумулятивной и атипичной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нагорная И. И. Уголовная ответственность за профессиональные преступления медицинских работников: новый подход / И. И. Нагорная // Российский юридический журнал. – 2021. – № 1. – С. 147–157. – DOI: 10.34076/20713797_2021_1_147.
2. Бимбинов А. А. Причинение вреда при оказании медицинской помощи как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности / А. А. Бимбинов // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26, № 7. – С. 125–137. – DOI: 10.12737/jrl.2022.077.
3. Степанова И. Б. Проблемные вопросы разграничения преступлений, связанных с неоказанием или ненадлежащим оказанием медицинской помощи / И. Б. Степанова, О. В. Соколова // Российская юстиция. – 2023. – № 7. – С. 18–26.
4. Уголовная ответственность врача в современной России : моногр. / под общ. ред. Т. В. Семиной. — М.: Проспект, 2021. — 352 с.
5. Божченко А. П. К вопросу о правилах и медицинских критериях определения тяжести вреда, причиненного здоровью человека (сообщение I) / А. П. Божченко // Медицинское право. – 2022. – № 2. – С. 32–38.
6. Пашинян Г. А. Проблемы квалификации деяний, посягающих на здоровье человека, в связи с введением в действие медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Г. А. Пашинян, И. В. Ившин // Медицинская экспертиза и право. – 2009. – № 1. – С. 16–20.
7. Галюкова М. Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / М. Галюкова // Уголовное право. – 2008. – № 1. – С. 33–34.

¹⁵ Определение КС РФ от 20 декабря 2018 г. № 3193-О.

8. Веселкина О. В. Проблемы нормативно-правового регулирования судебно-медицинских экспертиз дефектов оказания медицинской помощи: пути решения / О. В. Веселкина, Ю. В. Сидорович // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2018. – № 2. – С. 73–76. – DOI: 10.24411/2587-4926-2018-10024.
9. Вермель И. Г. Вопросы теории судебно-медицинского заключения / И. Г. Вермель. – М. : Медицина, 1979. – 128 с.
10. Пашинян Г. А. Профессиональные преступления медицинских работников против жизни и здоровья / Г. А. Пашинян, И. В. Ившин. – М. : Медицинская книга, 2006. – 196 с.
11. Ковалев А. В. Квалификация неоказания помощи больному в судебно-медицинской практике / А. В. Ковалев, Д. С. Кадочников, А. А. Мартемьянова // Судебно-медицинская экспертиза. – 2015. – Т. 58, № 1. – С. 4–7. – DOI: 10.17116/sudmed20155814-7.
12. Шмаров Л. А. Бездействие и причинность / Л. А. Шмаров // Судебно-медицинская экспертиза. – 2021. – Т. 64, № 2. – С. 58–62. – DOI: 10.17116/sudmed20216402158.
13. Врачебные дела: юридическая и экспертная оценка проблем ненадлежащего оказания медицинской помощи : моногр. / отв. ред. А. А. Мохов. – М. : Блок-Принт, 2024. – 368 с.
14. Стешич Е. С. Проблема соотношения правовой и судебно-медицинской оценки тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Е. С. Стешич // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 56–65.
15. Калинин Р. Э. О необходимости разработки медицинских критериев причинно-следственной связи по делам о ненадлежащем оказании медицинской помощи / Р. Э. Калинин, Е. Х. Баринов // Судебно-медицинская экспертиза. – 2024. – Т. 67, № 6. – С. 5–11. – DOI: 10.17116/sudmed2024670615.
16. Божченко А. П. О возможном консенсусе в вопросе соотношения понятий «врачебная ошибка», «дефект медицинской помощи» и «ятрогенная» / А. П. Божченко // Медицинское право. – 2018. – № 3. – С. 7–12.
17. Калинин Р. Э. Использование альтернативных источников данных в судебно-медицинской экспертизе по материалам «врачебных» дел / Р. Э. Калинин, Е. Х. Баринов. – М. : Проспект, 2023. – 176 с.
18. Шмаров Л. А. Недостаток или дефект оказания медицинской помощи – анализ понятий / Л. А. Шмаров // Вестник судебной медицины. – 2023. – Т. 12, № 2. – С. 33–39.
19. Тыняная М. А. К вопросу о характере связи между бездействием и общественно опасными последствиями в составе халатности / М. А. Тыняная // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 3 (9). – С. 77–80.
20. Пристансков В. Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками / В. Д. Пристансков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2015. – Вып. 3. – С. 87–99.
21. Гришин А. В. Проблемы методического обеспечения производства судебно-медицинских экспертиз при расследовании преступлений, связанных с ненадлежащим оказанием медицинской помощи / А. В. Гришин // Медицинское право: теория и практика. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 56–63.
22. Борзенков Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика : учеб.-практ. пособие / Г. Н. Борзенков. – М. : Зерцало-М, 2013. – 256 с.
23. Клевно В. А. Границы содержания и допустимость толкований практических текстовых дефиниций Медицинских критериев вреда здоровью / В. А. Клевно, С. Н. Куликов // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – Т. 55, № 5. – С. 49–52.
24. Пикуров Н. И. Правовая природа актов определения тяжести вреда здоровью и размеров наркотических средств: их сходство и различие / Н. И. Пикуров // Российская юстиция. – 2009. – № 8. – С. 34–40.
25. Яни П. С. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью / П. С. Яни // Законность. – 2023. – № 2 (1060). – С. 32–36.
26. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика / Г. А. Есаков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 1. – С. 81–102.

REFERENCES

1. Nagornaya I. Criminal liability of medical workers for professional crimes: a new approach. *Rossiiskii juridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*, 2021, no. 1, pp. 147–157. DOI: 10.34076/20713797_2021_1_147. (In Russ.).

2. Bimbinov A.A. Causing harm in the healthcare delivery as the provision of services that do not meet safety requirements. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2022, vol. 26, no. 7, pp. 125–136. DOI: 10.12737/jrl.2022.077. (In Russ.).
3. Stepanova I.B., Sokolova O.V. Problematic issues of differentiation of crimes related to medical neglect or inadequate medical care. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2023, no. 7, pp. 18–26. (In Russ.).
4. Semina T.V. (ed.). *Criminal liability of a doctor in modern Russia*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 352 p. (In Russ.).
5. Bozhchenko A.P. On rules and medical criteria for the determination of the severity of harm caused to human health (Message 1). *Meditinskoe pravo = Medical law*, 2022, no. 3, pp. 32–38. (In Russ.).
6. Pashinyan G.A., Ivshin I.V. Problems of qualification of acts infringing on human health in connection with the introduction of medical criteria for determining the severity of harm caused to human health. *Meditinskaya ekspertiza i pravo*, 2009, no. 1, pp. 16–20. (In Russ.).
7. Galyukova M. Rules for determining the severity of harm caused to human health. *Ugolovnoe pravo*, 2008, no. 1, pp. 33–34. (In Russ.).
8. Veselkina O.V., Sidorovich Yu.V. Problems of legal regulation of forensic medical aid defects: The Way Forward. *Aktual'nye problemy meditsiny i biologii = Actual Problems of Medicine and Biology*, 2018, no. 2, pp. 73–76. DOI: 10.24411/2587-4926-2018-10024. (In Russ.).
9. Vermel' I.G. *Questions of the theory of forensic medical opinion*. Moscow, Meditsina Publ., 1979. 128 p. (In Russ.).
10. Pashinyan G.A., Ivshin I.V. *Professional crimes of medical workers against life and health*. Moscow, Meditsinskaya kniga Publ., 2006. 196 p. (In Russ.).
11. Kovalev A.V., Kadochnikov D.S., Martem'ianova A.A. The definition of a failure to render assistance to the patient in the forensic medical practice. *Sudebno-meditinskaya ekspertiza = Forensic Medical Expertise*, 2015, vol. 58, no. 1, pp. 4–7. DOI: 10.17116/sudmed20155814-7. (In Russ.).
12. Shmarov L.A. Inaction and causation. *Sudebno-meditinskaya ekspertiza = Forensic Medical Expertise*, 2021, vol. 64, no. 2, pp. 58–62. DOI: 10.17116/sudmed20216402158. (In Russ.).
13. Mokhov A.A. (ed.). *Medical cases: legal and expert assessment of problems of improper provision of medical care*, Monograph. Moscow, Blok-Print Publ., 2024. 368 p. (In Russ.).
14. Steshich E.S. The problem of correlation of legal and forensic assessment of the severity of harm caused to human health. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of East Siberian institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation*, 2017, no. 1, pp. 56–65. (In Russ.).
15. Kalinin R.E., Barinov E.Kh. On the need to develop medical criteria of cause and effect relationship in cases related to improper provision of medical care. *Sudebno-meditinskaya ekspertiza = Forensic Medical Expertise*, 2024, vol. 67, no. 6, pp. 5–11. DOI: 10.17116/sudmed2024670615. (In Russ.).
16. Bozhchenko A.P. On the possible consensus over correspondence of the notions of medical malpractice, medical care defect and iatrogeny. *Meditinskoe pravo = Medical law*, 2018, no. 3, pp. 7–12. (In Russ.).
17. Kalinin R.E., Barinov E.Kh. *Use of alternative data sources in forensic examination of medical cases*. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 176 p. (In Russ.).
18. Shmarov L.A. Shortcoming or defect in the provision of medical care - analysis of the concepts. *Vestnik sudebnoi meditsiny = Bulletin of forensic medicine*, 2023, vol. 12, no. 2, pp. 33–39. (In Russ.).
19. Tinyanaya M.A. On the problem of the character of relationship between inactivity and socially dangerous consequences within negligence. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2013, no. 3, pp. 77–80. (In Russ.).
20. Pristanskov V. Methodological problems in establishing a causal relationship when investigating rash of crimes committed by medical personal. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2015, iss. 3, pp. 87–99. (In Russ.).
21. Grishin A.V. Problems of methodical support production of forensic expertise in the investigation of crimes related to improper medical care. *Meditinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical law: theory and practice*, 2016, vol. 2, no. 1, pp. 56–63. (In Russ.).
22. Borzenkov G.N. *Crimes against life and health: law and law enforcement practice*, Teaching and practical aid. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2013. 256 p. (In Russ.).

23. Klevno V.A., Kulikov S.N. The bounds of contents and admissibility of interpretations of practical text-based definitions of the medical criteria for the harm to health. *Sudebno-meditsinskaya ekspertiza = Forensic Medical Expertise*, 2012, vol. 55, no. 5, pp. 49–52. (In Russ.).

24. Pikurov N.I. The legal nature of acts determining the severity of harm to health and the amount of narcotic drugs: their similarities and differences. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2009, no. 8, pp. 34–40. (In Russ.).

25. Yan P.S. The problems of qualification of the intentional infliction of grievous bodily harm. *Zakonnost'*, 2023, no. 2, pp. 32–36. (In Russ.).

26. Esakov G.A. Causation in non-ordinary situations: case law and criminal law theory. *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2016, no. 1, pp. 81–102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никулина Виктория Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург
190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16
E-mail: vnikulina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-9415-7257
ResearcherID: JTT-8531-2023
SPIN-код РИНЦ: 2664-0862

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktoriya A. Nikulina – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure
HSE University – St. Petersburg
16, Soyuza Pechatnikov ul., St. Petersburg, 190008, Russia
E-mail: vnikulina@hse.ru
ORCID: 0000-0002-9415-7257
ResearcherID: JTT-8531-2023
RSCI SPIN-code: 2664-0862

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Никулина В.А. «Не навреди»: нормативная и экспертная оценка последствий не оказания или не надлежащего оказания медицинской помощи / В.А. Никулина / Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 119–128. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).119-128.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nikulina V.A. “First, do no harm”: a regulatory and expert assessment of the consequences of failure to provide or improper provision of medical care. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 119–128. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).119-128. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 347.63+342.56

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).129-138

ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТЬ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРОВ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

А.И. Сурдина¹, М.А. Липчанская^{1,2}

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия*

² *Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

16 июля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Права и интересы

несовершеннолетних, защита

прав детей, баланс интересов,

рассмотрение споров, судебные

решения, преюдиция,

обязательность судебных актов,

духовно-нравственные ценности

Исследуется правовая природа преюдиции судебных решений в контексте семейных споров, затрагивающих права несовершеннолетних. Анализируется доктринальное противоречие между доказательственной сущностью преюдиции и свойством обязательности судебных актов. На примере конкретных дел обосновывается необходимость ограничения преюдициальности, когда ее формальное применение противоречит принципу приоритетной защиты интересов ребенка. Формулируются критерии допустимого отступления от преюдиции для обеспечения эффективной судебной защиты прав детей.

THE PREJUDICIAL FORCE OF COURT DECISIONS IN CASES INVOLVING THE RIGHTS AND INTERESTS OF MINORS

Anna I. Surdina¹, Maria A. Lipchanskaya^{1,2}

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

² *Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia*

Article info

Received –

2025 July 16

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Rights and interests of minors,

protection of children's rights,

balance of interests, dispute

resolution, court decisions,

prejudicial force, binding force of

judicial acts, spiritual and moral

values.

The subject. The subject of this research is the legal nature of the prejudicial effect of judicial decisions and the rationale for establishing permissible limits of its restriction in the resolution of family law disputes directly affecting the rights and protected interests of minors.

The aim of the article is to characterize the general grounds for limiting the prejudicial force of court acts, as established in the legal practice of the Russian courts, and to subsequently develop a framework of criteria defining the admissible boundaries of such a departure. The ultimate objective is to ensure the effective and prioritized protection of the rights and best interests of minors in family litigation.

Methodology. The study is based on a combination of general scientific and specific legal methods. General scientific methods include deduction, analysis, and synthesis. The specific legal methodology comprises the formal-legal (dogmatic) method, the legal interpretation method (construing legal norms), and the comparative legal approach.

Main results. Departure from the prejudicial effect of a judicial decision in disputes concerning the rights of minors is not only admissible but also expedient within legally defined limits. The paper substantiates the necessity of striking a balance between two competing legal values: the stability and binding force of judicial acts (prejudice) and ensuring the effective judicial protection of the child's best interests.

Conclusions. The legal nature of prejudice may systematically conflict with the principle of priority and effective protection of the rights and interests of minors when resolving family disputes. It is necessary to develop special criteria for the admissibility of derogation from the prejudicial force of judicial decisions. These include: (1) the criterion of materiality is the presence of serious procedural and material violations during the previous decision, which cannot be eliminated by appealing a judicial act; (2) the criterion of dynamism is the emergence of new circumstances or a change in existing ones since the previous decision was made; (3) the criterion of a conflict of interest is motivated conclusions that adequate protection of the minor was not provided in the previous process, as a result of which the formal application of prejudice leads to a clear and significant violation of his rights and interests. These criteria should be applied by the court in aggregate, as part of the implementation of the principle of judicial discretion, aimed at establishing a fair balance between the stability of judicial acts and the protection of the highest constitutional value of childhood.

1. Введение

«Человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет»¹ – этот постулат, декларированный в 1959 г., актуален как никогда сегодня в России в условиях защиты духовно-нравственных ценностей. С 2018 по 2027 г. в Российской Федерации объявлено Десятилетие детства², приоритетная задача которого – защита прав каждого ребенка, создание условий для комфортного проживания и развития в семье. К сожалению, зачастую данная задача неразрешима без участия правосудия. В системе государственного устройства судебная власть, реализующая свои юрисдикционные полномочия, ориентирована на разрешение правовых споров о действительном либо предполагаемом нарушении прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений. В этом контексте актуализируется важность эффективности рассмотрения судебных споров, особенно затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

Одним из способов, посредством которого возможно повысить эффективность отправления отечественного правосудия, является институт преюдиции, представляющий собой межотраслевой институт, затрагивающий не только вопросы доказательственного права, но и непосредственно касающийся пределов действия актов правосудия в различных видах судопроизводства, диалектической связи между ними. Цель настоящей статьи заключается в выявлении на основе онтологического анализа правовой природы преюдиции судебных решений и правоприменения данного института при рассмот-

рении споров, затрагивающих права и интересы детей, пределов и универсальности преюдициальности. Для этого необходимо решить несколько конкретных исследовательских задач: выявить правовую природу судебных решений, что позволит, применяя совокупность общих и частнонаучных методов познания, охарактеризовать общие основания ограничения преюдициальной силы судебных решений в правовых позициях Конституционного Суда (далее – КС) РФ. Уясненные доктринальные аспекты потенциально обеспечивают решение правоприменительных задач, поставленных авторами: сформулировать позицию о целесообразности и допустимости отступления от преюдициальной силы судебных решений по семейным спорам, затрагивающим права и интересы несовершеннолетних, обозначить приоритетность и суть баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних.

2. Правовая природа преюдиции судебных решений

Преюдиция является фундаментальным институтом процессуального права, обеспечивающим стабильность и непротиворечивость судебных актов. Вопросам применения преюдиции, ее места и роли в вопросах доказательственного права, повышения эффективности отправления правосудия уделяется достаточно внимания [1–3]. Однако практически отсутствуют работы, в которых преюдиция рассматривалась бы с точки зрения дифференциации судопроизводства, содержания судебной деятельности в различных видах споров, и в первую очередь – в спо-

¹ Декларация прав ребенка 1959 г. (принята 20 ноября 1959 г. Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: сб. док. М.: Юридическая литература, 1990. С. 385.

² Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 23. Ст. 3309.

рах, где затрагиваются права и интересы несовершеннолетних.

В самом общем виде под преюдицией понимается обязательность для суда обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, при разбирательстве нового дела с участием тех же лиц. Данный институт выполняет двоякую функцию: с одной стороны, он освобождает лиц, участвующих в деле, от повторного доказывания уже установленных фактов, а с другой – связывает суд этими фактами, не позволяя их переоценивать или оспаривать. Таким образом, преюдиция служит важным инструментом процессуальной экономии, предотвращает вынесение противоречащих друг другу судебных актов и способствует укреплению авторитета судебной власти.

Нормативной основой института преюдиции в гражданском процессе выступают положения ч. 2 ст. 61 и ч. 2 ст. 209 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ. Часть 2 ст. 61 ГПК РФ устанавливает, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда, не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица. Данная норма закрепляет преюдицию прежде всего как основание освобождения от доказывания, подчеркивая ее доказательственную природу и связь с принципом состязательности. В отличие от этого, ч. 2 ст. 209 ГПК РФ акцентирует иной аспект, который существенно расширяет объективные пределы преюдиции, распространяя ее не только на установленные факты (фактические обстоятельства), но и на правовую квалификацию этих фактов, т. е. на правоотношения.

Сопоставление этих двух норм выявляет ключевое доктринальное противоречие: является ли преюдиция исключительно институтом доказательственного права или же она представляет собой свойство законной силы судебного решения, тесно связанное с его обязательностью и исключительностью? Это противоречие напрямую влияет на ответ на другой важнейший вопрос: преюдицируются только ли факты или также их правовая оценка (правоотношения)? Эти вопросы до настоящего времени являются предметом живой дискуссии в доктрине.

Так, А.В. Ильин проводит фундаментальное разграничение между свойствами законной силы судебного решения – преюдициальностью и обязательностью – и заключает, что смешение этих свойств приводит к непреодолимым практическим коллизиям. По его мнению, преюдициальность имеет сугубо до-

казательственную природу и представляет собой ограничение принципа состязательности, освобождая от доказывания только факты, установленные в мотивировочной части решения. Обязательность же, будучи свойством, не имеющим субъективных пределов, обеспечивает неоспоримость выводов, изложенных в резолютивной части решения, включая установленные правоотношения. Он приходит к выводу, что для обеспечения правовой определенности и исключительности судебного решения выводы суда, изложенные в резолютивной части (включая установленные правоотношения и факты), должны обладать свойством обязательности для суда, рассматривающего другое дело с участием тех же лиц. Таким образом, он предлагает разрешать коллизию не через расширение преюдиции, а через корректное применение свойства обязательности [4].

П.Н. Мацкевич, анализируя исторические и сравнительно-правовые аспекты, также подчеркивает доказательственную сущность преюдиции. Он отмечает, что в условиях состязательности бремя доказывания лежит на сторонах, и преюдиция фактов является справедливым последствием их процессуальной активности (или пассивности) в предыдущем процессе. В то же время правовая оценка всецело относится к компетенции суда и судебной дискреции, и стороны не несут риска за ее ошибочность, что ставит под сомнение обоснованность распространения на нее преюдициального эффекта. В центральном вопросе дискуссии о том, может ли правовая оценка фактов (установление правоотношений) быть преюдициальной, П.Н. Мацкевич занимает более жесткую позицию, утверждая, что правовая оценка фактов не должна преюдицироваться [5].

Интересная позиция высказана в диссертационном исследовании Д.Н. Чушенко. Он, отказавшись от анализа института преюдиции только с точки зрения правил и стандартов доказывания, положил в основу исследование судебно-властных полномочий судебных органов и юридической силы актов правосудия [2, с. 145]. Это позволило утверждать, что институт преюдиции является производной категорией, вытекающей из правоприменительной деятельности суда, а презумпция истинности вступившего в законную силу судебного решения, в свою очередь, предопределяет истинность обстоятельств, составляющих его фактическую сторону и положенных в основу судебного решения.

Весьма немаловажно для оценки места и роли преюдиции в отечественном судопроизводстве, влияния на его эффективность, в том числе при разрешении судебных споров, затрагивающих права и ин-

тересы детей, а также пределы преюдиционной действий, концепция объективной истины [6; 7]. Как известно, доктрина поиска объективной истины в советском праве, превалирующая над принципом состязательности сторон, ориентировала на объективное, полное и всестороннее разбирательство при рассмотрении не только уголовных, но и гражданских дел [8–10]. Концепция отправления правосудия в современном российском государстве исходит из конституционных принципов независимости судебной власти и фундаментальных конституционных ценностей [11], что актуализирует исследование специфики преюдициальности судебных решений при рассмотрении споров, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

Таким образом, анализ научных позиций демонстрирует глубокую теоретическую дискуссию. С одной стороны, преюдиция рассматривается как сугубо доказательственный институт, ограничивающийся установленными фактами. С другой – существует понимание необходимости обеспечения обязательности правовых выводов суда для тех же лиц, что достигается либо через расширительное толкование преюдиции, либо через корректное применение свойства обязательности законной силы решения.

Это противоречие имеет непосредственное значение для семейных споров, затрагивающих права и интересы детей, где вопрос о преюдиции правовой оценки, установленного в предыдущем решении, приобретает особую остроту.

3. Общие основания ограничения преюдициальной силы судебных решений в позициях Конституционного Суда РФ

В продолжение анализа доктрины, разделяющей преюдицию судебных решений как с позиции преюдиции фактов, так и с позиции преюдиции правовой оценки обстоятельств, целесообразно рассмотреть ключевые позиции КС РФ, касающиеся данного вопроса. Поскольку рассматриваемый нами институт имеет широкое межотраслевое значение, вопросы обязательности вступивших в законную силу судебных решений поднимаются судом относи-

тельно различного круга правоотношений. При этом необходимо отметить достаточную гибкость высшего судебного органа конституционного контроля в данном вопросе.

В соответствии с правовыми позициями КС РФ³ общая концепция преюдициальности судебных актов определена, в том числе, требованиями об их обязательности, неопровержимости, исключительности и исполнимости. Однако, по мнению суда, данный аспект не предполагает придания преюдициальности судебных решений безграничного значения, но требует установления пределов ее действия, а также порядка опровержения.

При этом как признание, так и отрицание преюдициального значения окончательных судебных решений не могут быть абсолютными. Суд, рассматривающий дело, с одной стороны, не может без достаточных на то оснований оставить без внимания ни обстоятельства, установленные вступившими в законную силу судебными актами, ни правовую квалификацию, если эти обстоятельства имеют значение и должны быть подтверждены в рамках того дела, которое разрешает суд.

Указанные выводы, хоть и иллюстрируют общую правовую позицию относительно преюдициальной природы судебных решений, при этом устанавливают ее пределы преимущественно в отношении различных видов судопроизводства, а также различных категорий дел с участием разных сторон. Между тем перечисленных оснований недостаточно для того, чтобы на практике они априори были применимы к семейным правоотношениям, поскольку они преимущественно рассматриваются в рамках гражданского судопроизводства, являются длящими и относительно субъектнопостоянными, поскольку затрагивают права и интересы одних и тех же лиц. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в судебной практике разрешения семейных споров также можно встретить случаи отступления от принципа преюдициальности судебных решений и по подобным по делам.

³ См. постановления КС РФ от 25 декабря 2023 г. № 60-П «По делу о проверке конституционности статьи 809 Гражданского кодекса Российской Федерации и части 3 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Филатова» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 1 (ч. IV). Ст. 381), от 12 мая 2021 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности статьи 1.5, части 1 статьи 2.1, части 1 статьи 15.6, пункта 1 части 1, части 3 ста-

ты 28.1 и примечания к этой статье Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки Н.Н. Корецкой» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 21. Ст. 3672), Определение КС РФ от 23 июля 2020 г. № 1898-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карамзина Кантемира Феликсовича на нарушение его конституционных прав статьями 90 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (СПС «Гарант») и др.

4. Отступление от преюдициальной силы судебных решений по семейным спорам, затрагивающим права и интересы несовершеннолетних

Обратимся к специфике правовой природы преюдиции в семейных спорах, непосредственно затрагивающих права и интересы несовершеннолетних. Данная сфера представляет собой некую основу для коллизии классических доктринальных подходов к преюдиции и особого, усиленного режима защиты прав ребенка.

Яркой иллюстрацией проблематики применения преюдиции в спорах, затрагивающих права детей, служит Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда (далее – ВС) РФ от 29 сентября 2015 г. № 5-КГ15-75 по делу по иску Соложенниковой Н.А. к Соложенникову Д.В. об установлении отцовства⁴.

Решением Чертановского районного суда г. Москвы от 1 марта 2004 г., вступившим в законную силу, было удовлетворено заявление Соложенникова Д.В. об оспаривании записи об отцовстве в отношении ребенка, рожденного Соложенниковой Н.А. в период брака. Основанием для удовлетворения иска послужило применение ч. 3 ст. 79 ГПК РФ: истица уклонилась от проведения судебно-генетической экспертизы, в связи с чем суд признал факт отцовства опровергнутым. Спустя годы Соложенникова Н.А. обратилась в Чертановский районный суд г. Москвы с иском к бывшему супругу об установлении отцовства и взыскании алиментов. Суд первой инстанции в новом решении от 30 октября 2014 г. иск удовлетворил, также применив ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, но уже против ответчика, который на этот раз сам уклонился от экспертизы. Однако суд апелляционной инстанции определением от 14 января 2015 г. отменил это решение и отказал в иске, сославшись на преюдициальность решения от 1 марта 2004 г., указав, что вопрос о происхождении ребенка уже был окончательно разрешен ранее между теми же сторонами, и его пересмотр недопустим в силу ст. 61 ГПК РФ.

ВС РФ не согласился с таким выводом, отменил апелляционное определение и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенное нарушение норм материального и процессуального права и мотивировав свою позицию тем, что «решение от 2004 года не могло обладать преюдициальной силой в данном споре», несмотря на формальное участие тех же лиц. Суд подчеркнул, что это решение было постановлено исключительно на основе про-

цессуального последствия уклонения одной из сторон от экспертизы без исследования и установления фактических обстоятельств дела – биологического происхождения ребенка. Таким образом, хотя решение и вступило в законную силу, в его основе не лежало установление объективной истины.

Более того, ВС РФ акцентировал внимание, что апелляционная инстанция, автоматически применив формальные правила преюдиции, проигнорировала не только потенциально новые фактические обстоятельства, но и, что важнее, их правовую квалификацию в интересах несовершеннолетнего. С момента первого решения прошло более десяти лет, и приоритетом должно было стать не формальное соблюдение процессуальной доктрины, а реализация прав ребенка, провозглашенных ст. 54, 55 Семейного кодекса РФ и Конвенцией ООН о правах ребенка, – право знать своих родителей, право на заботу с их стороны и на защиту своих интересов.

Данный подход ВС РФ свидетельствует о том, что в делах, затрагивающих права несовершеннолетних, классическое понимание преюдиции уступает верховенству принципа приоритетной защиты интересов ребенка. По мнению суда, преюдиция не может служить непреодолимым препятствием для новой оценки обстоятельств, если предыдущее решение было вынесено без полноценного исследования фактической стороны дела, поскольку это может противоречить текущим интересам несовершеннолетнего. Это позволяет сделать вывод о том, что в семейных спорах о детях преюдиция, особенно в части правовой оценки, должна применяться с исключительной осторожностью и рассматриваться через призму приоритета интересов ребенка, что логично подводит нас к вопросу о том, как обеспечен этот приоритет в рамках процессуального положения самого несовершеннолетнего.

По замечаниям Г.К. Зайнуллиной и А.В. Манкиевой, несмотря на законодательно закрепленные принципы состязательности и равенства, на практике одна сторона зачастую является более сильной, что дает основания доктрине дискутировать о формальности равенства прав и обязанностей лиц, участвующих в деле [12, с. 86]. О такой формальности можно говорить, в частности, когда спор напрямую затрагивает интересы ребенка, поскольку сам несовершеннолетний, в силу отсутствия полной гражданской процессуальной дееспособности, не может являться самостоятельной стороной, а его права и интересы, в

⁴ СПС «Гарант».

соответствии со ст. 37, 52 ГПК РФ, защищаются в процессе законными представителями (родителями, усыновителями, опекунами, попечителями). Таким образом, процессуальная роль ребенка зачастую сводится к положению лица, чье мнение подлежит учету, в то время как активная процессуальная деятельность осуществляется его представителем. Это создает потенциальный конфликт интересов, особенно в спорах между родителями, где законный представитель одновременно является стороной по делу, преследующей собственные интересы, которые могут не совпадать с интересами ребенка.

Как справедливо отмечает А.Н. Левушкин, «при рассмотрении судами дел, связанных с правами детей, не исключается предвзятая оценка судом доказательств по делу, когда речь идет о сложной ситуации, затрудняющей определение подлинных интересов ребенка» [13, с. 675]. Данные обстоятельства также обуславливают высокую степень уязвимости процессуального положения несовершеннолетнего и требуют особых гарантий его защиты. Нельзя не согласиться с Д.В. и Л.В. Потаповыми в том, что «отечественное процессуальное законодательство практически не учитывает специфику разбирательства дел с участием детей» [14, с. 62]. Эта правовая неопределенность напрямую влияет на реализацию права ребенка на защиту и естественным образом требует корректировки применения общих правовых институтов при рассмотрении дел с участием несовершеннолетних, в том числе подтверждая тезис о том, что в делах, затрагивающих права детей, формальное применение преюдиции, особенно в части правовой оценки, может вступить в противоречие с динамично меняющейся ситуацией и реальными интересами ребенка, требующими новой судебной оценки в каждом конкретном случае.

5. Обеспечение баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних

Российское законодательство о детях и правах ребенка в настоящее время также характеризуется известной противоречивостью [15, с. 80], изобилует множеством оценочных понятий, неопределенностей, фрагментарностью и несистемностью, гражданско-правовые механизмы регулирования, содержащиеся в семейном законодательстве, не всегда

отвечают семейным ценностям, что несомненно осложняет применение и толкование семейного законодательства и приводит к судебным ошибкам [16, с. 2–3]. В российском обществе, ориентированном на традиционные духовно-нравственные ценности, приоритет прав и интересов детей, обеспечение их личной безопасности [17], объективно возникает необходимость выявления баланса между преюдициальностью судебных решений и эффективной защитой прав и интересов несовершеннолетних. Как представляется, преюдициальность судебных решений не должна становиться барьером, если их содержание противоречит конституционным принципам, а также приоритетным принципам защиты прав детей, закрепленным международными нормами.

КС РФ неоднократно подтверждал, что права и свободы не являются абсолютными и могут быть ограничены в конституционно значимых целях, в том числе таких, как защита семьи, материнства, отцовства и детства, признания детей важнейшим приоритетом государственной политики (ст. 7, ст. 38, ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ). Однако такое ограничение всё же должно быть соразмерным, обоснованным и не нарушать баланс конституционных ценностей⁵, поэтому вопрос о пределах действия преюдициальности судебных решений необходимо разрешать в свете принципа обеспечения наилучших интересов детей.

Как указывает М.И. Тарасова, «в рамках судебной системы принцип означает, что в любом судебном деле, где ребенок является стороной, его интересы должны стоять на первом месте и решения, которые принимаются в данном деле, должны соответствовать наилучшим интересам ребенка, а не интересам других сторон или общества в целом» [18, с. 433]. Так как принципы защиты прав детей обладают межотраслевым характером, они не могут и не должны быть ограничены исключительно нормами семейного законодательства [19, с. 363], что дает возможность судам, рассматривающим семейные споры, выходить за пределы обязательности принятых ранее судебных решений, если они вынесены с нарушением материального или процессуального права и явно противоречат интересам детей. В свою очередь интересы ребенка должны служить некой «системой координат», в рамках которой должна

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго ста-

тьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шикиной» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 11. Ст. 1881.

рассматриваться ситуация, в которой находится ребенок [20, с. 100].

Данная позиция никоим образом не умаляет принципа равенства сторон в судебном процессе, однако позволяет судам в исключительных случаях пересматривать преюдициальные оценки, если того требуют интересы несовершеннолетнего. Кроме того, такая позиция коррелирует и с позицией КС РФ, который ранее также обращал внимание на то, что при определении справедливого баланса между конкурирующими интересами особое значение необходимо придавать коренным интересам ребенка, которые в зависимости от их характера и важности могут иметь приоритет над аналогичными интересами родителей⁶.

6. Заключение

Проведенное исследование показало, что правовая природа преюдиции, традиционно понимаемая как средство обеспечения стабильности и неопровержимости установленных судом фактов и правоотношений, при разрешении семейных споров может вступать в системное противоречие с принципом приоритетной и эффективной защиты прав и интересов несовершеннолетних.

Специфика семейных споров, в частности их длящийся характер, относительная субъектная постоянность и высочайшая значимость охраняемых благ, обуславливает необходимость разработки специальных критериев допустимости отступления от преюдициальной силы судебных решений. К их числу предлагается отнести: 1) критерий существенности – наличие серьезных процессуальных и материальных нарушений при вынесении предыдущего решения, которые невозможно устранить путем обжалования судебного акта; 2) критерий динамичности – возникновение новых обстоятельств или изменение существующих с момента вынесения предыдущего решения; 3) критерий конфликта интересов – мотивированные выводы о том, что в предыдущем процессе не была обеспечена надлежащая защита несовершеннолетнего, вследствие чего формальное применение преюдиции приводит к явному и существенному нарушению его прав и интересов. Данные критерии должны применяться судом в совокупности в рамках осуществления принципа судейского усмотрения, направленного на установление справедливого баланса между стабильностью судебных актов и защитой высшей конституционной ценности детства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зацепина О. Е. Правовые презумпции и правовые фикции: соотношение и развитие : дис. ... канд. юрид. наук / О. Е. Зацепина. – Барнаул, 2022. – 225 с.
2. Чушенко Д. Н. Преюдиция как фактор повышения эффективности судебной деятельности : дис. ... канд. юрид. / Д. Н. Чушенко. – Ростов н/Д., 2017. – 176 с.
3. Карданец А. В. Преюдиции в российском праве: Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Карданец. – Н. Новгород, 2002. – 181 с.
4. Ильин А. В. К вопросу о содержании преюдициальности – свойства законной силы судебного решения / А. В. Ильин // Закон. – 2015. – № 3. – С. 93–100.
5. Мацкевич П. Н. Еще раз к вопросу о преюдиции в гражданском судопроизводстве / П. Н. Мацкевич // Закон. – 2019. – № 2. – С. 96–110.
6. Резник Г. М. Институт объективной истины как прикрытие репрессивности правосудия / Г. М. Резник // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5). – С. 238–243.
7. Ляхов Ю. А. Надо ли устанавливать истину по уголовному делу / Ю. А. Ляхов // Закон. – 2015. – № 1. – С. 107–108.
8. Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / В. М. Баранов ; под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1989. – 400 с.
9. Афанасьев С. Ф. Краткий обзор проблемы истины в гражданском процессуальном праве и судопроизводстве / С. Ф. Афанасьев // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2006. – № 4. – С. 175–208.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Фе-

дерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чadaевой» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 25. Ст. 3246.

10. Виноградова Е. А. Процессуальные сроки и истина в состязательном гражданском процессе: сравнительно-правовой аспект / Е. А. Виноградова // *Forging a Common Legal Destiny*. – London : Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2005. – Vol. 2. – P. 813–866.
11. Афанасьев Л. С. Судебный процесс как воплощение справедливости: политико-правовые аспекты / Л. С. Афанасьев // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2024. – № 2. – С. 324–331. – DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-324-331.
12. Зайнуллина Г. К. Конституционные принципы судопроизводства / Г. К. Зайнуллина, А. В. Манкиева // *Вестник экспертного совета*. – 2022. – № 2 (29). – С. 83–90.
13. Левушкин А. Н. Судебная власть и защита прав несовершеннолетних в России: проблемы и особенности применения / А. Н. Левушкин // Левушкин А. Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права : науч. воззрения д-ра юрид. наук, проф. А. Н. Левушкина : моногр. : в 2 т. / А. Н. Левушкин. – М. : Юстицинформ, 2023. – Т. 1. – С. 673–677.
14. Потапов Д. В. Особенности участия несовершеннолетних в гражданском процессе / Д. В. Потапов, Л. В. Потапова // *The Scientific Heritage*. – 2022. – № 84-5. – С. 60–62.
15. Павленко Е. М. Обеспечение наилучших интересов и безопасности детей: международные стандарты и практика в России / Е. М. Павленко // *Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки*. – 2021. – № 4 (44). – С. 75–85. – DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08.
16. Беспалов Ю. Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ : науч.-практ. пособие / Ю. Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2025. – 224 с.
17. Липчанская М. А. Личная безопасность несовершеннолетних как конституционная ценность в условиях современных вызовов и угроз / М. А. Липчанская // *Право – явление цивилизации и культуры : сб. тр. конф. / отв. ред. М. В. Немытина*. – М. : РУДН, 2019. – Вып. I. – С. 528–536.
18. Тарасова М. И. Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка в российской судебной системе / М. И. Тарасова // *Приоритеты конституционного развития России и стран Содружества Независимых Государств : сб. науч. тр. : к 30-летию Конституции Рос. Федерации*. – М. : Саратовский источник, 2023. – С. 431–437.
19. Сурдина А. И. Принципы защиты прав детей: понятие, сущность и место в системе принципов российского права / А. И. Сурдина // *Власть Закона*. – 2023. – № 3 (55). – С. 351–364.
20. Кравчук Н. В. Наилучшие интересы ребенка: содержание понятия и его место в семейном законодательстве России / Н. В. Кравчук // *Актуальные проблемы российского права*. – 2017. – № 5. – С. 97–103. – DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103.

REFERENCES

1. Zatsepina O.E. *Legal Presumptions and Legal Fictions: Correlation and Development*, Cand. Diss. Belgorod, 2022. 225 p. (In Russ.).
2. Chushenko D.N. *Prejudice as a Factor in Increasing the Effectiveness of Judicial Activity*, Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2017. 176 p. (In Russ.).
3. Kardanets A.V. *Prejudices in Russian Law: Problems of Theory and Practice*, Cand. Diss. Nizhny Novgorod, 2002. 181 p. (In Russ.).
4. Il'in A.V. On the Content of Prejudice – the Property of the Legal Force of a Court Decision. *Zakon*, 2015, no. 3, pp. 93–100. (In Russ.).
5. Matskevich P.N. Once Again on the Issue of Prejudice in Civil Proceedings. *Zakon*, 2019, no. 2, pp. 96–110. (In Russ.).
6. Reznik G.M. The Institute of Objective Truth as a Cover for the Repressiveness of Justice. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2012, no. 4 (5), pp. 238–243. (In Russ.).
7. Liakhov Iu.A. Is It Necessary to Establish the Truth in a Criminal Case?. *Zakon*, 2015, no. 1, pp. 107–108. (In Russ.).
8. Baranov V.M. *The Truthfulness of the Norms of Soviet Law. Problems of Theory and Practice*, ed. by M.I. Baitin. Saratov, Saratov University Publ., 1989. 400 p. (In Russ.).
9. Afanas'ev S.F. A Brief Overview of the Problem of Truth in Civil Procedural Law and Proceedings. *Rossiiskii ezhegodnik grazhdanskogo i arbitrazhnogo protsessa = Russian Yearbook of Civil and Arbitration Procedure*, 2006, no. 4, pp. 175–208. (In Russ.).

10. Vinogradova E.A. Procedural Time Limits and Truth in Adversarial Civil Proceedings: A Comparative Legal Aspect, in: *Forging a Common Legal Destiny*, London, Wildy, Simmonds & Hill Publishing, 2005, vol. 2, pp. 813–866. (In Russ.).
11. Afanas'ev L.S. Judicial Process as the Embodiment of Justice: Political and Legal Aspects. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2024, no. 2, pp. 324–331. DOI: 10.24412/1608-8794-2024-2-324-331. (In Russ.).
12. Zainullina G.K., Mankieva A.V. Constitutional Principles of Legal Proceedings. *Vestnik ekspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*, 2022, no. 2 (29), pp. 83–90. (In Russ.).
13. Levushkin A.N. Judicial Power and Protection of Minors' Rights in Russia: Problems and Features of Application, in: Levushkin A.N. *Ensuring the Balance of Private Law Regulation of Public Relations in the Paradigm of Convergence of Legal Norms*, Scientific Views of Doctor of Law, Professor A.N. Levushkin, Monograph, in 2 volumes, Moscow, Yustitsinform Publ., 2023, vol. 1, pp. 673–677. (In Russ.).
14. Potapov D.V., Potapova L.V. Features of Participation of Minors in Civil Proceedings. *The Scientific Heritage*, 2022, no. 84-5, pp. 60–62. (In Russ.).
15. Pavlenko E.M. Ensuring the Best Interests and Safety of Children: International Standards and Practice in Russia. *Vestnik MGPU. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Moscow City University. Series: Legal Sciences*, 2021, no. 4 (44), pp. 75–85. DOI: 10.25688/2076-9113.2021.44.4.08. (In Russ.).
16. Bepalov Yu.F. *Family Relations and Family Disputes in the Practice of Russian Courts*, Scientific and Practical Guide. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 224 p. (In Russ.).
17. Lipchanskaya M.A. Personal Safety of Minors as a Constitutional Value in the Face of Modern Challenges and Threats, in: Nemytina M.V. (ed.). *Pravo – yavlenie tsivilizatsii i kul'tury*, Moscow, RUDN University Publ., 2019, iss. I, pp. 528–536. (In Russ.).
18. Tarasova M.I. The Principle of the Best Interests of the Child in the Russian Judicial System, in: *Prioritetnyy konstitutsionnogo razvitiya Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv*, Collection of scientific works, To the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation, Moscow, Saratovskii istochnik Publ., 2023, pp. 431–437. (In Russ.).
19. Surdina A.I. Principles of Protection of Children's Rights: Concept, Essence and Place in the System of Principles of Russian Law. *Vlast' Zakona = Power of Law*, 2023, no. 3 (55), pp. 351–364. (In Russ.).
20. Kravchuk N.V. The Best Interests of the Child: The Content of the Concept and Its Place in the Family Legislation of Russia. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 5, pp. 97–103. DOI: 10.17803/1994-1471.2017.78.5.097-103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сурдина Анна Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека отделения «Высшая школа правоведения» Юридического факультета ИПНБ
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82/1
E-mail: surdina-ai@ranepa.ru
ORCID: 0009-0003-5807-0810
ResearcherID: OGP-0815-2025
SPIN-код РИНЦ: 4551-8863; AuthorID: 1183452

Липчанская Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры прав человека отделения «Высшая школа правоведения» Юридического факультета ИПНБ, ²профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Anna I. Surdina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Human Rights of the School of Law at the Faculty of Law ILNS
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: surdina-ai@ranepa.ru
ORCID: 0009-0003-5807-0810
ResearcherID: OGP-0815-2025
RSCI SPIN-code: 4551-8863; AuthorID: 1183452

Maria A. Lipchanskaya – Doctor of Law, Professor; ¹Professor, Department of Human Rights of the School of Law at the Faculty of Law ILNS; ²Professor, Department of Constitutional Law named after N.V. Vitruk

¹ Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

² Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева

¹ 119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82/1

² 117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкин-
ская, 69

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

SPIN-код РИНЦ: 9665-2557; AuthorID: 360796

¹ Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

² Russian State University of Justice named after
V.M. Lebedev

¹ 82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia

² 69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 1117418,
Russia

E-mail: lipchan_maria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4410-0578

ResearcherID: ABC-6179-2020

RSCI SPIN-code: 9665-2557; AuthorID: 360796

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сурдина А.И. Преюдициальность судебных реше-
ний при рассмотрении споров, затрагивающих
права и интересы несовершеннолетних / А.И. Сур-
дина, М.А. Липчанская // Правоприменение. –
2025. – Т. 9, № 4. – С. 129–138. – DOI: 10.52468/
2542-1514.2025.9(4).129-138.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Surdina A.I., Lipchanskaya M.A. The prejudicial force
of court decisions in cases involving the rights and
interests of minors. *Pravoprimerenie = Law Enforce-
ment Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 129–138. DOI:
10.52468/2542-1514.2025.9(4).129-138. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

УДК 343.851

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).139-148

ПОНЯТИЕ И ЦЕЛИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ В РОССИИ*

А.В. Васеловская

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

14 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Ключевые слова

Пробация, исполнительная
пробация, цели probation,
социальная адаптация,
ресоциализация осужденных

Анализируется институт исполнительной probation в России в свете принятия Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О probation в Российской Федерации». Отмечается, что по прошествии года с момента вступления в силу указанного закона в правоприменительной практике имеется положительный опыт реализации данного вида probation. Делаются выводы о том, что, во-первых, механизм реализации исполнительной probation, предусмотренный действующим законодательством, является работающим, хотя и нуждается в дальнейшем совершенствовании; во-вторых, предлагается внести изменения в законодательное определение исполнительной probation; в-третьих, представляется целесообразным пересмотреть цели исполнительной probation, исключив из числа таковых социальную реабилитацию.

THE CONCEPT AND GOALS OF EXECUTIVE PROBATION IN RUSSIA**

Alexandra V. Vaselovskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Article info

Received –

2025 January 14

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Keywords

Probation, executive probation,
probation goals, social adaptation,
resocialization of convicts

The subject of this study is the institute of executive probation in the context of an analysis of the legislative definition of this type of probation and its goals, as well as the possibilities and prospects for achieving these goals in practice.

The purpose of the article is to identify the main trends in the development of the institute of executive probation in Russia by analyzing the concept and objectives of this type of probation, and based on this, to propose directions for further improving the institute of probation and solving certain practical problems.

The research is based on a set of general scientific methods, such as systemic, functional and structural methods and private scientific methods (formal-legal and sociological methods).

Main results. Firstly, the author proposed a definition of the concept of executive probation, which includes a subjective feature (an indication of the categories of clients of executive probation), as well as an indication of the measures that can be applied to this type of probation. Secondly, the article defines the goals of executive probation, which include, in addition to those mentioned in the law, the goal of improving living conditions and the goal of stimulating law-abiding behavior among persons subject to probation. It is proposed to exclude the purpose of social rehabilitation.

Conclusions. The provisions of the Law on executive probation are valid for one year. The study of legislative regulation and law enforcement practice over this period of time made

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/24-78-10043/>.

** The study is funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-78-10043, <https://rscf.ru/project/23-28-01773/>.

it possible to define the concept and goals of executive probation and, based on this, to establish those elements of the mechanism for the application of executive probation that primarily require qualitative study and improvement. Further study and development of the institute of executive probation is certainly necessary and justified, since it is socially significant and, in achieving the goals of probation, should lead to an improvement in the living conditions of probation clients and a reduction in recidivism.

1. Введение

6 февраля 2023 г. был принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»¹, ознаменовавший собой новый этап в изучении теоретико-прикладных аспектов развития института социальной адаптации и ресоциализации осужденных и лиц, отбывших наказание.

До принятия указанного закона вопрос о введении пробации в России являлся предметом обсуждения ученых и практиков не одно десятилетие [1–3], предпринимались попытки разработки и принятия соответствующих законодательных актов, которые подвергались общественному и научному обсуждению, однако не увенчались успехом [4].

Проблема социальной адаптации и ресоциализации осужденных широко дискутируется в научных кругах и в настоящее время. Существенный вклад в исследование данной проблемы на современном этапе внесли такие ученые, как В.А. Уткин [5–7], А.П. Скиба [8–10], Н.С. Малолеткина [9], Н.В. Ольховик [11], П.В. Тепляшин [12], А.Л. Агабекян [13], М.Р. Гета [14–16], А.И. Абатуров [17; 18], А.А. Корвин [17] и др.

При этом многие из исследований освещают в основном либо зарубежный опыт пробации, либо элементы ресоциализации и социальной адаптации осужденных, действовавшие в России до принятия указанного федерального закона. Исследования, сочетающие в себе анализ современного правового регулирования и отечественной практики применения пробации, не многочисленны и носят лишь фрагментарный характер.

Положения Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», регламентирующие исполнительную пробацию, вступили в силу с 1 января 2024 г. Таким образом, к настоящему времени прошел один год с начала применения исполнительной пробации, а следовательно, уже на данном этапе возможно произвести критический анализ понятия и целей исполнительной пробации, а также исследо-

вать ряд иных связанных с этим аспектов с учетом первого опыта реализации положений закона о пробации на практике.

Итак, предметом настоящего исследования выступил институт исполнительной пробации в контексте анализа законодательного определения указанного вида пробации и ее целей, а также возможностей и перспектив достижения данных целей на практике.

В основу исследования положен комплекс общенаучных методов, таких как системный, функционально-структурный методы, логические методы (анализ, синтез), а также частнонаучные методы познания (формально-юридический, социологические методы).

Работа основана на результатах исследований других ученых в указанной области, отечественном законодательстве о пробации, а также собранном эмпирическом материале: при анализе практики применения исполнительной пробации использованы результаты опроса отдельных субъектов пробации, а также результаты изучения 31 уникального пробационного дела за 2024 г. на территории нескольких субъектов Российской Федерации (Томская область, Республика Алтай).

Таким образом, в рамках настоящей статьи будет исследована научная и практическая проблема реализации исполнительной пробации в аспекте ее нормативного правового регулирования и первых результатов правоприменительной практики. Изучение исполнительной пробации будет осуществлено через призму анализа понятия и целей данного вида пробации, а также оценки возможностей и перспектив достижения целей исполнительной пробации на практике. Исследование выполнено по актуальной и социально значимой проблематике и отражает современное состояние развития рассматриваемого института.

2. Понятие исполнительной пробации

Законодательное определение понятия исполнительной пробации дано в ст. 5 Федерального за-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 6. Ст. 917.

кона «О пробации в Российской Федерации». Согласно п. 2 ч. 1 указанной статьи под исполнительной пробацией понимается вид пробации, представляющий собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера.

Исходя из анализа указанного определения, можно выделить несколько признаков, устанавливающих содержание и особенности данного вида пробации:

- 1) исполнительная пробация применяется к осужденным при исполнении в отношении них наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а также иных мер уголовно-правового характера;
- 2) меры в рамках исполнительной пробации применяются уголовно-исполнительными инспекциями;
- 3) содержательно меры, применяемые в рамках исполнительной пробации, направлены на ресоциализацию, социальную адаптацию, социальную реабилитацию и защиту прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяется пробация (данный признак следует из родового определения пробации в п. 1 ч. 1 ст. 5 закона).

Первый признак определяет категории лиц, в отношении которых может применяться исполнительная пробация, что позволяет отграничить исполнительную пробацию от иных видов пробации, поскольку для каждого вида пробации законодателем установлены свои категории лиц, к которым она может применяться.

Некоторое недопонимание в данный признак может внести использование в нем термина «иные меры уголовно-правового характера», поскольку указанная категория в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации» используется в ином значении, чем это предусмотрено Уголовным кодексом РФ².

По Уголовному кодексу РФ к иным мерам уголовно-правового характера при буквальном толковании отнесены те меры, которые входят в раздел VI данного кодекса. Исходя из содержания положений

ст. 5 и 11 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» к иным мерам уголовно-правового характера в понимании данного закона отнесены условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания и ряд других.

Следует отметить, что некоторые ученые предлагают рассматривать категорию «уголовно-правовые меры» в узком и широком смысле. По мнению В.А. Уткина, в широком смысле формулировка «всякая мера», закрепленная в уголовном законодательстве, является уголовно-правовой по своему местоположению. К уголовно-правовым мерам в узком смысле относятся только те, которые по своей юридической природе органически связаны с методом уголовного права, их автор предлагает именовать мерами уголовно-правового характера [19, с. 95; 20].

При таком подходе любая мера, предусмотренная уголовным законом, может быть названа уголовно-правовой мерой в силу своего закрепления в уголовном законе [21, с. 70]. В этом контексте указанные в законе о пробации лица, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, – это лица, которым назначены иные (помимо наказания) меры, предусмотренные уголовным законом (условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания и др.). Однако и при таком подходе определяя категории лиц, в отношении которых может применяться исполнительная пробация, необходимо руководствоваться конкретным перечнем, указанным в ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», который является закрытым и не предполагает расширительного толкования.

Следующий признак исполнительной пробации, который также напрямую следует из законодательного определения, – указание на то, что меры в рамках исполнительной пробации применяются уголовно-исполнительными инспекциями [22, с. 14].

Полагаем, что данный признак нуждается в изменении, а точнее в исключении из законодательного определения исполнительной пробации. Действительно, исполнительная пробация во многом осуществляется именно уголовно-исполнительными инспекциями [23, с. 92]. Именно данные учреждения уголовно-исполнительной системы осуществляют

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 13 декабря 2024 г. № 467-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

оценку наличия индивидуальной нужды у лица, принимают решение о целесообразности оказания содействия в рамках probation, разрабатывают индивидуальную программу, однако сами мероприятия в рамках probation могут оказываться различными субъектами probation. Статья 6 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» помимо учреждений уголовно-исполнительной системы указывает и других субъектов probation, к которым, в частности, отнесены органы государственной власти субъектов Российской Федерации, государственные учреждения службы занятости населения, организации социального обслуживания и др.

Как показали результаты изучения практики применения исполнительной probation в ряде субъектов Российской Федерации, зачастую большая часть мероприятий, реализуемых в рамках исполнительной probation, осуществляется не только уголовно-исполнительными инспекциями, но и иными субъектами probation [24, с. 683]. По изученным нами probationным делам чаще всего у лиц была установлена нуждаемость в содействии в получении документов, необходимых для реализации своих прав (36 %), а также необходимость консультирования по социальным и правовым вопросам (21 %) и необходимость содействия в трудоустройстве (11 %). Сообразно указанным установленным у лиц критериям индивидуальной нужды наибольшей востребованностью пользовались мероприятия по восстановлению документов (как правило, документа, удостоверяющего личность), мероприятия по консультированию и оказанию содействия в трудоустройстве. Данные мероприятия реализовывались не непосредственно уголовно-исполнительными инспекциями, а посредством межведомственного взаимодействия с органами внутренних дел и учреждениями службы занятости.

Исходя из изложенного, полагаем, что указание в законодательном определении исполнительной probation положения о том, что совокупность мер в рамках данного вида probation применяется только уголовно-исполнительными инспекциями, некорректно, а потому подлежит исключению.

Итак, говоря о законодательном определении понятия исполнительной probation, представляется, что на сегодняшний день данное определение содержит в себе существенные признаки, позволяющие отграничить исполнительную probation от иных видов probation. Вместе с тем содержание ряда признаков, отраженных в определении исполнительной

probation, может приводить к неоднозначному их толкованию (например, категория иных мер уголовно-правового характера), в связи с чем представляется необходимым изменить законодательное определение понятия исполнительной probation, унифицировав его с родовым понятием probation с указанием при этом на ряд существенных признаков.

Исходя из предложенного подхода, исполнительная probation может быть определена как вид probation, применяемый в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации и указанных в ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О probation в Российской Федерации», при исполнении в отношении них наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества и иных мер уголовно-правового характера, и представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию и социальную адаптацию указанных лиц.

3. Цели исполнительной probation

Говоря о целях исполнительной probation, следует отметить, что отдельно цели данного вида probation в законе не названы, однако в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О probation в Российской Федерации» указаны общие цели probation, к которым законодатель отнес следующие: коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется probation, предупреждение совершения ими новых преступлений.

Поскольку данные цели сформулированы как общие цели probation, они применимы и к исполнительной probation. Остановимся подробнее на анализе некоторых из указанных целей.

Относительно целей ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation, прежде всего необходимо разграничить данные понятия и определить, все ли из указанных целей применимы к исполнительной probation.

Законодатель не раскрывает указанные категории применительно к целям probation, однако в ст. 5 закона данные понятия определяются как комплекс определенных мероприятий.

Очевидно, что каждую из указанных категорий можно рассматривать и как процесс (деятельность по применению комплекса мероприятий), и как результат или цель.

Ресоциализация определяется законодателем как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых в целях реинтеграции в общество лиц, освобожден-

ных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера.

Исходя из указанного определения, ресоциализация, как цель, представляет собой «реинтеграцию в общество» лиц, в отношении которых применяется пробация.

В.А. Уткин отмечает, что термин «ресоциализация» широко используется в последнее время в науке и практике обращения с осужденными и по сути производно от понятия «социализация». Под последней понимается процесс освоения человеком позитивных социальных ролей и отношений, усвоения им определенной системы знаний, навыков и ценностей. «Ресоциализация», по мнению В.А. Уткина, – это своего рода «возврат к социализации», т. е. преодоление дефектных отношений, восстановление позитивных социальных связей осужденного [5; 25].

Соглашаясь с позицией В.А. Уткина, а также принимая во внимание законодательное определение понятия ресоциализации как комплекса мероприятий по реинтеграции человека в общество, можно сделать вывод о том, что в отношении, например, лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, применение мер по ресоциализации не требуется, а следовательно, и цель ресоциализации для данной категории лиц в рамках исполнительной пробы не ставится. Данный вывод представляется логичным и может быть дополнительно аргументирован тем, что названная категория осужденных не изолируется от общества, не прерывает с ним каких-либо связей, а значит, и не требует обратного «возврата в общество».

Итак, полагаем, что цель ресоциализации применительно к исполнительной пробации носит ограниченный характер, а ее постановка корректна только при реализации исполнительной пробы в отношении лиц, которые ранее были изолированы от общества (например, в отношении освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы).

Следующая категория, которая используется законодателем при постановке целей пробы, – цель социальной адаптации лиц, в отношении которых применяется пробация.

Социальная адаптация определена законодателем как комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, в отношении которых применяется пробация, содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также иной помощи в целях правопослушного

поведения (п. 6 ч. 1 ст. 5 закона). Иными словами, социальная адаптация – это процесс освоения личностью определенных условий социальной среды. В качестве цели пробы социальная адаптация может быть определена как установление позитивных (в трудовом, бытовом и иных аспектах) отношений личности в обществе, которые обеспечивает (стимулируют) его правопослушное поведение. Мероприятия по социальной адаптации направлены в конечном счете на улучшение условий жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и стимулирование посредством этого их правопослушного поведения. При таком понимании цель социальной адаптации целесообразно соотносить с целью коррекции социального поведения для исключения содержательного дублирования друг друга.

Использование в законе о пробации категории «социальная реабилитация», на наш взгляд, наиболее спорно и противоречиво.

Как справедливо отмечает В.А. Уткин, в уголовно-исполнительной науке и практике применительно к осужденным и освобожденным нередко используются внешне сходные, но различные по содержанию понятия: «ресоциализация», «исправление», «социальная реабилитация», «социальная адаптация» [5, с. 75]. Все эти термины нашли свое отражение и в Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации». Однако некритичное их использование вносит путаницу не только в теорию, но и в законодательство, и в итоге способствует постановке перед уголовно-исполнительной политикой нереалистичных и даже недостижимых задач.

Представляется, что сказанное выше как нельзя верно отражает неприемлемость и некорректность использования в законе категории «социальная реабилитация» и тем более установление последней в качестве цели пробы.

Законодатель определяет социальную реабилитацию как комплекс мероприятий по восстановлению утраченных социальных связей и функций лицами, в отношении которых применяется пробация (п. 7 ч. 1 ст. 5 закона).

Представляется, что если речь идет о восстановлении каких-либо социальных связей, то данные мероприятия должны относиться к ресоциализации, если же мероприятия направлены на установление позитивных социальных связей, то их содержательно целесообразно включать в механизм социальной адаптации.

Сущность же реабилитации в устоявшемся для данной категории понимании – восстановление не-

справедливо ущемленного правового или социального статуса, доброго имени, репутации. В этом значении о реабилитации справедливо говорится, в частности, в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где реабилитация определяется как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Но о каком восстановлении доброго имени можно говорить применительно к осужденному преступнику [5, с. 76; 25, с. 60]?

Полагаем, что цель социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация, должна быть исключена из Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», а мероприятия, поименованные в законе как социальная реабилитация, отнесены к мероприятиям по социальной адаптации и ресоциализации.

Итак, подводя итог рассуждениям о целях исполнительной пробации, можно сделать следующие выводы:

- категории «ресоциализация», «социальная адаптация» и «социальная реабилитация» используются законодателем и для обозначения определенного комплекса мероприятий (как процесс или деятельность), и для обозначения конечного результата (целей) пробации;

- цель ресоциализации для исполнительной пробации носит ограниченный характер, поскольку ее постановка целесообразна только при применении пробации в отношении лиц, которые ранее были изолированы от общества в связи с применением к ним соответствующего наказания;

- цель социальной адаптации может быть определена как установление позитивных отношений личности в обществе, которые улучшают условия его жизнедеятельности и обеспечивает (стимулируют) его правопослушное поведение – при таком понимании для исключения содержательного дублирования друг друга цель социальной адаптации целесообразно соотносить с целью коррекции социального поведения, поскольку коррекция социального поведения также направлена на стимулирование правопослушного поведения лица;

- цель социальной реабилитации должна быть исключена из закона о пробации, а мероприятия, поименованные законодателем как мероприятия по социальной реабилитации, должны быть отнесены к социальной адаптации (в случае установления социальных связей) или ресоциализации (в случае восстановления социальных связей).

Таким образом, целями исполнительной пробации являются ресоциализация (в отношении отдельных категорий осужденных), социальная адаптация и улучшение условий жизнедеятельности, а также стимулирование правопослушного поведения лиц, в отношении которых применяется исполнительная пробация, и предупреждение совершения ими новых преступлений.

Вопрос о том, были ли достигнуты все эти цели на практике в рамках тех дел, по которым пробация была начата и окончена в 2024 г., на сегодняшний день остается открытым, поскольку объективная оценка достижения целей пробации имеет отложенный характер и может быть дана только по прошествии более длительного периода с начала реализации данного института. Вместе с тем следует отметить, что по изученным нами делам положительный эффект пробации и достижение отдельных ее целей всё же могут быть отмечены. Так, в трех из изученных нами случаев лицам, обратившимся за пробацией, были восстановлены и (или) оформлены новые документы, необходимые для их дальнейшего полноценного функционирования в обществе (как правило, это был документ, удостоверяющий личность). В одном случае лицо было трудоустроено, еще в одном случае осужденному было предоставлено временное место проживания. В каждом из указанных случаев условия жизнедеятельности лиц, обратившихся за пробацией, были в определенных аспектах улучшены, им было оказано необходимое содействие, способствующее их социальной адаптации и/или ресоциализации. Безусловно, очень многое в достижении целей пробации зависит от мотивационной настроенности самих лиц, в отношении которых применяется пробация, и отлаженности механизма взаимодействия субъектов пробации. В рамках настоящей работы нами были предложены возможные направления совершенствования законодательного определения целей пробации.

4. Выводы

По результатам исследования теоретических аспектов и практики применения исполнительной пробации могут быть сделаны следующие выводы:

1. Положения Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», регламентирующие исполнительную пробацию, получили свою практическую реализацию в первый год действия закона, на что указывает наличие в каждом из изученных нами субъекте Российской Федерации практики применения исполнительной пробации с ее положительным окончанием. Это означает, что в целом ме-

ханизм реализации исполнительной проба́ции, предусмотренный действующим законодательством, является рабочим, хотя, на наш взгляд, и нуждается в дальнейшем совершенствовании.

2. С учетом анализа законодательного определения исполнительной проба́ции и выявленных в нем несовершенств предлагается следующее определение рассмотренного нами вида проба́ции: исполнительная проба́ция – это вид проба́ции, применяемый в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации и указанных в ч. 1 ст. 11 настоящего закона, при исполнении в отношении них наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества и иных мер уголовно-правового характера, и представляющий собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию и социальную адаптацию указанных лиц.

3. Целями исполнительной проба́ции являются ресоциализация (в отношении отдельных категорий осужденных), социальная адаптация и улучшение условий жизнедеятельности, а также стимулирование правопослушного поведения лиц, в отношении которых применяется исполнительная проба́ция, и предупреждение совершения ими новых преступлений. Цель социальной реабилитации предлагается исключить из закона.

В завершение отметим, что в настоящей статье представлены лишь некоторые выводы и предложения, касающиеся законодательного регулирования и практики применения исполнительной проба́ции. Надеемся, что данные результаты будут полезными для будущих исследований и смогут стать отправной точкой в изучении иных аспектов проба́ции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скороходова А. С. Пробация в Российской Федерации: история и перспективы / А. С. Скороходова // Вестник уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 1 (260). – С. 36–42.
2. Васильев К. А. История становления и развития института проба́ции: зарубежный опыт / К. А. Васильев // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Н. Ивашко. – Новокузнецк : Кузбас. ин-т Федер. службы исполнения наказаний, 2020. – Вып. 4. – С. 11–15.
3. Веселова А. П. Патронат в Российской империи как первый опыт отечественной проба́ции / А. П. Веселова // *Ius Publicum et Privatum*. – 2023. – № 1 (21). – С. 18–25. – DOI: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001.
4. Дорожинский А. А. Исполнительная проба́ция: проблемные вопросы предупреждения повторных преступлений среди осужденных без изоляции от общества / А. А. Дорожинский // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Барнаул, 15–16 июня 2023 г.) / под ред. Ю. В. Анохина. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2023. – С. 98–100.
5. Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность / В. А. Уткин // Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 75–80.
6. Уткин В. А. О перспективах участия граждан в проба́ции / В. А. Уткин // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии : материалы XIV Рос. конгр. уголов. права (Москва, 30–31 мая 2024 г.). – М. : Юрлитинформ, 2024. – С. 538–544.
7. Уткин В. А. О перспективах проба́ции в России / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 4. – С. 5–8.
8. Скиба А. П. Принятие Федерального закона «О проба́ции в Российской Федерации»: некоторые направления развития законодательства о противодействии преступности / А. П. Скиба // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2 (59). – С. 65–79.
9. Скиба А. П. Закон «О проба́ции в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права / А. П. Скиба, Н. С. Малолеткина // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 1 (54). – С. 80–90.
10. Скиба А. П. Федеральный закон «О проба́ции в Российской Федерации»: направления развития уголовного права / А. П. Скиба // Союз криминалистов и кримиологов. – 2024. – № 1. – С. 19–25.
11. Ольховик Н. В. Правовые проблемы применения исполнительной проба́ции / Н. В. Ольховик // Уголовная юстиция. – 2024. – № 23. – С. 88–91. – DOI: 10.17223/23088451/23/14.
12. Тепляшин П. В. «Отложенная» политика реализации Федерального закона «О проба́ции в Российской Федерации» / П. В. Тепляшин // Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие

общественности : материалы II Нац. (всерос.) науч.-практ. конф. (Красноярск, 27 окт. 2023 г.). – Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2024. – С. 169–172.

13. Агабекян А. Л. К вопросу о гарантиях защиты частных интересов «клиента» пробации в новом Федеральном законе № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» / А. Л. Агабекян // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 4 (57). – С. 9–15.

14. Гета М. Р. Пробация в уголовном праве зарубежных стран : учеб. пособие / М. Р. Гета. – Усть-Каме-ногорск : Изд-во ВКГУ им. С. Аманжолова, 2004. – 92 с.

15. Гета М. Р. Пробация в современной России: «подводные рифы» ее правового регулирования / М. Р. Гета // Петербургские пенитенциарные конференции : сб. материалов комплекса междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 г.) : в 2 т. – СПб. : С.-Петерб. ун-т Федер. службы исполнения наказаний, 2024. – Т. 1. – С. 52–55.

16. Гета М. Р. Пробация в России: первые шаги от научной идеи к практическому воплощению / М. Р. Гета // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Самара, 1–2 июня 2023 г.). – Самара : Сам. юрид. ин-т ФСИН России, 2023. – С. 51–54.

17. Абатуров А. И. Служба пробации: зарубежный опыт : моногр. / А. И. Абатуров, А. А. Коровин ; под общ. ред. Н. Б. Хуторской. – Киров : Спектр-Принт, 2013. – 174 с.

18. Абатуров А. И. Пробация как элемент постпенитенциарной безопасности / А. И. Абатуров // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Сам. юрид. ин-та ФСИН России. – Самара : Сам. юрид. ин-т ФСИН России, 2024. – С. 3–11.

19. Уткин В. А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В. А. Уткин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. – 189 с.

20. Уткин В. А. О правовой природе воспитательных мер, применяемых к осужденным за преступления / В. А. Уткин // Актуальные проблемы государства и права в современный период : сб. ст. – Томск, 1981. – С. 188–189.

21. Васеловская А. В. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре по Уголовному кодексу Российской Федерации / А. В. Васеловская. – М. : Юрлитинформ, 2023. – 184 с.

22. Малышева И. В. Исполнительная и постпенитенциарная пробация в деятельности уголовно-исполнительных инспекций / И. В. Малышева // Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Самара, 20–21 июня 2024 г.). – Самара : Сам. юрид. ин-т ФСИН, 2024. – С. 13–16.

23. Царева Е. А. Понятие и виды пробации / Е. А. Царева // Уголовная юстиция. – 2023. – № 22. – С. 91–94.

24. Кривенцева С. М. Исполнительная и постпенитенциарная пробация / С. М. Кривенцева // Флагман науки. – 2024. – № 6 (17). – С. 683–684.

25. Уткин В. А. «Исправление», «ресоциализация», «социальная реабилитация» / В. А. Уткин // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – Ч. 50. – С. 58–60.

REFERENCES

1. Skorokhodova A.S. Probation in the Russian Federation: history and prospects. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2024, no. 1 (260), pp. 36–42. (In Russ.).

2. Vasil'ev K.A. The history of the formation and development of the Probation Institute: foreign experience, in: Ivashko N.N. (ed.). *Vestnik molodogo uchenogo Kuzbasskogo instituta*, collection of scientific works, Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2020, iss. 4, pp. 11–15. (In Russ.).

3. Veselova A.P. Patronage in the Russian Empire as the first experience of domestic probation. *Ius Publicum et Privatum*, 2023, no. 1 (21), pp. 18–25. DOI: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.001. (In Russ.).

4. Dorozhinskii A.A. Executive probation: problematic issues of preventing repeat crimes among convicts without isolation from society, in: Anokhin Yu.V. (ed.). *Sibirskii yuridicheskii forum: sovremennye problemy nauki i praktiki v ugolovnom prave i kriminologii*, Proceedings of the international scientific and practical conference (Barnaul, June 15–16, 2023), Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2023, pp. 98–100. (In Russ.).

5. Utkin V.A. Resocialization of persons released from punishment: past and present. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian journal of Criminal law*, 2014, no. 1 (3), pp. 75–80. (In Russ.).
6. Utkin V.A. On the prospects of citizens' participation in probation, in: *Obshchestvennaya opasnost' v ugolovnom, ugolovno-ispolnitel'nom prave i kriminologii*, Proceedings of the XIV Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 30–31, 2024), Moscow, Yurlitinform Publ., 2024, pp. 538–544. (In Russ.).
7. Utkin V.A. On probation prospects in Russia. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-executory system: law, economics, management*, 2016, no. 4, pp. 5–8. (In Russ.).
8. Skiba A.P. Adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation": some areas of development of legislation on combating crime. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2024, no. 2 (59), pp. 65–79. (In Russ.).
9. Skiba A.P., Maloletkina N.S. The Law "On Probation in the Russian Federation" as a prerequisite for the further development of penal law. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 1 (54), pp. 80–90. (In Russ.).
10. Skiba A.P. Federal Law "On Probation in the Russian Federation": directions for the development of criminal law. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The union of criminalists and criminologists*, 2024, no. 1, pp. 19–25. (In Russ.).
11. Olkhovik N.V. Legal issues of applying executive probation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2024, no. 23, pp. 88–91. DOI: 10.17223/23088451/23/14. (In Russ.).
12. Teplyashin P.V. The "deferred" policy for the implementation of the Federal Law on Probation in the Russian Federation, in: *Teoreticheskie osnovy pravovoi politiki v sovremennoi Rossii. Uchastie obshchestvennosti*, Proceedings of the II National (All-Russian) scientific and practical conference (Krasnoyarsk, October 27, 2023), Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2024, pp. 169–172. (In Russ.).
13. Agabekyan A.L. On the issue of guarantees for protecting private interests of the "client" of probation in the new Federal law No. 10-FZ "On probation in the Russian Federation". *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2023, no. 4 (57), pp. 9–15. (In Russ.).
14. Geta M.R. *Probation in the criminal law of foreign countries*, Teaching aid. Ust-Kamenogorsk, EKSU named after S. Amanzholov Publ., 2004. 92 p. (In Russ.).
15. Geta M.R. Probation in modern Russia: "underwater reefs" of its legal regulation, in: *Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii*, Collection of materials of a complex of international scientific and practical conferences (St. Petersburg, Pushkin, May 16–17, 2024), in 2 volumes, St. Petersburg, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service Publ., 2024, vol. 1, pp. 52–55. (In Russ.).
16. Geta M.R. Probation in Russia: the first steps from a scientific idea to practical implementation, in: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt*, Proceeding of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation (Samara, June 1–2, 2023), Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2023, pp. 51–54. (In Russ.).
17. Abaturov A.I., Korovin A.A. *Probation service: foreign experience*, Monograph, ed. by N.B. Khutorskaya. Kirov, Spektr-Print Publ., 2013. 174 p. (In Russ.).
18. Abaturov A.I. Probation as an element of post-penitentiary security, in: *Yuridicheskaya nauka i praktika*, Almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2024, pp. 3–11. (In Russ.).
19. Utkin V.A. *Punishment and correctional labor impact*. Tomsk, Tomsk University Publ., 1984. 189 p. (In Russ.).
20. Utkin V.A. On the legal nature of educational measures applied to those convicted of crimes, in: *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyyi period*, Collection of articles, Tomsk, 1981, pp. 188–189. (In Russ.).
21. Vaselovskaya A.V. *Compulsory treatment in a psychiatric hospital under the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2023. 184 p. (In Russ.).
22. Malysheva I.V. Executive and post-penitentiary probation in the activities of penal enforcement inspections, in: *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, politika, protsess*, Proceeding of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Samara, June 20–21, 2024), Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ., 2024, pp. 13–16. (In Russ.).
23. Tsareva E.A. Concept and types of probation. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2023, no. 22, pp. 91–94. (In Russ.).

24. Kriventseva S.M. Executive and post-penitentiary probation. *Flagman nauki*, 2024, no. 6 (17), pp. 683–684. (In Russ.).

25. Utkin V.A. “Correction”, “re-socialization”, “social rehabilitation”, in: *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti*, Collection of articles, Tomsk, Tomsk University Publ., 2011, pt. 50, pp. 58–60. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Васеловская Александра Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института
Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36
E-mail: vasselovskaya.a@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8158-6574
ResearcherID: HNP-8748-2023
SPIN-код РИНЦ: 9302-3012

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexandra V. Vasselovskaya – PhD in Law; Associate Professor, Department of Criminal Law; Senior Researcher, Laboratory of Social and Legal Research at the Law Institute
National Research Tomsk State University
36, Lenina pr., Tomsk, 634050, Russia
E-mail: vasselovskaya.a@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8158-6574
ResearcherID: HNP-8748-2023
RSCI SPIN-code: 9302-3012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Васеловская А.В. Понятие и цели исполнительной пробы в России / А.В. Васеловская // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 139–148. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).139-148.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vasselovskaya A.V. The concept and goals of executive probation in Russia. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 139–148. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).139-148. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 349.2

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).149-158

МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ ВАХТОВЫЙ МЕТОД: ДИСКРИМИНАЦИЯ РАБОТНИКОВ И ДИСБАЛАНС «СЕВЕРНЫХ» ГАРАНТИЙ

Л.В. Зайцева, Т.А. Анбрехт

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

24 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Исследованы проблемы правового регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Выявлены противоречия исчисления стажа, дающего право на ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск работникам, выполняющим работы вахтовым методом в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Сделаны выводы о необходимости внесения изменений в законодательство и сформулированы предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова

Вахтовый метод, Крайний Север,

гарантии и компенсации

работающим вахтовым методом

лицам, отпуск, трудовой стаж

INTERREGIONAL ROTATIONAL METHOD: DISCRIMINATION OF WORKERS AND IMBALANCE OF “NORTHERN” GUARANTEES

Larisa V. Zaitseva, Tatiana A. Anbrekht

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Article info

Received –

2025 February 24

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

Subject. The shortage of labor in the Russian labor market is one of the most serious challenges to the country's socio-economic development. Labor resources for production connected with the extraction of natural resources in the Far North and similar areas are provided using the rotational method of work organization. For persons working on the rotational method in the Far North and similar areas, the legislator has established increased guarantees and compensation in connection with work under extreme natural and climatic conditions. However, the analysis of current legal policy reveals a decrease in the level of established guarantees and compensation.

The aim of the article is to identify the grounds for guarantees and compensation for persons working on the rotational method in the Far North and similar areas.

Keywords

Rotational method, the Far North,

guarantees and compensations for

persons working on the rotational

method, leave, length of service

Methodology. The study is based on the use of both general scientific (analysis, synthesis) and special (formal-legal, functional, legal-technical) research methods. The authors analyzed the materials of Russian judicial practice regarding the provision of guarantees and compensation for persons working on the rotational method in the Far North and similar areas.

Main results. The authors criticized the dependence of guarantees for workers who perform rotational method in the Far North and similar areas from the place of permanent residence of the employee: in unfavorable climatic conditions in the Far North and similar areas or traveling to perform work from other regions. The authors noted that Article 302 of the Labor Code of the Russian Federation, which establishes guarantees and compensation for workers traveling to work on the rotational method in the Far North and equivalent areas, contains legal uncertainty in determining the duration of annual additional paid leave. At the same time, according to the provisions of this norm, the length of service, that entitles workers to appropriate guarantees and compensation when traveling to work on the

rotational method in the Far North and similar areas from other regions, includes only calendar days of rotation and actual travel time.

Conclusions. The place of permanent residence of persons working on the rotational method in the Far North and similar areas cannot be used as a basis for differentiating legal regulation of labor relations. Thus, the definition of the length of rest time must be linked to working time, respectively, without making its duration dependent on factors unrelated to the performance of work duties. The authors propose to improve the legislation on guarantees and compensation for persons working on the rotational method in the Far North and similar areas.

1. Введение

Сегодня дефицит рабочей силы на российском рынке труда стал одним из самых серьезных вызовов для дальнейшего социально-экономического развития нашей страны. Но если говорить о добыче природных ресурсов в районах Крайнего Севера и других отдаленных местностях с низкой плотностью населения, то обеспечение производства трудовыми ресурсами здесь всегда было и остается первостепенной задачей.

Традиционным для решения этой задачи является применение вахтового метода организации труда. Для отдельных отраслей, например нефтегазовой, такой метод является основным в организации труда [1, с. 219]. Так, эксперты платформы поиска работы *HeadHunter* отметили, что количество вакансий для работ, выполняемых вахтовым методом, ежегодно увеличивается. Например, за январь – апрель 2024 г. число таких предложений выросло на 36 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 г., соответственно, на начало 2024 г. на них приходилось 7 % всех предложений о работе. При этом доля открытых вакансий о работе вахтовым методом в Красноярском крае составила 5,3 % всех подобных предложений, в Иркутской области – 5,1 %, в Томской области – 1,2 %¹.

Следует отметить, что работники, привлекаемые для работы вахтовым методом, могут жить как на территориях с особыми природно-климатическими условиями, так и вне их. Еще со времен СССР в стране сформировалась практика организации региональной (внутрирегиональной) и межрегиональной вахты [2, с. 174]. В тот же период сформировался подход, который, вероятно, компенсировал дополнительные издержки по перевозу персонала из центральных и южных регионов страны на Север тем,

что таким вахтовикам «северные» гарантии и компенсации (например, надбавки за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях) начислялись только за время, проведенное на вахте и в пути. Такой же подход был воспринят современным Трудовым кодексом (далее – ТК) РФ и даже получил свое продолжение, которое с учетом современных экономических реалий выглядит не всегда однозначно.

С одной стороны, сегодня работодатели давно избавлены от необходимости не только организовывать перевозку межрегиональных вахт, но и по закону не обязаны компенсировать их затраты по проезду от места жительства до пункта сбора и обратно. Таким образом, законодатель снял с работодателей, применяющих межрегиональных вахтовый метод, огромную ношу транспортных издержек, сохранив только обязанность работодателя обеспечивать проезд от места нахождения работодателя или пункта сбора до места вахты и обратно², что является вполне логичной рыночной мерой, предоставляющей рынку труда в лице рабочей силы самостоятельно и за свой счет отрегулировать собственную занятость, сделав ее маятниковой или периодической.

С другой стороны, ТК РФ и практика его применения явно пошли по пути углубления дифференциации правового регулирования труда лиц, работающих не только вахтовым методом, но и в особых природно-климатических условиях, с одновременным учетом того факта, где проживает, а не только работает такой работник [3, с. 98].

2. Постановка проблемы

В 2004 г. были внесены известные изменения и дополнения в ТК РФ, которые были не сразу осмыслены участниками трудовых отношений и правоприменителями. Анализ норм гл. 50 ТК РФ явно демон-

¹ Серов В. В Томской области на 25 % выросло количество вахтовых вакансий // TOMSK.RU. 2024. 6 мая. URL: <https://www.tomsk.ru/news/view/v-tomskoy-oblasti-na-25-vyroslo-kolichestvo-vahtovyh-vakansiy> (дата обращения: 07.02.2025).

² Жандарова И. Работодатели оплатят вахтовикам проезд к месту работы // Российская газета. 2023. 1 марта. URL: <https://rg.ru/2023/03/01/tuda-obratno.html> (дата обращения: 07.02.2025).

стрирует постепенное снижение уровня «северных» гарантий и компенсаций, с дальнейшей корректировкой такого подхода посредством актов высших судов Российской Федерации [4, с. 27].

В этой связи изменения ст. 302 ТК РФ, закрепляющей, кроме прочего, дифференциацию правового регулирования предоставления «северных» гарантий и компенсаций вахтовикам, выглядит последовательным проведением той же правовой политики. С особым подходом в отношении порядка исчисления процентной надбавки за стаж работы на Севере в отношении лиц, не проживающих на Севере, всё более-менее понятно. Во всяком случае, присутствует преемственность норм трудового права СССР в том, что в стаж работы, дающий право на указанные надбавки, включается исключительно время работы на вахте, а также время пребывания в пути от пункта сбора до места вахты и обратно [5].

При этом всем вахтовикам в равной степени начисляется районный коэффициент к заработной плате, без каких-либо исключений и особых правил, зависящих от места их постоянного проживания. Но вот с вопросом относительно исчисления стажа, дающего право на дополнительный отпуск в связи с работой на Севере, на наш взгляд, возникли проблемы, часть из которых можно оценить как дискриминацию – установление ограничений и преимуществ, не связанных с деловыми качествами работника [6, с. 103].

3. Место постоянного проживания лица, работающего вахтовым методом, – основание дифференциации или дискриминации?

Статья 3 ТК РФ устанавливает, что не является дискриминацией (а значит, может рассматриваться как законная дифференциация) установление законом различий, которые:

- определяются свойственными данному виду труда требованиями;
- обусловлены особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите;
- установлены в целях обеспечения национальной безопасности, поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов, содействия в приоритетном порядке трудоустройству граждан Российской Федерации и в целях решения иных задач внутренней и внешней политики государства.

Неудачность такого подхода к определению того, что не является дискриминацией в силу закона [7], тем не менее позволяет сделать вывод о том, что установление различий в зависимости от места жи-

тельства [8, с. 480] и формы вахтового метода (региональный или межрегиональный) не вписывается ни в одну из законных причин особого подхода. Место жительства работника не рассматривается в трудовом праве как основание для дифференциации регулирования труда, в отличие от работы на тех или иных территориях с особыми природно-климатическими условиями [9].

Сразу отметая аргументы о необходимости особой защиты вахтовиков, проживающих на Севере, и цели поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов как наиболее приближенных к рассматриваемой проблеме, отметим следующее. Во-первых, и те, и другие в равной степени работают на Севере и отрабатывают установленную норму рабочего времени. При этом гарантия, которая напрямую зависит от стажа работы в районах Севера, фактически исчисляется именно за время фактического нахождения на месте работы, расположенном на Севере. Безусловно, комфортнее проживать не на Севере, но с точки зрения здоровьесбережения гораздо опаснее, постоянно проживая на условном юге, периодически переезжать на работу на Север и возвращаться обратно. Так что работники, постоянно испытывающие негативные последствия постоянных длительных переездов и акклиматизаций также заслуживают отдельной заботы государства, и, возможно, не меньшей, чем те, кто постоянно проживает на территориях с особыми природно-климатическими условиями. Во всяком случае, в отдельных научных исследованиях указывается на необходимость учета адаптивно-климатических факторов при организации труда вахтовиков, связанных с постоянной сменой периодов их адаптации и реадaptации к новым климатическим условиям [10; 11].

Во-вторых, что касается «поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов», то здесь этот баланс поддерживается уже упомянутой выше рыночной мерой – повышенными издержками на проезд самих работников, проживающих далеко от пункта сбора, если только работодатели через коллективно-договорное регулирование не компенсируют работникам эти расходы [12], что сегодня происходит всё реже.

4. Проблемы предоставления дополнительного отпуска за работу на Крайнем Севере вахтовикам, не проживающим в указанных районах

Итак, наиболее ярким примером, на наш взгляд, является дискриминация (а не дифференциация) вахтовиков, работающих по так называемой межрегиональной вахте, в вопросе продолжитель-

ности дополнительных отпусков за работу на Севере. Статья 302 ТК РФ содержит плохо согласованные между собой нормы, что демонстрирует, как минимум, правовую неопределенность. С одной стороны, в этой статье указано, что вахтовикам устанавливается дополнительный оплачиваемый отпуск 24 и 16 календарных дней за работу в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях соответственно [13, с. 135]. С другой стороны, в той же статье указано, что в стаж работы, дающий право на соответствующие гарантии и компенсации для лиц, выезжающих на северные вахты из других регионов страны, включается только время нахождения на вахте плюс время в пути туда и обратно. Кроме того, отдельно указывается, что для вахтовиков, проживающих на Севере и выезжающих на северную вахту из того же или другого северного региона, «северные» гарантии и компенсации предоставляются на общих для всех жителей Севера основаниях, т. е. для них стаж считается календарно, без учета фактического пребывания на месте вахты (в отличие от вахтовиков из других регионов страны).

Руководствуясь формальным толкованием указанных норм при возникновении споров о продолжительности ежегодных оплачиваемых отпусков при межрегиональной вахте, суды последние десять лет выносят решения в пользу работодателей, присоединяясь к мнению о том, что для межрегионального вахтовика дополнительный отпуск рассчитывается пропорционально времени его нахождения на вахте³. Хотя встречаются и другие судебные решения, когда суд рассчитывает компенсацию за неиспользованный отпуск без применения правил пропорционального расчета, вероятно, в отсутствие соответствующих возражений со стороны ответчика⁴.

В этой связи можно сформулировать концептуальные и формально юридические аргументы, демонстрирующие слабость позиции о необходимости предоставлять вахтовикам, не проживающим на Севере, дополнительный отпуск пропорционально времени вахты. Концептуально отпуск – это время отдыха, призванное компенсировать временные трудовые затраты (экономический аспект), обеспечить реализацию конституционного права на отдых (правовой аспект) и способствовать восстановлению сил

и здоровья работника (медицинский аспект) [14, с. 91]. Дополнительный отпуск – мера, связанная с тем, что работающий на Севере в большей степени рискует своим здоровьем и, вероятно, нуждается в дополнительном отдыхе. При этом независимо от того, что при межрегиональной вахте работник часть своего рабочего года проводит в менее экстремальных природно-климатических условиях, тем не менее он больше рискует своим здоровьем, которое расходуется и на акклиматизацию. У вахтовиков повышаются риски для здоровья, появляется необходимость в увеличении критериев и индикаторов для оценки такого риска [15].

Также с точки зрения экономического аспекта следует отметить, что независимо от места жительства вахтовиков, каждый из них отрабатывает одинаковую норму рабочего времени, с которой традиционно взаимосвязана продолжительность времени отдыха. Представляется справедливым решение вопросов продолжительности времени отдыха увязывать с рабочим временем, не ставя его продолжительность в зависимость от факторов, не связанных с исполнением трудовых обязанностей.

Здесь можно обратить внимание на последствия применения несправедливых с точки зрения работников правил. В рассматриваемом нами случае вахтовики, фактически проживающие не на северных территориях, неправовыми средствами фактивно решают вопросы своей регистрации по месту жительства на нужной для получения полных льгот территориях (попросту «покупают» регистрацию по месту жительства на Севере).

5. Особенности исчисления и учета «северного» стажа для предоставления различных социально-трудовых гарантий при вахтовом методе

Если говорить о формально-юридических сторонах критикуемой судебной практики, то можно отметить, что, несмотря на оценку дополнительного отпуска как гарантии или компенсации, он не является ни тем, ни другим. Исходя из легальных определений гарантий и компенсаций, представленных в ст. 164 ТК РФ, компенсации – это денежные выплаты, а гарантии – средства, способы и условия, необходимые для реализации трудовых прав [16, с. 62]. Отпуск же является по своему существу временем от-

³ См., напр.: Решение Советского районного суда г. Омска № 2-783/2020 2-783/2020~М-526/2020 М-526/2020 от 3 сентября 2020 г. по делу № 2-783/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qJGjsSVg6AbA/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁴ См., напр.: Решение Промышленного районного суда г. Самары № 2-1814/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 2-1814/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j4h6MzmmVEZV/> (дата обращения: 07.02.2025).

дыха, на который работник имеет право [17, с. 89]. Гарантией здесь является выплата отпускных как условие, необходимое для реализации этого права. Компенсационный характер дополнительного отпуска [18] не делает его компенсацией как таковой.

Развивая далее рассуждения о хитросплетениях исчисления «северного» стажа вахтовиков, уместно будет упомянуть Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2006 г. № 261-О. Конституционный Суд РФ тогда осуществлял толкование норм пенсионного законодательства в части исчисления стажа, дающего право на досрочное пенсионное обеспечение в связи с работой в районах Крайнего Севера. Им использовались отчасти те же аргументы. В частности, Конституционный Суд РФ указал, что приобретение права на досрочное пенсионное обеспечение по старости законодатель связывает с работой, а не с проживанием в неблагоприятных климатических условиях Севера. Соответственно, сделан вывод о том, что при условии отработанной нормы рабочего времени за учетный период время междувахтового отдыха не должно исключаться из общего календарного периода, образующего трудовой стаж⁵.

Следует отметить, что анализ судебной практики также подтверждает, что суды, рассматривая указанную категорию споров, удовлетворяют требования истцов и включают при условии, если фактически отработано не менее установленного нормального количества рабочих часов⁶, время междувахтового отдыха в стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях⁷. Таким образом, при разрешении споров о досрочном назначении страховых пенсий в связи с работой в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях учитывается стаж, исходя из отработанной нормы рабочего времени, а не времени фактического проживания на Севере.

В этой связи совершенно не ясно, почему трудовой стаж на Севере может исчисляться по-раз-

ному в зависимости от целей исчисления. Как видим, при определении права на досрочную страховую пенсию по старости межрегиональные вахтовики имеют те же права, что и вахтовики, проживающие на Севере, при условии отработки ими нормы рабочего времени за учетный период. Однако отработка ими той же нормы рабочих часов за учетный период по каким-то причинам не создает у них права на дополнительный отпуск за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях той же продолжительности, что и у вахтовиков, не только работавших, но и проживающих на Севере.

При этом обращает на себя внимание еще один парадокс применения ст. 302 ТК РФ в рассматриваемой части. Вахтовик, проживающий в местности, приравненной к районам Крайнего Севера, но работавший на вахте на Крайнем Севере, будет получать «северные» гарантии в связи с работой именно на Крайнем Севере. Ему будет предоставляться отпуск за работу в районах Крайнего Севера (24 календарных дня), и надбавка за стаж работы будет начисляться так, как всем проживающим именно в районах Крайнего Севера. То есть, без учета того обстоятельства, что в период междувахтового отдыха он всё же проживает в менее экстремальных природно-климатических условиях, а именно в местности, приравненной к районам Крайнего Севера.

Таким образом, на наш взгляд, нарушается логика сформированного подхода к дифференциации правового регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера вахтовым методом, когда уровень гарантий снижается в случае проживания только на территориях, не относящихся к Крайнему Северу и приравненным к ним местностям, при этом не учитывая существующую дифференциацию между размером «северных» гарантий и компенсаций в зависимости от территории проживания – на территории Крайнего Севера и в местностях, к нему приравненных [19, с. 104].

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2006 г. № 261-О «По запросам Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Норильского городского суда Красноярского края о проверке конституционности положения абзаца второго пункта 8 Правил исчисления периодов работы, дающей право на досрочное назначение трудовой пенсии по старости в соответствии со статьями 27 и 28 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», а также по жалобе граждан А.В. Городчикова, М.Н. Гречко и других на нарушение их конституционных прав тем же положением» // Собра-

ние законодательства Российской Федерации. 2006. № 42. Ст. 4410.

⁶ См., напр.: Решение Новоуренгойского городского суда № 2-4367/2017 2-4367/2017~М-4050/2017 М-4050/2017 от 20 ноября 2017 г. по делу № 2-4367/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JCv7cS2jGsY1/> (дата обращения: 07.02.2025).

⁷ См., напр.: Решение Советского районного суда г. Томска № 2-528/2019 2-528/2019~М-63/2019 М-63/2019 от 21 февраля 2019 г. по делу № 2-528/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6zVd5FQtSnHW/> (дата обращения: 07.02.2025).

6. Противоречия в правилах исчисления стажа для начисления вахтовикам надбавки за стаж работы на Севере

Следуя той же логике, позволим себе подвергнуть критике и вышеупомянутую норму ст. 302 ТК РФ, предусматривающую различные правила исчисления надбавки за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Как уже отмечалось, эту норму можно считать примером преемственности трудового регулирования со времен СССР. Но только преемственностью такой подход объяснить не получится.

Дело в том, что в тот период появление и развитие правового регулирования «северных» гарантий и компенсаций объяснялось необходимостью привлечения трудовых ресурсов на территории Севера страны, где начиналось интенсивная добыча углеводородов недавно открытых месторождений. Наряду с привлечением рабочих рук вставал вопрос и о закреплении на Севере вновь привлеченных трудовых ресурсов, учитывая экстремальные условия не только природно-климатического, но и инфраструктурно-бытового характера [20, с. 111]. Процентные надбавки за стаж работы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях (коротко – «северные» надбавки) носили не только и не столько компенсационный, сколько стимулирующий характер [21, с. 37].

В советских (а потом и постсоветских – до начала 1990-х гг.) правилах исчисления надбавок зависело не просто от стажа работы на Севере, а от непрерывного «северного» трудового стажа [22, с. 128]. Для работника право на получение максимальной надбавки связывалось с непрерывностью работы не только в районах Крайнего Севера, но и в одной организации, у одного работодателя, а в случае смены работодателя имело значение причина (основание) увольнения и максимально короткий срок между увольнением и новым приемом на работу. Все ранее начисленные надбавки «сгорали» в случае увольнения за совершение виновных действий или увольнения по собственному желанию без уважительных причин. Таким образом советский законодатель боролся с так называемыми «летунами», устанавливая существенные материальные стимулы для работы на Севере в течение определенного периода (от 3 до 5 лет непрерывно в районах Крайнего Севера или в приравненных к ним местностях соответственно), предпочтительно в одной организации или объединении организаций.

Позднее, в 1990-е гг., эти правила стали постепенно изменяться в связи с переходом страны к рыночной экономике. Сначала отдельные правила «непрерывности» стажа были упрощены (отменили правила уважительности причин увольнения по собственному желанию, установили правила пропорционального снижения размера ранее выслуженных надбавок в связи с выездом из районов Крайнего Севера при возвращении в те же районы), позднее отменены вовсе. Теперь «северная» надбавка стала исчисляться только за стаж работы на Севере, который стал сохраняться при любых перерывах и при любых основаниях прекращения трудового договора. Непрерывный трудовой стаж утратил свое юридическое значение как одно из условий, определяющих право и размер указанной надбавки [23, с. 271].

Таким образом, надбавка за стаж работы в районах Крайнего Севера стала выплатой, связанной только с фактом работы на Севере. Означает ли это, что надбавка утратила свое стимулирующее значение? Думаем, что нет. Поскольку правила ее исчисления, как и прежде, ставят ее размер в зависимость от продолжительности стажа.

Но, как следует из рассматриваемой нормы ст. 302 ТК РФ, этот стаж работы исчисляется исключительно календарно, зависит от проживания на Крайнем Севере, а не только от фактической работы на указанной территории. При этом, исходя из дословного и системного толкования указанной нормы и норм гл. 50 ТК РФ, проживающему в местности, приравненной к районам Крайнего Севера, но работающему вахтовым методом на Крайнем Севере, «северная» надбавка должна начисляться так, как будто он весь календарный (учетный) период проводит в районах Крайнего Севера. А вот лицо, работающее на той же вахте, но проживающее в других регионах страны, будет зарабатывать максимальный размер «северной» надбавки примерно раза в два больше, поскольку у него в «северном» стаже будет учтен только период нахождения на вахте.

Представляется, что такой подход несправедлив по тем же причинам, о которых говорилось выше относительно дополнительного отпуска и досрочной страховой пенсии по старости. Но, в отличие от дополнительного отпуска и досрочной страховой пенсии по старости, дифференциация в исчислении процентной надбавки за стаж работы на Севере установлена федеральным законом, что делает соответствующую практику формально законной.

7. Выводы

Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Место постоянного проживания лиц, работающих вахтовым методом, не может являться законным основанием для дифференциации правового регулирования их трудовых отношений.

2. Законодательство о «северных» гарантиях и компенсациях, как и о вахтовом методе, требует дальнейшего совершенствования с точки зрения приведения его в соответствие существующим реалиям, сложившимся общественным отношениям и экономическим условиям, что обсуждается учеными достаточно давно [24; 25].

3. Как минимум, необходимо внести правовую определенность в ст. 302 ТК РФ, указав в ней, что

нормы ч. 6 не применяются к исчислению продолжительности дополнительного отпуска за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

4. Следует пересмотреть подход, устанавливающий дифференциацию правового регулирования «северных» гарантий и компенсаций для лиц, работающих вахтовым методом, как минимум, в части отмены такого критерия дифференциации, как место постоянного проживания. Это будет способствовать не только достижению принципа социальной справедливости, но и обеспечит условия для более эффективного привлечения новых трудовых ресурсов на территории Крайнего Севера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пучков А. Л. Организация труда вахтовым методом на нефтегазодобывающих предприятиях Западной Сибири / А. Л. Пучков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 296. – С. 219–222.
2. Оспичев И. М. Проблемы вахтового метода работы в современных условиях / И. М. Оспичев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 6. – С. 173–176.
3. Шишулина Т. П. Проблемы правового регулирования и организации вахтового метода работы в северных районах / Т. П. Шишулина // Юридические исследования. – 2024. – № 8. – С. 94–105. – DOI: 10.25136/2409-7136.2024.8.71105.
4. Халдеева Н. В. Трудовые отношения в районах Крайнего Севера: теория и практика правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Халдеева. – М., 2015. – 55 с.
5. Кривой В. И. Вахтовый метод организации работ / В. И. Кривой // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1985. – № 2. – С. 71–75.
6. Халдеева Н. В. Коллизии норм права в регулировании социально-трудовых отношений работников Крайнего Севера / Н. В. Халдеева // Вестник Вятского государственного университета. – 2011. – № 4 (1). – С. 101–105.
7. Лютов Н. Л. Определение дискриминации в сфере труда: международные трудовые стандарты и российский подход / Н. Л. Лютов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, вып. 4. – С. 1041–1057. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.413.
8. Рабинович А. Д. К вопросу исчисления стажа трудового стажа для оплаты труда в местностях с особыми климатическими условиями / А. Д. Рабинович // Ежегодник трудового права. – 2013. – № 8. – С. 479–486.
9. Нуртдинова А. Ф. Дифференциация регулирования трудовых отношений как закономерность развития трудового права / А. Ф. Нуртдинова, Л. А. Чиканова // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 68–82. – DOI: 10.12737/11430.
10. Сарычев А. С. Характеристика адаптивных реакций организма вахтовых рабочих в условиях Заполярья : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / А. С. Сарычев. – Архангельск, 2011. – 34 с.
11. Пономаренков В. А. Учет адаптивно-климатических факторов при формировании правовой политики в сфере организации труда вахтовым и вахтово-экспедиционным способом в северных долготно-широтных климатических условиях / В. А. Пономаренков, Н. В. Никитина // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 2. – С. 55–61.
12. Осина Д. М. Оплата проезда работников до вахты и обратно: доход работников или законная компенсация? / Д. М. Осина // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 75–81. – DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.26239.

13. Шаповал Е. А. Особенности правового регулирования ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска лицам, работающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / Е. А. Шаповал // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 1. – С. 134–136.
14. Мачульская Е. Е. Отпуска: международные акты и российское законодательство / Е. Е. Мачульская // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 6. – С. 91–96.
15. Корнеева Я. А. Риски в профессиональной деятельности вахтовых работников в условиях Крайнего Севера / Я. А. Корнеева, Н. И. Дубинина, Н. Н. Симонова, Г. Н. Дегтева, Д. М. Федотов // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. – 2013. – № 3 (91), ч. 2. – С. 83–88.
16. Петров А. Я. Гарантии и компенсации: вопросы теории российского трудового права / А. Я. Петров // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 4. – С. 62–76.
17. Демко А. А. Право на отдых и гарантии его реализации в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / А. А. Демко // Вестник Сургутского университета. – 2016. – № 4 (14). – С. 89–92.
18. Кондратьева З. А. Новое в правовом регулировании дополнительных оплачиваемых отпусков отдельных категорий работников / З. А. Кондратьева // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 131–136.
19. Скачкова Г. С. К развитию новых исследований дифференциации регулирования трудовых отношений на Крайнем Севере / Г. С. Скачкова, К. Д. Крылов // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 3 (35). – С. 101–104.
20. Фаузер В. В. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России / В. В. Фаузер, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Арктика и Север. – 2017. – № 29. – С. 90–127. – DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90.
21. Волгин Н. А. Актуальные вопросы развития российского севера: компенсационные и стимулирующие системы, направленные на привлечение и закрепление населения в северных и арктических регионах / Н. А. Волгин, Л. Н. Широкова, Л. Л. Мосина // Уровень жизни регионов России. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 34–46. – DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013.
22. Мосина Л. Л. Инкорпорация в законодательство РФ нормативных правовых актов СССР и РСФСР, касающихся районного регулирования заработной платы / Л. Л. Мосина, В. П. Старокожева // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 2 (47). – С. 124–131.
23. Филипова И. А. Трудовой стаж как категория права социального обеспечения и трудового права / И. А. Филипова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 3 (1). – С. 267–273.
24. Снигирева И. О. Особенности правового регулирования труда лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях / И. О. Снигирева // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12. – С. 2792–2796.
25. Захаров М. Л. К совершенствованию законодательства, регламентирующего трудовые отношения, гарантии и компенсации на Крайнем Севере / М. Л. Захаров, К. Д. Крылов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12. – С. 2788–2791.

REFERENCES

1. Puchkov A.L. The organization work by the method at the oil and gas extraction enterprises of the Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2007, no. 296, pp. 219–222. (In Russ.).
2. Ospichev I.M. The problems of the shift method of work in modern conditions. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*, 2020, no. 6, pp. 173–176. (In Russ.).
3. Shishulina T.P. Problems of legal regulation and organization of rotational work in the northern regions. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal studies*, 2024, no. 8, pp. 94–105. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.8.71105. (In Russ.).

4. Khaldeeva N.V. *Labor relations in the Far North: theory and practice of legal regulation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2015. 55 p. (In Russ.).
5. Krivoi V.I. Shift method of organizing work. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 1985, no. 2, pp. 71–75. (In Russ.).
6. Khaldeeva N.V. Conflicts of law regulating in social and labor relations of the Far North workers. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 4 (1), pp. 101–105. (In Russ.).
7. Lyutov N.L. Defining the employment discrimination: International labor standards and the Russian approach. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 4, pp. 1041–1057. DOI: 10.21638/spbu14.2022.413. (In Russ.).
8. Rabinovich A.D. Issue calculation of the length of work for the work's payment in the districts with special climatic conditions. *Ezhegodnik trudovogo prava = Russian Journal of Labour & Law*, 2013, no. 8, pp. 479–486. (In Russ.).
9. Nurtidinova A.F., Chikanova L.A. Differentiation of Legal Regulation of Labor Relations as Typical Tendencies of Labor Law Development. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 68–82. DOI: 10.12737/11430. (In Russ.).
10. Sarychev A.S. *Characteristics of adaptive reactions of the body of shift workers in the Arctic*, Doct. Diss. Thesis. Arkhangelsk, 2011. 34 p. (In Russ.).
11. Ponomarenkov V.A., Nikitina N.V. Directions for the formation of legal policy in the sphere of work organization by rotational and shift-forwarding methods in the Northern longitude latitudinal climatic conditions. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2019, no. 2, pp. 55–61. (In Russ.).
12. Osina D.M. Payment for workers' travel to and from their shifts: workers' income or legal compensation?. *Pravo i politika = Law and politics*, 2018, no. 5, pp. 75–81. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.5.26239. (In Russ.).
13. Shapoval E.A. Features of legal regulation of additional annual paid leave for persons working in the Far North and equivalent areas. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 1, pp. 134–136. (In Russ.).
14. Machulskaja E.E. Vacation: international instruments and Russian legislation. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2014, no. 6, pp. 91–96. (In Russ.).
15. Korneyeva Ya.A., Dubinina N.I., Simonova N.N., Degteva G.N., Fedotov D.M. Risks of shift workers in professional activity in Far North. *Byulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii meditsinskikh nauk = Bulletin of Eastern-Siberian scientific center*, 2013, no. 3 (91), pt. 2, pp. 83–88. (In Russ.).
16. Petrov A.Ya. Guarantees and compensation: questions of the theory of Russian labor law. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2013, no. 4, pp. 62–76. (In Russ.).
17. Demko A.A. The right to rest and securing its implementation in the Far North and equivalent areas. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta = Surgut State University Journal*, 2016, no. 4 (14), pp. 89–92. (In Russ.).
18. Kondratyeva Z.A. The new legal regulations of additional paid leave of certain categories of workers. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and social-educational idea*, 2015, vol. 7, no. 2, pp. 131–136. (In Russ.).
19. Skachkova G.S., Krylov K.D. To new research development of differentiation regulation of labour relations in the Far North. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2016, no. 3 (35), pp. 101–104. (In Russ.).
20. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. State preferences for the people in remote and Northern territories of Russia. *Arktika i Sever = Arctic and North*, 2017, no. 29, pp. 90–127. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90. (In Russ.).
21. Volgin N.A., Shirokova L.N., Mosina L.L. Topical Questions of Developing the Russian North: Compensation and Incentive Systems Intended to Attract and Consolidate the Population in the Northern and Arctic Regions. *Uroven' zhizni regionov Rossii = Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 34–46. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10013. (In Russ.).

22. Mosina L.L., Starokozheva V.P. Incorporation of normative legal acts of the USSR and the RSFSR on regional regulation of wages into the legislation of the Russian Federation. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*, 2022, no. 2 (47), pp. 24–131. (In Russ.).

23. Filipova I.A. Seniority as a category of the social security law and the labour law. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky state university of Nizhni Novgorod*, 2011, no. 3 (1), pp. 267–273. (In Russ.).

24. Snigireva I.O. Features of the legal regulation of persons working in the Far North and equivalent areas. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 12, pp. 2792–2796. (In Russ.).

25. Zakharov M.L., Krylov K.D. On the improvement of the legislation regulating labor relations, guarantees and compensations in the Far North. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 12, pp. 2788–2791. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор Академического департамента Школы права и управления
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень ул. Володарского, 6
E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-6134-3734
SPIN-код РИНЦ: 3218-3820

Анбрехт Татьяна Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент Академического департамента Школы права и управления
Тюменский государственный университет
625003, Россия, г. Тюмень ул. Володарского, 6
E-mail: t.a.anbrekht@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-2050-0323
SPIN-код РИНЦ: 6165-0532

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Зайцева Л.В. Межрегиональный вахтовый метод: дискриминация работников и дисбаланс «северных» гарантий / Л.В. Зайцева, Т.А. Анбрехт // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 149–158. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).149-158.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Larisa V. Zaitseva – Doctor of Law, Professor, Academic Department of the School of Law and Management
University of Tyumen
6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: l.v.zajceva@utmn.ru
ORCID: 0000-0001-6134-3734
RSCI SPIN-code: 3218-3820

Tatiana A. Anbrekht – PhD in Law, Associate professor, Academic Department of the School of Law and Management
University of Tyumen
6, Volodarskogo ul., Tyumen, 625003, Russia
E-mail: t.a.anbrekht@utmn.ru
ORCID: 0000-0002-2050-0323
RSCI SPIN-code: 6165-0532

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Zaitseva L.V., Anbrekht T.A. Interregional rotational method: discrimination of workers and imbalance of “northern” guarantees. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 149–158. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).149-158. (In Russ.).

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(4).159-163

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.И. КАЗАННИКА

А.Н. Костюков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

18 июля 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2025 г.

Представлен отчет о выступлениях участников международной научно-практической конференции памяти Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.И. Казанника «Современное российское государство и право», организованной Омским государственным университетом им. Ф.М. Достоевского и проходившей 29 мая 2025 г. в г. Омске, Российская Федерация.

Ключевые слова

Государство, конституционное право, муниципальное право, права человека, А.И. Казанник

CONTEMPORARY RUSSIAN STATE AND LAW. REVIEW OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE IN MEMORY OF PROFESSOR ALEXEY I. KAZANNIK

Alexander N. Kostyukov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2025 July 18

Accepted –

2025 September 20

Available online –

2025 December 20

The report on the speeches of the participants of the International scientific conference in memory of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Alexey I. Kazannik "Contemporary Russian state and law" is presented in the article. The conference was organized by Dostoevsky Omsk State University and held on May 29, 2025 in Omsk, Russian Federation. The most relevant topics were: representative democracy, social responsibility of the state, state power and local self-government, constitutional human rights, public finance.

Keywords

State, constitutional law, municipal law, human rights, Alexey I. Kazannik

В Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского (далее – ОмГУ) 29 мая 2025 г. состоялась Международная научно-практическая конференция памяти Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А.И. Казанника «Современное российское государство и право». Участие в работе конференции приняли более 40 ученых из России, Беларуси и Казахстана (в том числе 25 докторов наук), а также

более 100 неравнодушных слушателей из числа преподавателей вузов, практиков государственного управления, студентов и аспирантов. Далее будут представлены докладчики и основные тезисы их выступлений.

Конференцию открыл **Артемов Александр Васильевич**, председатель Законодательного Собрания Омской области. Алексей Иванович Казанник сыграл знаковую роль в современной российской ис-

тории. Его гражданская позиция, убежденность и характер помогали в самые сложные годы сохранить верность принципам, следуя чувствам долга и справедливости. Как юрист он глубоко чувствовал моральную и профессиональную ответственность перед обществом. Впереди насыщенная программа. Законодательное Собрание всегда открыто к диалогу с научным и экспертным сообществом.

Далее выступил **Шелест Сергей Николаевич**, мэр г. Омска, кандидат технических наук. Проведение Международной научно-практической конференции на омской земле почетно и логично, так как преподаватели – выпускники юридического факультета ОмГУ почетны и известны далеко за пределами нашего региона. Одним из выдающихся представителей омской юридической науки был А.И. Казанник, внесший значительный вклад в становление новой российской государственности, в обеспечение законности, правопорядка, систему защиты прав человека.

Кротт Иван Иванович, и. о. ректора ОмГУ, доцент, кандидат исторических наук. Тематика конференции своевременная, потому что будут обсуждаться актуальные вопросы конституционного развития современной России, и социальная ответственность государства, и правовые основы местного самоуправления. Профессиональная деятельность А.И. Казанника – государственный подход, обостренное чувство справедливости. Этим всегда отличался Алексей Иванович. Его жизненный путь – яркий пример бескомпромиссного служения закону и справедливости. Пример безупречного человека.

Костюков Александр Николаевич, заведующий кафедрой государственного и муниципального права ОмГУ, Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный профессор ОмГУ, доктор юридических наук, профессор. Выступил с докладом «Конституционное развитие современной России». Ключевые факторы конституционного развития современной России: первое – поправки в Конституцию РФ, утвержденные в 2020 г.; второе – внешние вызовы экономической системе Российской Федерации (от пандемии коронавируса до беспрецедентных антиправовых мер недружественных государств). Направленность поправок 2020 г.: укрепление государственного суверенитета и государственной целостности Российской Федерации; усиление социальных прав и гарантий их реализации; трансформация структуры полномочий и порядка формирования федеральных органов государственной власти; развитие идеи единства публичной власти. Усиление цен-

трализации: единая система публичной власти как совокупность органов, единое наименование органов власти субъектов; усиление контроля со стороны федерального центра; фактическое подчинение глав регионов Президенту РФ даже в вопросах, отнесенных к предметам ведения субъектов Российской Федерации. Усиление централизации в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – закон № 33-ФЗ): местное самоуправление как форма самоорганизации граждан вместо формы осуществления народом своей власти; главы муниципалитетов совмещают государственную должность субъектов Российской Федерации и муниципальную должность; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации может отрешить от должности главу муниципального образования за ненадлежащее решение вопросов жизнеобеспечения населения; систематическое недостижение показателя неэффективности; если представительный орган два и более раз отклонил инициативу главу субъекта от отрешении главы муниципального образования; возможность законом субъекта Российской Федерации перераспределить полномочия от органов местного самоуправления к органам власти субъекта Российской Федерации, и наоборот; гарантии сохранения двухуровневой системы организации местного самоуправления неконкретизированы. Конституционно-правовое регулирование на внешние вызовы экономической системы: закрепление принципов системного регулирования криптовалюты, маркетплейсов и иных цифровых платформ; необходимость правовых рамок для цифровой экономики, устранение экономического неравенства.

Смолин Олег Николаевич, депутат Государственной Думы, первый заместитель председателя Комитета по образованию и науки. Выступил как политический эксперт на тему: «А.И. Казанник и эволюция российской интеллигенции». Отметил три ключевых момента: во-первых, открытость к народу; во-вторых, постоянное стремление к образованию; в-третьих, верность не только закону, но и справедливости.

Бабурин Сергей Николаевич, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизованных исследований Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Сергей Николаевич анонсировал тему своего выступления как «Социальная ответственность государства». Но прежде, чем выступать на эту

тому, зачитал обращение к конференции бывшего Генерального Прокурора РФ Ю.И. Скуратова, который высоко отозвался об инициативе проведения конференции памяти А.И. Казанника. Сергей Николаевич остановился на социальном государстве, которое сначала появляется в головах, а потом воплощается в действительность, в отличие от Карла Маркса, у которого на первом месте была экономика, а потом уже социальные вопросы.

Шулицкая Оксана Николаевна, доцент кафедры международного права Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент, выступила на тему: «Реализация принципа демократического государства в современной Беларуси». Отметила пять моментов: 1) признание принципа народовластия; 2) разделение властей; 3) многообразие политических мнений; 4) повышение роли конституционного суда; 5) совершенствование выборов и народных обсуждений.

Ларичев Александр Алексеевич, заместитель декана по научной работе факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, доцент, выступил с докладом «К вопросу о международно-правовом регулировании местного самоуправления в странах БРИКС». Отметил особенности регулирования местного самоуправления путем централизации (Китай) и децентрализации (Бразилия). Обратил внимание на опыт развития «умных» городов, которого нет в России. При финансовой и налоговой централизации во всех странах БРИКС очень интересен опыт прозрачности трансфертов (ЮАР). Обратил внимание на опыт «мягкого права» при регламентации местного самоуправления.

Бялкина Татьяна Михайловна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права им. профессора В.С. Основина Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, выступила с докладом «Муниципальный конституционализм и основные тенденции его развития». Данный термин ввел в научный оборот профессор Бондарь. Это процесс доведения местного самоуправления до его соответствия конституционным принципам. Важно, как современная концепция регулирования местного самоуправления соответствует Конституции РФ. Местное самоуправление понимается как составная часть гражданского общества, как элемент правового положения личности, как элемент государственного и публичного начала. Соответствует ли подобному пониманию за-

кон № 33? Не в полной мере. Например, одноуровневая система местного самоуправления резко сокращает количество муниципальных образований и, соответственно, выборов на их территории. Уменьшается роль населения при территориальных изменениях. Местное самоуправление не входит в систему государственной власти, но глава муниципального образования замещает одновременно муниципальную и государственную должности.

Комкова Галина Николаевна, декан юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. Тема выступления: «Пропаганда новых конституционных категорий в конституционных реформах стран СНГ». Обратила внимание на появление в странах СНГ новых юридических категорий, таких как гражданское общество, институты гражданского общества, сохранение экологического равновесия, когда все живые компоненты могли бы гармонично сосуществовать с неживыми. В конституциях стран СНГ появилась категория «инвалид и его социальная защита».

Кравец Игорь Александрович, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Тема выступления: «Публичная власть, биоконституционализм и принцип солидарности: перспективы достижения биоэтического благополучия». Проинформировал научную юридическую общественность о получении коллективом ученых из 10 человек гранта на изучение биоэтического конституционализма в странах БРИКС, странах Латинской Америки, на опыте ЮНЕСКО и евразийских стран.

Кожевников Олег Александрович, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева. Тема выступления: «Государственная власть и местное самоуправление: российская модель взаимоотношений». Россия не готова к местному самоуправлению. Но федеральная, региональная и местная власти должны взаимодействовать между собой, поэтому появляется единая система публичной власти, при которой полномочия местного самоуправления должны укрепляться. В законе № 33-ФЗ этого не произошло. Местное самоуправление полностью подконтрольно государ-

ственной власти. Идет возрождение советской модели местной власти.

Нарутто Светлана Васильевна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор. Тема выступления: «Конституционные права человека в постлиберальном контексте». Конституция России закрепила концепцию естественных прав человека. Всё существует для человека и ради человека. Фактически Россией правит либерализм. Ответственность человека нашей конституцией утеряна. И это не только российская тенденция. ООН была подготовлена даже всемирная декларация обязанностей человека. Однако дальше проекта дело на пошло. Нужен разумный баланс между правами и обязанностями личности.

Сенцова (Карасева) Марина Валентиновна, заведующий кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, Заслуженный работник высшей школы России, доктор юридических наук, профессор. Тема выступления: «Публичные финансы, публичная власть и государственное управление». Без публичных финансов вопросы публичной власти невозможны. На них смотрят как на финансы, управляемые органами публичной власти. Но публичные финансы управляются и негосударственными организациями, например государственными корпорациями, такими как Ростех, Росатом, Роскосмос и др. Сегодня актуален аутсорсинг, который осуществляется не органами публичной власти.

Юшневич Эдвард, профессор факультета права и управления Гданьского университета (Республика Польша), доктор права. Тема: «Налогообложение роботов». Начал с теории умершей лошади. Роботы – это искусственный интеллект. Скоро изменится всё. Для роботов есть концепция базового дохода, который появляется с рождением. В Финляндии это 800 евро. Для налогообложения роботов важен субъект, которым может быть владелец робота. Остальные элементы налогообложения имеют факультативный характер.

Рой Олег Михайлович, ведущий научный сотрудник института философии и права Уральского отделения РАН, доктор социологических наук, профессор. Тема: «Реформа местного самоуправления в контексте новой пространственной стратегии России». Сравнивает закон № 33-ФЗ и Концепцию пространственного развития России. В концепции выделяется идея развития опорных населенных пунктов как элементов развития местной экономики. Закон

№ 33-ФЗ акцентирует внимание на развитии одноуровневой системы местного самоуправления, в которой среди муниципальных образований нет отдельных населенных пунктов. Налицо нестыковка федерального закона и Концепции пространственной стратегии России.

Олихов Дмитрий Владимирович, заведующий кафедрой богословских и церковно-исторических дисциплин Омской духовной семинарии, кандидат богословия. Тема: «Проблема реституции церковной собственности в Российской Федерации в постсоветский период». Церковь сегодня живет за счет пожертвований прихожан. Доходов от церковного имущества и недвижимости практически нет. Церковь поднимала вопрос о реституции и на церковном соборе и в Федеральном Собрании РФ. В государственном масштабе вопрос так и не был решен, хотя порядок передачи религиозной собственности определен.

Бучакова Марина Александровна, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор. Тема: «Научное наследие профессора Алексея Ивановича Казанника». А.И. Казанник был универсальным преподавателем, вел много юридических дисциплин – от государственного права до колхозного права. Это был выдающийся лектор. Его научное наследие включает исследования в трех направлениях: во-первых, вопросы организации деятельности местных советов народных депутатов; во-вторых, проблемы правовой охраны природы, особенно на региональном уровне; в-третьих, вопросы научной организации управленческого труда.

Баженова Ольга Ивановна, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент. Тема: «Кризис представительной демократии в России: в поисках выхода». Задача и последствия нового закона № 33-ФЗ – уничтожение представительной демократии. В России представительная демократия не состоялась. Первая причина – идея правления права, которая не предполагает широкой представительной демократии. Второе – чем занимается Конституционный Суд? Комментированием законодательства. Третье – место представительных органов в системе публичной власти определяется всего лишь законодательной функцией. Четвертое – преувеличение роли высших должностных лиц на территории всех уровней. Пятое – представительная де-

мократия не справилась с социально-экономическим развитием территорий с широким пониманием представительства. Шестое – способ формирования представительных органов через партийное представительство. Отсюда недоверие народа. Седьмое – очевидный кризис партийной системы.

Дитятковский Михаил Юрьевич, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, профессор кафедры государственного и муниципального права ОмГУ, доктор юридических наук, доцент. Тема: «Об определении компетенции местного самоуправления в новом федеральном законе о местном самоуправлении». Под компетенцией органов местного самоуправления понимается совокупность их полномочий. В законе № 33-ФЗ этого понятия нет. Новый закон отказывается от вопросов местного значения. Вместо них появляются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костюков Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой государственного и муниципального права *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: omsk.post@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1811-997X
SPIN-код РИНЦ: 1428-1209; AuthorID: 353695

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Костюков А.Н. Современное российское государство и право. Обзор международной научно-практической конференции памяти профессора А.И. Казанника / А.Н. Костюков // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 4. – С. 159–163. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).159-163.

Симонов Владимир Александрович, доцент кафедры государственного и муниципального права ОмГУ, кандидат юридических наук, доцент. Тема: «Этническое и конфессиональное как компоненты национальной политики в аспекте конституционализма». Субъект этноконфессиональной политики – государство. А государственнообразующий этнос в нашей стране – русский.

Воробьева Динара Сергеевна, старший преподаватель кафедры административного и муниципального права им. профессора В.М. Манохина Саратовской государственной юридической академии. Тема: «Принципы самоорганизации граждан и взаимодействие органов публичной власти при осуществлении местного самоуправления». В законе № 33-ФЗ граждане ограничены в осуществлении местного самоуправления значительно больше, чем в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Alexander N. Kostyukov – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of State and Municipal Law *Dostoevsky Omsk State University*
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: omsk.post@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1811-997X
RSCI SPIN-code: 1428-1209; AuthorID: 353695

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kostyukov A.N. Contemporary Russian state and law. Review of the International scientific conference in memory of Professor Alexey I. Kazannik. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 4, pp. 159–163. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(4).159-163. (In Russ.).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

- Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (категория K1)
«Белый список» – Единый государственный перечень научных изданий (категория K1)
- Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)
- Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)
- Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)
- AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)
- Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)
- ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)
- Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)
- КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)
- Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)
- Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)

Полная информация об индексации журнала представлена на его сайте (<https://enforcement.omsu.ru/jour/>)